

СВЕТОСЛАВ 2020

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

Наш петух

Встреча

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожддин САЙИД
Мухаммад АЛИ
Анатолий БАУЭР
Евгений АБДУЛЛАЕВ
Раим ФАРХАДИ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Баходыр АХМЕДОВ
Раиса КРАПАНЕЙ
Сергей МИРОНОВ

Главный редактор
Сирожддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Ольга ГВАРДИНА
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Георгий ПРЯХИН

публицистика

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЖЕСТОКОСТЬ

Могу понять, когда люди тёмные, неразвитые, не-образованные бьют и калечат слабых и малых сих, преимущественно детей и женщин. Хотя и «понять» – неточное слово. Ну, смириться, что ли. Увы, ведётся это испокон веков. И даже какая-то изуверская оправдательная присказка родилась в этих самых веках: «Бьёт – значит любит...», превращающая побои, синяки в почти что застенчивый макияж.

Но в последнее время, если не всё чаще, всё больше, то, по крайней мере, всё г р о м ч е лупят и уродуют именно образованные.

Миляуша КАГАРМАНОВА

переводы

ГОЛУБАЯ ПУГОВКА

Рассказ

Каждая из них посылала мужу сигнал, что она поняла, что она здесь, рядом. Каждая вспомнила о зашитой в укромном месте одежды бесценной синей пуговице и тех сладких словах, которые муж говорил, когда дарил свой подарок... Каждая знает, почему на камзоле мужа не хватает пуговицы, только ей известно, где она...

...А о том, сколько этих пуговиц было на самом деле – знают только...

Сергей ГОРДИН

ПОЭЗИЯ

Мне всё равно...

За кольцо одиночества
Руки ловят,
И смеются...
Соплями измазав пальцы,

И рванув свое мясо,
Ты вновь уходишь
От словоблудства,
Как от святотатства.

ИГРА В ОТКРЫТУЮ

Фантастический роман

31 мая... Главной новостью было выступление председателя ВОЗ...

После того как инфекция достигла самых отдаленных точек земного шара, вирусологам удалось более детально изучить вирус. Заболевание имеет губительные для человека последствия – необратимые изменения, разрушающие иммунную систему. В результате через 2-3 недели организм, лишенный своей защитной функции, погибает от какого-либо заболевания: от ОРВИ, простуды, отравления, различных инфекций.

Флейта за пазухой бьётся птицей...

С большинством

у меня есть единственный общий язык – молчание.
Девяносто процентов любви приходится на отчаяние.

Вещество,

из которого я состою, разрушается в этом воздухе.
Всё вокруг слишком жёсткое, твёрдое, острое.

Жизнь была бы довольно печальна,
если бы за пределами этого острова
больше не было ничего.

ЕГО ЮМОР БУДЕТ ЖИТЬ ВЕЧНО

Очерк

Каждая роль Сайиб Ходжаева – это частичка его сердца, его души. Художественное чутье, кропотливая работа над каждым образом, требующая психологического проникновения, достоверности и пристального аналитического взгляда на мир, обусловили народное признание артиста, заслуженную любовь и уважение не только в нашей республике, но и во всей Центральной Азии.

СОДЕРЖАНИЕ
ПУБЛИЦИСТИКА

Георгий ПРЯХИН. Интеллигенция и жестокость.5

ПРОЗА

Артём ГОРОХОВ. Игра в открытую. Фантастический роман.12

Андрей ЯКОВЛЕВ. Игра тени и света. Миниатюры.82

Александр БИРШТЕЙН. Портрет. Рассказ.125

ПОЭЗИЯ

Виктория ОСАДЧЕНКО. Флейта за пазухой бьется птицей...51

Сергей ГОРДИН. Мне всё равно...91

Раим ФАРХАДИ. Жизни и Смерти страницы.103

КАРАВАН ИСТОРИИ

Мамурходжа ХОДЖАЕВ. Его юмор будет жить вечно. Очерк.88

Борис ГОЛЕНДЕР. Помнишь, брат?121

Юрий ФЛЫГИН. Вехи истории.136

ПЕРЕВОДЫ

Миляуша КАГАРМАНОВА. Голубая пуговка. Перевод с башкирского Ильяса Сафина.77

Нарзулло БАТИРОВ. Шарофат. Повесть. Перевод с узбекского Галины Рахматулаевой.106

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Альбина МАРКЕВИЧ. Любимый край.70

Гуарик БАГДАСАРОВА. Будем встречаться!..72

Мунира БАБАЯРОВА. Всем солнечный привет!75

НОВЫЕ ИМЕНА

Равшан ТИЛАХОДЖАЕВ. Записки пилота. Рассказы.60

Александр ПЕТРЕНКО (РАЛОТ). Байки старого мельника. Рассказы.95

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Инна ГОРЛИНА. Национальное и общечеловеческое в балетном искусстве.128

Абдунаби БОЙКУЗИЕВ. Светлые ночи художника.144

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

Николай ИЛЬИН. Фантомная боль души.54

Наталья ПЕТРУХИНА. Рецепция комического полиобраза у Ф. Достоевского и М. Зощенко.132

Садиржон ЯКУБОВ. Немецкие переводы романов Абдуллы Кадыри.138

Расул БАБАЕВ. Его Восток.150

Звезда Востока

2020 № 5

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и

информации

Reg. № 0296

05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор,

Адиблар хибони, здание

Союза писателей Узбекистана.

тел. (71) 231-23-67

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

zvezdavostokazv@umail.uz

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Ольга ГВАРДИНА

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 1200 экз. Заказ № 30

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ООО «PRINT REBEL».

г. Ташкент, Алмазарский р-н, ул.

Уразбаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет авторов, что к рассмотрению принимаются рукописи, выполненные в компьютерном наборе, объемом не более 50 страниц. Набор текста в любом формате с приложением электронной версии и распечатки.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Письменные заключения не даются. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока» обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЖЕСТОКОСТЬ

Полемические заметки

Георгий ПРЯХИН

Мою мать пытались зарезать.

Если бы злодеяние удалось, она, и без того своей смертью скончавшаяся в сорок пять, ушла бы вообще непостижимо рано, где-то в сорок. Уходят, конечно, и куда раньше, смерть не спрашивает, но на руках у неё осталось бы трое. Мал мала меньше. Мы в конечном счёте и остались, повисли без её спасительных рук, но всё-таки пятью годами позже.

Самого прощеса, самой трагедии я тогда, десятилетний, не видел, не наблюдал. Собирал в степной лесополосе «ничейные» первые абрикосы и уже трусцой возвращался в село: тут, на полпути, на выгоне, меня и перехватил, «перестрел», как выражались в Николе, соседский мальчишка Вовка Литвин. Заика. И, заикаясь ещё отчаяннее, восторженно, одиночными, выпали:

– Б-е-е-г-и к нам!.. Т-в-о-ю мамку зарезали!..

Впрочем, «зарезали» из него вылетело прямо-таки сущельным, нерушимым словом...

Вовка где-то года на три моложе меня (к тому же – хозяйственный!). Он сразу же отстал и тотчас же кинулся собирать рассыпавшиеся по траве из отброшенного алюминиевого бидончика только что добытые мною ценою жестоких царапин полузрелые, но уже соблазнительные абрикосы. Я же, задыхаясь от смертного страха больше, чем от бега, стремглав ринулся к Вовкиной хате, что стояла в полукилометре от нашей. Расспрашивать его подробнее всё равно бесполезно – быстрее добегу до их под завязку набитой разнокалиберными и разнополюми огольцами землянки, чем получу вразумительный ответ.

Мать пытаюсь зарезать мой отчим.

Сапожник. Лучший не только в Николе, но и во всей нашей округе. Бронебойщик тоже, наверное, лучший, о чём свидетельствовала жестяночка из-под дорогих медных кованых сапожных гвоздиков, заполненная позвякивающими, когда трясешь, медалями и даже одним орденом – «Красной Звезды». Контуженный – у бронебойщиков контузии даже похлеще, пострашнее, чем у их потенциальных жертв – танкистов. Фронтовик... Видимо, накинуся

Георгий ПРЯХИН – политик, журналист, писатель и издатель. Член Союза писателей России. Родился в 1947 г. в России, автор нескольких книг (роман «Хазарские сны», повесть «Интернат» и др.). Лауреат всероссийских и международных премий. Академик Академии российской словесности. В настоящее время – директор издательства «Художественная литература».

он по-пьяни на мою матушку ещё в доме, она же вырвалась, выскочила, он перехватил её на улице, что и улицей-то назвать с натяжкой: три-четыре хаты, включая Вовкин инкубатор, и стояли они каждая на отшибе друг от друга... В общем, основная мука разыгралась прямо на пустынной пыльной дороге. Отчим, вполне ещё внушительный мужчина, по ночам скрипевший зубами так, что воробьи из-под стрехи рушились, кидался на мать с ножом, а она силилась удержать его, обезумевшего, за руки. Прямо за ножик – это я узнал уже позже, наверное, от того же моего дружка заики. Вполне возможно, что он, вечно слонявшийся на улице, и был единственным свидетелем драмы. Но, поскольку заика, то, чтоб рассказать мне эти детали, ему потребовался весь оставшийся день. Заяви матушка в милицию, и вызови милиция Володьку, она б (милиция) от него вообще ничего не дождалась: милицию в нашем ссыльном, некогда комендантском, селе боялись, сторонились всячески и генетически. Вовка наверняка бы окончательно и бесповоротно онемел. Навеки.

...Нож, скорее всего, был сапожный, потому и не дорезал. Я его хорошо знал: вырубленный из узкой полоски стали, с косым, вострым, но очень коротким лезвием... им даже курицу не зарежешь. Но покалечить, изуродовать, особенно по пьянке, особенно бронебойщику и особенно контуженому, кого угодно можно в два счёта.

Он и изуродовал. Изувечил. Навеки.

Все двери Литвиновской хатки настежь. И я, не останавливаясь, проскочил сенцы, «переднюю» комнатку, где нам с матерью и ещё двумя малышами иногда, когда сапожник в очередной раз впадал в неистовую дурь, давали угол на ночь, пока тот не проспится и сам не явится просить у матери прощения, как униженно просят руки у богатой вдовы, – в самую дальнюю и самую чистую горницу. И сразу увидал мать. Не в гробу – в гробу мне ещё предстоит её увидеть, не так уж и скоро.

Живую.

В окружении Вовкиного семейства сидела она на низеньком стульчике, на каковом многолетняя литвинка доит корову. Сидела, скорбно сгорбившись и опустив руки в стоящее перед нею ведро. Медленно-медленно повернула голову ко мне. И так же медленно, тихо, не своим, а каким-то ягнячьим голосом, как бы даже удивлённо, словно уже и не надеялась меня увидеть, в общей мёртвой тишине произнесла:

– Сы-но-о-чек...

У меня даже мелькнуло: не стала ли и она, часом, заикою?

Я медленно, ещё не отдышавшись, испуганно на цыпочках подошёл. И первым делом заглянул в ведро. В нём тяжко, лоснясь и взблёскивая на солнце, переливалась, как-то по-животному копошилась кровь.

Чёрная, но со зловещим золотистым масляным исподом.

Мать, ойкнув, слабо пошевелила где-то там, в глубине, пальцами, и на поверхность донной рыбиной лениво что-то вывернулось цвета ветреного заката.

От ведра несло керосином.

Оно и было полно керосина. Вперемешку с маминой кровью. Так в нашей Николе в пятидесятых (где тогда всё-таки, в отличие от дней нынешних, ещё была даже амбулатория и при ней что-то наподобие стационарчика на пару железных коек, в основном для незадачливых ночных рожениц) лечили любые раны. И большие, и малые. Керосином.

Мать не пошла туда, в амбулаторию, по известным причинам.

Первая – не дошла бы. Вторая – не хотела «сдавать» Колодяжного (такова фамилия отчима), хотя все предыдущие жёны сдавали его исправно, и в основном за неуплату алиментов, по каковой причине он то и дело отлучался от нас на Севера. На лесоповал.

Кровь мамина и добавляла керосинному глянцу этот тяжёлый, багровый, воспаленно-закатный оттенок.

Мамины руки вечной доярки так и не восстановятся. Даже позже, в гробу, будут громоздиться на худобно провалившемся животе, как пара укрытых саваном корявых и несурзных инвалидов. Порезы, как глубоки они ни были, с годами заживут (керосин помог?). Но руки, пальцы, ладони... Чёрные шрамы на них останутся навсегда, будут отныне болеть и болеть. На погоду, на ветер, на дождь, на снег. На работу, которой всегда в Николе невпроворот.

Целый месяц, наверное, я (научился!) сам доил, примостившись на корточки под тёплое молозивное пузо Ночки: мать нянчила свои перевязанные стиранными пелёнками ладони, поставив их «столбиком» и покачивая, баюкая перед собою. Как ещё двоих, дополнительных, младенцев: нашего младшего она действительно родила недавно.

Как же пригодится мне эта наука – доить смирную, всё понимающую почти по-матерински Ночку! – когда матушка сляжет, теперь уже по жестокой болезни, а потом уже – и навсегда.

Оцинкованное ведро горячей материнской крови. Смотреть в него страшно до тошноты, до головокружения, как в бездну, но и глаз отвести невозможно.

Мать у меня была неграмотной. Успела окончить только первый класс, а дальше – поле, степь, птичник, ссылка, ранняя смерть родителей и двое младших братьев на руках: пожалуй, впервые в жизни, после этой семейной поножовщины, руки на какое-то время повисли у неё безработными плетями.

Её университеты. Даже за её грошовую зарплату расписывался я.

Отчим же на её фоне грамотей. Пара классов церковно-приходской школы – он лет на десять-одиннадцать старше матери, читал, напялив круглые металлические, изолентою перебинтованные очки бегло, а писал так и вообще по-церковному – округло и бережно. Был подмастерьем у лучших сапожников Предкавказья (даже я научился у него подшивать чуваки): сапожная учёба, разумеется, перемежалась у него с выволочками, что обучают, у ч а т ещё убедительнее, чем просто азбука. Война – с двухпудовым ПТР «за спиной». Уж она-то, война, учила куда безжалостнее... Дошёл до Кёнигсберга и даже до командира отделения: немецкие слова до сих пор ещё вырывались из него вместе с зубовным скрежетом. За душу хватили его чудесные украинские песни. «Очи девочки», «Чому ж ты не сокил», «Посияла огирочки...» Сидит перед окошком, сучит сапожным молоточком с раздвоенным ласточкиным хвостом и распевает. Голос, даже с похмелья, на удивленье чистый, звонкий, самозабвенный. Взлетает, просачивается, сулит что-то волшебное сквозь все поры нашей саманной хаты – люди к стенкам подходили и обмирали.

Даже сказки мне, чужому и явно недолюбивавшему его, рассказывал. Тоже трогательные, как песни, «Про Ивашечку» помню до сих пор (сам потом детям рассказывал!). Правда, внукам уже нет: приходят и сразу втыкаются в гаджеты. В следующем поколении сентиментального «Ивашечку» и вовсе забудут.

Да и вообще, сапожник-золотые руки уже по природе своей в пятидесятых – это уже не крестьянин, не навозный жук, а фигура продвинутая.

И при этом – ведро, в которое заглядываешь, как в пропасть. Я бы мог написать, мол, материны прозрачные-прозрачные, тройной перегонки, слёзы падали туда же. В ведро. Но слёз у неё уже не было. Выгорели – ещё до моего прихода. Разве что мои – и то мимо ведра.

* * *

Могу понять, когда люди тёмные, неразвитые, необразованные бьют и калечат слабых и малых сих, преимущественно детей и женщин. Хотя и «понять» – неточное слово. Ну, смиряться, что ли. Увы, ведётся это испокон веков. И даже какая-то изуверская оправдательная присказка родилась в этих самых веках: «Бьёт – значит любит...», превращающая побои, синяки в почти что застенчивый макияж.

Но в последнее время, если не всё чаще, всё больше, то, по крайней мере, всё г р о м ч е лупят и уродуют именно образованные. «Я и такая, и эдакая, и м у ж е м б и т а я...» Это ведь на страницах популярной газеты едва ли не с гордостью возвестила жена весьма просвещённого и состоятельного мужчины.

Откуда эта тяга к насилию у высоколобых?

У приматов самый развитый орган – руки, лапы. У интеллигенции, вроде бы, голова. Впрочем, она ведь и командует руками.

Может, от этого несоответствия и идет первый импульс?

Интеллигенция, особенно российская, почти поголовно (головастики!) питала и питает страдательную слабость к сильным мира сего и просто к сильным. Это у неё родовой, почти генетический знак. Вон даже Акунин в недавно вышедшем своём очередном историческом томе напомнил: Александр I (Благословенный), одним из своих державных указов пригрозил, мол, ежели поповские великовозрастные недоросли не пойдут учиться, то, заметьте, – вовсе «не жениться», а – в солдаты. И училища-университеты сразу резко пополнились поповским семенем. А его родовые черты известны: низкопоклонство там, наряду со всеми очевидными доблестями, не на последнем месте. А по своей детдомовской жизни помню: головастики-очкарики всегда почему-то тулились, липли к brutальным оторвам.

Всё то, что согнуто, как бы долго оно в таком ушибном состоянии ни находилось, имеет аксиомную способность рано или поздно выпинаться в обратную сторону.

Увы, никто в моём родном селе не лупил и не «гонял» так жестоко своих жён, как вчерашние фронтовики.

...Перед властью интеллигент лебезит ещё и потому, что власть, особенно сегодня, всегда богата: интеллигент пользуется крохами с её стола. А перед просто сильным, нахрапистым не только потому, что его побаивается, но ещё и по той причине, что его и самого, интеллигента, почти по Фрейдю, подспудно влечёт эта его противоположность. Помните, что стало излюбленным хобби у английских аристократов конца девятнадцатого века? Бок! Мордобой. И, похоже, не для того чтобы при случае заштитить себя от племса, с которым он, аристократ, физически почти не соприкасался, только с плодами его, племса презренного, но кормящего, – обустроивающего труда.

Посмотрите, как полны сейчас дорогушие фитнес-клубы, залы всевозможных единоборств и просто учебных драк, особенно по ночам. Какие машины, каких марок стоят перед этими сверкающими мастер-классами, цитаделями узаконенного насилия. Народ? Да что вы, ещё с девяностых если и

накачивается, то либо в пивных, либо по-прежнему в примитивных «качалках».

Култ силы, раздутый в девяностые, когда интеллигент (раньше обходили подворотни) даже по центральным улицам жался к стеночке, гипертрофирован, в том числе и государственной политикой, и сегодня. Кодлы, «бригады», «группировки»... деньги добывались (как и власть) если не властью, то силою. Сейчас в большинстве случаев эта сила легализовалась и уже шеголяет не в красных пиджаках, а исключительно во фраках. «В чём сила, брат?» Да конечно же, не в правде!

Интеллигент грезит силою, и сам в меру собственного таланта или его отсутствия, флейтою, в трансе самозабвенно выкликает гюрзу из-под «горячего камня». Из-под копыта «коня своего». Что там говорить о так называемой «экшн-литературе» и прочей макулатуре, о бесконечных кровавых кино и телеподделках! Непотребные разборки культивируются сегодня непосредственно в «прямых» эфирах, вполне уважаемых политических (и весьма политических к сильным мира сего) официозных и обслуживленных властями передач – правда, пока ещё исключительно до первой крови.

...Шайка молокососов-бандюков ведёт молодую женщину в чахлый, унылый лесок. Не для того, о чём вы сейчас подумали. На расстрел. Ну, думаю, сейчас кадр оборвётся, ну покажут, скажем, стаю испуганно взлетающих ворон. Нет. Целятся. В спину. Стреляют. Кровь весьма натурально вскипает на кофточке. Женщина со стоном валится сперва на колени, а потом и вовсе не по-женски, ничком. Слава богу, это был уже конец какой-то очередной серии, которую смотрели на диване мои взрослые дочери. Задержавшись у телевизора, я ахнул: в титрах значилась весьма знаменитая фамилия!

В «Чёрном квадрате», ежели взглядеться, ужаса больше, чем в тупо-постановочном, натуралистическом кадре истерзанного, даже женского, тела, потому что больше т а л а н т а . Отсутствие таланта сплошь и рядом и прикрывают бесстыдно похабшиной и натурализмом...

Господи, да любая жестокость начинается с жестокости по отношению к женщине. Той, которая и так больше всего терпит от нашего маскулинного мира: сперва – рожая нас, забывчивых, а потом ещё и многократно унижаясь перед нами, в том числе и во имя наших позвоночных удовольствий. Раньше говорили, что культура общества определяется (нет, вовсе не количеством книг!) объёмом потребляемой воды на душу населения. Сейчас бы я сказал, что даже не культура, а просто всеобъемлющая зрелость любого общества измеряется исключительно отношением к женщине и старикам. Дети уже не в счёт – их любят всё больше уже как утилитарных наследников рода и имущества. Впрочем... По преступлениям перед с о б с т в е н н ы м и детьми наша страна тоже, говорят, стоит на первых местах. Не говоря уже о детях чужих.

* * *

При каждой перемене общественного строя больше всех страдает интеллигент. Особенно при тех пертурбациях, которые опять же вызывает, выкликает, высвистывает (нередко за отсутствием подлинного голоса) он сам. Интеллигент всякий раз унижен – он надеялся на совсем другое. А тут снова-здорово: опять внизу, ничком или сбоку-припёку. И он сам, бедолага, в компенсацию, хотя бы перед самим собою, начинает натягивать, примерять различные брутальные маски. Скажем, зэковские песни – хрипатым, зэковским же речитативом. Либо сам их поёт, или сочиняет, «подлевает» очередному хрипату и нахрапистому «маэстро», или (что ещё хуже) «упивается» ими.

Маски случаются разные. И порой прирастают так, что отдираются потом с кровью. У всех на слуху история питерского именитого профессора, что не то допился, не то доигрался, долицедействовался аж до жуткого паталого-анатомического убийства девушки. Говорят, даже каяться хотел на публике, перед Петропавловкой, под камерами, в Наполеоновском облачении – игралто он не в Наполеона, а сразу в сверхчеловека! Вон как засасывает игра! Обратите внимание, он в девяностые подвизался, прислуживал в учёной, «экспертной» свите одного из тогдашних олигархов, родственников московской олигарх-власти, правда, тоже после не избежавшего тюрьмы.

Постыдный, горький и горестный реванш. Фиаско. Провальная заключительная сцена.

Бедные родители – и этой, и того...

Бедный, в том числе не только фигурально, сокрушительно уязвимый наш интеллигент: он и с ума сегодня сходит чаще других. Гаршин, воодушевляемый патриотическими общеславянскими галлюцинациями, отправился в конце XIX-го века на войну с турками – привёз оттуда, с войны, протрезвев, потрясающий почти как лермонтовский «Валерик», только в прозе – антивоенный рассказ. И – бросился в лестничный пролёт.

Интеллигент интеллигенту рознь.

Как и галлюцинации разные.

Мы сами повышаем и повышаем порог восприятия насилия. Привыкаем. Одомашниваем его, и оно повсеместно входит в наш быт, аки тать в ночи. На цыпочках.

Тех же террористов позавчера ещё убивали.

Вчера стали говорить «ликвидировали».

Сегодня сообщают «нейтрализовали».

Не думаю, что эти дефиниции выдуманы исключительно генералами, а не их интеллигентными, находчивыми помощниками. Возможно, даже в штатском.

Читали, как убили иранского генерала?

Ракетой? Что вы, куда гуманнее! То была просто пудовая болванка, летящая со скоростью четыреста километров в час. Без боевого заряда. Чтобы меньше, гуманнее был радиус поражения. Правда, перед самым подлётом к цели болванка распускает, как уркаганский нож-бабочка, несколько лезвий. Горизонтально. Вот почему и идентифицировали генерала только по дороговому перстню: не по зубам оказался перстень «бабочке», прилетевшей с высоты двух километров.

Болванка... Две первых выцеленных и как бы «правомерных» жертвы. Потом – пятьдесят шесть погибших в давке при похоронах «грамотно» искромсанного генерала. И следом (ужас!) сто семьдесят шесть совсем уж безвинных пассажиров несчастного украинского «Боинга», взлетавшего в те же роковые дни из Тегерана. Почему-то ни в одном сообщении не указывается, а были ли там, в самолёте, дети?

Наверняка были.

Эта развёрнутая цепочка, удавка – гротескная метафора любой, даже микроскопической, точки насилия...

Помню, как по лётному полю ташили за ноги мёртвого Артёма Боровика... В то непогожее мартовское утро я сам с запозданием прилетал в Шереметьево. Правда, «картинку» видал уже вечером, дома по телевизору показали.

Теперь такие картинки становятся всё обыденней и обыденней. Привыкаем... Век эвфемизмов. Оберегаем собственное психическое здоровье. Не повторить бы потом гаршинскую гибельную психическую траекторию.

Которая вовсе не вниз.

* * *

Когда много лет назад одна из моих дочерей училась в начальной школе, одноклассник очень уж ловко и сильно залепил мокрым тяжёлым снежком ей в лицо. На следующее утро я приехал в школу, отпросил паренька у учительницы. Молча привёз к нам домой. Завёл в квартиру, мы с ним на цыпочках(!) прошли потихоньку в комнату, где спала дочурка. Я опять же молча показал ему её распухшее синяком, с расквашенным носиком личико.

– Видишь, что ты наделал? – прошептал. – А она, возможно, ещё вырастет твоей невестой...

Он опустил голову.

Потом я так же осторожно доставил его в класс и сдал с рук на руки учительнице.

А недавно, несколько дней назад, мой младший внучок, первоклассник, пришел из школы с распухшей от слёз и обиды физиономией. «На хоре» девочка-одноклассница ударила его в пах ногой (видно, уже занимается не только хоровым искусством).

– За что?

Пожимает, хныкая, плечами.

Не спелись? А ведь и он может вырасти её женихом...

– Ты ответил?

Отрицательно и почти виновато повертел очаровательной вихрастой головой.

– Молодец. Поступил как настоящий мужчина, – как можно бодрее выдал я из себя.

Он, между прочим, тоже занимается не только в хоре, но и в кружке карате...

Похвалил, но сам про себя (грешен) подумал: «Ну и за какие же такие прегрешения отвечает мой пока ещё совершенно безвинный ангел мужского пола?»

Семейные? Родовые?

Четвертуют... Рубят руки... Теперь вон, похоже, учат летать с подоконников, с айпадом в руках.

Эх...

Может, и там, где-то наверху-наверху, тоже уже научились эвфемизмам? И равнодушно, равноудаленно, привычно сводя дебет с кредитом, шёлкают: «нейтрализовано»...

Артём ГОРОХОВ

ИГРА В ОТКРЫТУЮ*

Фантастический роман

Вирус

С похмелья болела голова, но будильник зверел. Охая и покачиваясь на подкашивающихся ногах, я доковылял до стола, где в лучах восходящего солнца красовалась бутылка газировки.

С каждым новым глотком живительной влаги я все отчетливее разбирал лепет репортеров утренней передачи.

Так я узнал о вирусе.

На первые новости о болезни никто не обратил внимания. Это началось в мае 2016 года где-то в Африке.

Иностранный репортер в медицинской маске рассказывал о том, что вирус распространяется с невероятной скоростью.

Я, как и все тогда, плюнул на это.

* * *

Очередной рабочий день в мэрии не предвещал никаких радужных событий.

На телефоне дважды высвечивался номер жены, с которой мы уже второй месяц жили раздельно. Все шло к разводу.

Работа давно опостылела. Люди, снующие по мэрии в поисках справок, подписей и печатей, никогда не иссякали.

За чашкой кофе, переменяя вордовские документы страницами Интернета, я заполнял свой обленившийся мозг чужими впечатлениями и пропагандой. Общество потребления. Потребления пищи, товаров, услуг, информации, людей...

Была среда, когда после работы мы с коллегами обычно ходили в бар «Мужской уголок» отметить середину недели пенным напитком. Конец недели праздновали в каком-нибудь клубе.

Сегодня в «Мужском уголке» мы заседали в урезанном составе: молодой клерк Пьер (он плелся за нами, куда бы мы ни пошли), Сергей – начальник

Артём ГОРОХОВ. Родился в 1986 году в Чирчике. Окончил юридический факультет НУУз, работал в различных государственных органах. Публиковался в газетах «Свой», «Чирчик», «Даракчи», в журнале «Звезда Востока».

* Журнальный вариант

отдела статистики (ему устроила разнос жена), а также лысый Алан, не упустивший шанса пофлиртовать глазами с симпатичной женщиной.

– Посмотрите! – неуверенно записал Пьер, – эпидемия нового вируса. – Он указывал на телевизор над барной стойкой. – Я сегодня читал про это.

– Ой, сколько можно про это говорить?! – раздраженно фыркнул Сергей. – Война на Ближнем Востоке, ИГИЛ, выборы в Греции, Америке, беженцы в Европе – все это меня не касается.

Я сконцентрировался на экране. Ведущие из штанов выпрыгивали, страшая новостями о стремительном распространении вируса, симптомами похожего на ОРВИ, врачей смущала только скорость распространения инфекции.

– Вот в воскресенье будут муниципальные выборы в нашем районе – это важно! – поучал Сергей. – Вот ты, Ник, пойдешь? – обратился он ко мне.

– Вот еще! – буркнул я. – Мне до лампочки, кто там избирается в префекты. Я не баллотируюсь и не голосую. Это мое право! У меня есть работа, бар, клуб, социальные сети и вы! А остальное – муть!

Сергей заулыбался.

– Здравая мысль!

– Больше, чем мысль, это – тост! – я поднял бокал.

– Можно сделать с вами селфи? – спросил Пьер.

Он достал смартфон, свободной рукой показал знак «победа» и шелкнул несколько раз.

Потом он разместил снимок на Фейсбуке, подписав: «Вот так с друзьями отдыхаем после рабочего дня». Я поморщился и отвернулся, глянув на часы: было только 21:20, а мне уже хотелось домой.

* * *

Утром на Фейсбуке Алан показывал фотки со стены своей вчерашней подружки Natali Rose, а Пьер поделился вчерашним фото.

Я, послушно лайкнув, прокомментировал посты и фотки «друзей» и пролистал новости о вирусе.

В сетях уже стали появляться статусы типа «Ем чеснок», «Не дышу» или «Защити нас, Dr. Web».

В обед мы пошли в «Здоровое кафе», где нам принесли свежавыжатые соки, фруктовые и овощные салаты, блюда без мяса, травяной чай. Все это выглядело очень ярко, мы тут же достали смартфоны и запечатлели невкусную пищу. Страницы Инстаграма пополнились красочными картинками.

* * *

Вечером дома, впопыхах залив лапшу быстрого приготовления кипятком, я включил компьютер. С виртуальными друзьями мы условились встретиться в семь часов в WOW¹.

Напялив наушники, я откинулся на спинку кресла и, положив перед собой смартфон, стал есть. Как ни странно, лапша была гораздо вкуснее веганской репы на постном масле.

– Ник, таши свою жирную задницу на центр! – голос в наушниках заглушил музыку.

– Закрой пасть! – со смехом ответил я. – Ты с воином говоришь!

– Я маг! А ты – плебей! Воздай мне уважение! – получил я в ответ.

¹ Видеоигра.

– Молчать, салаги! – подключился третий голос. – Я вообще в постели играю с вами, а вы тут треплетесь!

Это MegaBrain. Большинство своих виртуальных друзей я никогда не видел. Обшались мы только в играх. О здоровье спрашивать было не принято.

– А что это с тобой, Брейн? – спросил Alex1981. – Вирус?

– Ага, «I love you»! – почти выкрикнул Брейн, закашлявшись. – Сейчас как перезаражаю вас!

Мы дружно засмеялись в микрофоны.

Игра закончилась почти в три ночи. Я перебрался на кровать и завалился спать не раздеваясь. Среди пропущенных вызовов был один от жены, второй – от девушки из клуба, с которой пару недель назад я замутил интрижку. Отбросив телефон, я сомкнул веки. Перед глазами по зеленому фону бегали цветные герои. Вдруг запищал телефон: Фейсбук рапортовал о новых событиях у моих друзей и о том, что на мои комменты кто-то ответил.

В следующий миг наступило утро. Я собрался на автопилоте и не стал браться, чтобы успеть купить в вендинговом автомате на выходе RedBull.

* * *

Усталость была такой, что мозг отключался. Я пытался развлечься новостями и перепиской в мейле – не помогало.

Браузер сообщил, что вирус наносит непоправимый ущерб иммунной системе человека и его последствия гораздо опаснее, чем думали ранее.

Надо было что-то делать: либо сказаться больным и поехать домой спать, либо выдумать срочное дело и опять же поехать домой.

Я выбрал второй вариант.

Вернувшись в еще не остывшую постель, я уснул сном праведника, поэтому не услышал объявления главного санитарного врача о том, что вирус представляет серьезную опасность для человечества, что до конца неизвестен механизм передачи заболевания. Предполагалось, что он передается воздушным путем, его отличительная особенность – невероятная заразность. В Африканских странах, где вирус был зафиксирован впервые, уже отмечены случаи смертельного исхода. В первую очередь умирали больные, организм которых был ослаблен хроническими заболеваниями.

Европа тщательно следила, чтобы не допустить зараженных на свою территорию. Всех пассажиров с повышенной температурой отправляли немедленно на карантин. Остальные должны были в течение месяца наблюдаться по месту жительства.

Вирус распространялся. Уже зафиксированы были первые случаи на Североамериканском континенте и в странах Азии.

Рекомендовалось для профилактики поддерживать иммунитет иммуномодулирующими препаратами, воздерживаться от посещения людных мест, носить медицинские маски.

Посоветовать что-то другое врачи были бессильны.

В общественном транспорте самые сознательные граждане ехали, нацепив маски. Я про себя посмеивался. Зачем выставять себя идиотом, если все равно подхватишь заразу?

Забавляли маски с принтом улыбающихся губ или усов. Люблю тех, кто на позитиве!

* * *

В субботу, ближе к полуночи, разогретые алкоголем, мы в поисках приключений подъехали к нашему клубу. Нас встретила табличка «Закрито. Карантин». Попинав ногами дверь заведения и плюнув на нее, мы направились в другой клуб, но там нас не пустили – своей одеждой мы нарушали дресс-код. Вопреки традициям в субботнюю ночь мы оказались в полупустом «Мужском уголке», где искать новых подруг было равносильно поиску пальм в Антарктике.

С горя мы устроили алкогольный марафон.

После этого безобразия половину воскресенья я проспал, а вторую провалялся на диване.

* * *

Утро понедельника было мрачным. Всем телом и разумом я ощущал, что у меня украли законные выходные, а теперь еще намереваются заставить работать.

Правда, настроение несколько поднялось, когда в метро мне встретился какой-то фрик в медицинском респираторе, герметичных очках, похожих на плавательные, и латексных перчатках.

Я заулыбался, отвернувшись, достал телефон и стал снимать, стараясь делать это незаметно.

В офисе меня ждало некоторое разочарование: в соответствии с приказом руководства сотрудники мэрии должны были в обязательном порядке носить маски. Перед входом стояло пластиковое корыто с опилками и дезинфицирующим раствором. Ручки дверей обмотаны мокрыми бинтами, прикосновение к которым оставляло на руках неприятный запах хлора.

В отделе только и говорили, что о начале эпидемии, о том, как уберечься от болезни.

Подхватить заморскую заразу никто не жаждал. На каждого кашляющего и сморкающегося посматривали исподлобья со скрытой ненавистью.

Первой закашляла наша суперздоровая Анжела. «Да я вчера на ветру замерзла!» – бормотала она в оправдание, но все ее сторонились.

* * *

31 мая я сидел на кухне за кофе и пролистывал новости. Главной новостью было выступление председателя ВОЗ, которое должно было начаться с минуты на минуты.

Для трансляции обращения все каналы прервали программы и пустили бегущую строку с надписью «СРОЧНАЯ НОВОСТЬ». Стало не по себе. Умеют нагнать страха!

Председатель ВОЗ выступал из здания ООН в Нью-Йорке. Седовласый мужчина лет семидесяти в светлом, как у Обамы, костюме читал с бумажки. Его голос заметно подрагивал.

– Всемирная организация здравоохранения обращается ко всем государствам, правительствам и всем людям.

Около двух месяцев назад в одном из районов Королевства Свазиленд была зафиксирована вспышка неизвестного ранее вирусного заболевания.

После того как инфекция достигла самых отдаленных точек земного шара, вирусологам удалось более детально изучить вирус. Заболевание имеет

гибельные для человека последствия – необратимые изменения, разрушающие иммунную систему. В результате через 2-3 недели организм, лишенный своей защитной функции, погибает от какого-либо заболевания: от ОРВИ, простуды, отравления, различных инфекций.

Он замолчал, еле сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

– Друзья! С такой угрозой человечество еще не сталкивалось. Мы призываем вас принять меры для локализации заболевания, изоляции заразившихся.

Просим отбросить предрассудки и не паниковать. Рекомендуются отменить массовые мероприятия, закрыть границы, приостановить работу государственных органов и частных компаний, насколько это возможно. Призываем граждан ограничить все контакты. Оставайтесь дома! Используйте для питья и приготовления пищи воду только после длительного кипячения.

Не поддавайтесь панике! На борьбу с болезнью брошены лучшие умы, и вместе мы найдем выход!

* * *

Пораженный услышанным, я не сразу заметил, как отчаянно вибрирует в руке телефон. «Отдел кадров» – высветилось на экране.

– Алло, – не своим голосом отозвался я.

– Здравствуйте, Ник! – начала тараторить Паолина – девушка, устроившаяся к нам на прошлой неделе. – В связи с объявленной эпидемией на работу не выходить до особого распоряжения начальства. До свидания!

В крайнем волнении и растерянности я судорожно соображал, что делать. Взгляд пал на открытое окно. Непроизвольно я задержал дыхание и выдохнул, лишь закрыв створки. Этого показалось мало. Отыскав скотч, я стал клеить им рамы окон и входной двери.

От волнения трясло, на лбу выступил пот. Решив, что у меня температура, схватил градусник, сунул под мышку. Положенные три минуты тянулись бесконечно. Ртутный столбик, достигнув отметки 36,4°, замер. Это немного успокоило.

За окном творилось черт знает что: люди в масках и даже противогазах торопились схорониться в своих жилищах; многие неслись с сумками, полными продуктами. А у меня дома хоть шаром покати...

Исследование полок кухонного шкафа позволило обнаружить суп быстрого приготовления, по банке оливок и зеленых вишенок для коктейлей. Сахарозаменителя и кофе было предостаточно. В холодильнике хранились две булочки для гамбургера, пачка сосисок, банка консервов, сливочное масло, брынза, банок 20 пива, колы и энергетика. Вот и все.

Выпив успокоительного и заварив кофе, я зашел в Интернет. В соцсетях уже бурно обсуждали новости. Мой статус сменился на «В осаде». Прокomentировав пару дюжин постов и раздав в два раза больше обычного лайков, я написал в живом журнале статью – слезную вещичку в духе «берегите себя, друзья», «я с вами всей душой, мы вместе победим». Прикрепил эмодзи – руки, оберегающие кумачовое сердце.

Люди разделились на три неравные группы. Представители первой были в панике. Вторые уверяли, что это эксперимент правительства, средство контроля и манипуляции, но нос при этом на улицу не казали. Третья группа представляла собой несгибаемых борцов, которые уже лет десять назад

предполагали, что так и будет, и забили погреб соленьями и вареньем.

На сомнительных новостных порталах уже начинали обсасывать новость новоявленные эксперты, представляя развитие событий в политике, экономике, экологии, социологии и прочих «логиях».

Интернет заметно тормозил. Дозвониться по скайпу было невозможно.

Справившись с первым потрясением, я постепенно успокаивался, поедая запасы. К вечеру оставались лишь банка осьминогов, подаренная ради шутки моим университетским другом, и три сосиски. Долго не протянуть.

По телевизору выступил премьер, пересказав почти слово в слово сообщение ВОЗ и призвав всех оставаться дома, насколько это возможно.

* * *

Вечерело, когда пришло СМС. Контакт «Жениша» писал: «Никушка... Я звонила тебе в эти дни. Хотела попрощаться. Я умираю... Я всегда тебя любила, родной!»

Я похолодел. Что за хрень?! Стал набирать номер, но там не отвечали.

Через несколько минут пришло еще одно сообщение: «У меня нет сил говорить, писать помогает сестра. Я в спецблоке у аэропорта».

«Я приеду!» – быстро ответил я, накидывая куртку. Но тут, взглянув на дверь, вспомнил о проклятом вирусе!

– Вашу ж мать! – выругался я, проходя к окну. Горели фонари, сверкали вывески, в общем, все как всегда, только тишина необыкновенная! Ни одного прохожего. Даже машины проносились по мертвой улице крайне редко.

СМС от Глории задело в моей душе что-то глубинное, заставившее переживать и чувствовать вновь. «Куда ехать? – твердил голосок моего самосохранения. – Если она уже больна, то ей не помочь! А ты, может, еще не заражен». Победил голос разума: кончилась еда, так что выйти на улицу все равно нужно. До Глории ехать не так далеко.

* * *

Военные рядом с аэропортом оборудовали специальный приемник, вариант полевого госпиталя: несколько палаток, соединенных между собой проходом, куда помешались все приезжие с симптомами заболевания. Медперсонал работал в обычных масках и перчатках.

Доктор Арнольди находился здесь с первого дня. Поначалу привозили тех, у кого было подозрение на вирус. В основном возвращающихся из-за границы. На анализ крови в лаборатории вирусологии уходило 24 часа. Этого было достаточно, чтобы даже те, кто имел неосторожность прихватить насморк, заразились. Приемник превратился в рассадник вируса.

Врач в третьем поколении доктор Арнольди, носивший очки в золотой оправе и употреблявший ругательство «подлец», когда доходил до крайней степени раздражения, не мог смириться с тем, что пациенты покидают «учреждение» только ногами вперед.

Он был максимально тактичен и придерживался правил врачебной этики, даже когда особо прыткие больные пытались покинуть «концлагерь», и военные приковывали их к металлическим койкам наручниками.

За месяц персонал сменился практически полностью. В живых оставалось только трое из прежних.

Ив Арнольди почти сразу перестал ходить домой. Риск принести заразу был слишком велик. С семьей общался по скайпу.

Когда больные стали поступать десятками, Арнольди сбивался с ног. Крепкий и поджарый прежде, он сгорбился. Его благородно-седые волосы висели нематыми паклями, которые то и дело приходилось убирать за уши.

В сковывающем костюме биологической защиты он пробирался по третьему блоку, где размешалось сто инфицированных, стараясь не смотреть в глаза больным, понимающим, что шанс выйти отсюда у них один на миллион. На всей территории, огороженной колючей проволокой, работал бесплатный Wi-Fi. Специальным распоряжением мэра нотариусам разрешено было оформлять сделки и завешания больных, используя видеосвязь и электронную подпись. Только настырные священники в костюмах биозащиты с крестами поверх то и дело возникали на территории.

Когда Арнольди почти миновал чумную палату, кто-то схватил его за руку. От неожиданности он отдернул руку. У самого прохода стояла койка, на которой лежала красивая, но совершенно изможденная женщина лет тридцати. Блондинка просяще смотрела на доктора голубыми глазами.

– Доктор, умоляю, свяжитесь с моим мужем. Мне хочется его увидеть, – прошептала она.

Арнольди положил руку в толстой перчатке на ее ладошку.

– Помочь вам набрать номер? – спросил он, стараясь проявить участие.

– Он не берет трубку... Может, вы дозвонитесь.

Арнольди уже сталкивался с тем, что родственники и друзья отворачивались от человека, едва услышав о болезни.

– Хорошо, я позвоню со своего телефона. Как его зовут?

– Ник.

– А вас?

– Глория, – одними губами проговорила больная.

Он погладил ее по плечу, сказав: «Поправляйтесь», – и заспешил в тамбур. Пройдя неприятную процедуру дезинфекции, доктор освободился от проклятого костюма и скрылся у себя в кабинете.

На хлипком пластиковом столе стоял нэтбук. Скайп показывал пропущенные вызовы от жены.

Арнольди сел перед камерой и нажал вызов. На экране появилось заплаканное лицо Ильзы.

– Арни! Арни! – запричитала она. – Где ты был?

– На обходе, дорогая! Что с тобой? – Арнольди поежился, предчувствуя неладное.

– У нас с Лизой появился кашель. Мне кажется, что у нее поднимается температура! – Ильза заплакала.

Ив поежился и, собрав остатки самообладания, непринужденно поинтересовался:

– С чего ты взяла, что это вирус? Вы же не выходили?

– Нет!

– Тогда и волноваться не стоит. Я же доктор! – он попытался улыбнуться. Ильза тоже улыбнулась сквозь слезы. – Сейчас все паникуют от каждого чиха!

Видимо, эти слова не очень успокоили жену, так как она спросила:

– Нас отправят туда? К тебе?

Он замешкался с ответом. Тогда она продолжила:

– Хоть свидимся!

Арнольди наклонился к компьютеру и серьезно сказал:

– Послушай. Вы здоровы, и сюда я вас не пушу никогда! Сейчас я поймаю такси и передам вам пакет с лекарствами. Не контактируй с таксистом. Он оставит пакет у двери, возьмешь, когда уедет. Понятно?

– Понятно! – тревожно ответила Ильза.

– Будете принимать лекарства для профилактики точно по часам. Я вышлю схему.

На лице жены он заметил некоторое облегчение.

– Врач я или кто? – пошутил Арнольди. – Вы для меня – самое дорогое! Не позволю, чтобы с вами что-то случилось.

Отключив скайп, он подошел к стеклянному шкафу, где под замком хранились противовирусные препараты последнего поколения. Министерство здравоохранения выписывало их на каждого больного индивидуально.

Арнольди взял пакет из плотного пластика и стал укладывать туда ампулы. В этот момент он не думал о пациентах. Многие не дотянут до конца курса. Так что пропажу никто не заметит.

Запечатав пакет, он положил его в специальную кювету и обработал раствором стерилизатора. Затем, надев новые резиновые перчатки, взял пакет за самый краешек и вышел с ним на улицу.

Такси поймать было сложно, если учитывать, что доктор еще и пристально всматривался в лицо водителям, пытаясь определить, здоровы ли они.

Наконец, молодой индус, пышущий здоровьем, запросил за «миссию» 50 долларов. Арнольди согласился без промедления.

Вернувшись в кабинет, он первым делом связался с женой и затем устало откинулся на спинку. Тут он вспомнил, что обещал позвонить мужу своей пациентки.

На звонок ответили сразу. По голосу чувствовалось, что мужчина волнуется. Он согласился приехать и записал адрес.

Арнольди посмотрел видео из блока, где лежала женщина. Жива.

Вообще, доктор сомневался в необходимости ехать сюда. Все равно встречаться с больными нельзя. Можно только установить видеосвязь. Но многие ехали и проводили у стен лагеря все время, пока пациент был жив.

* * *

Прежде чем выйти на улицу, я отыскал маску. Но этого показалось мало. На глаза попались лыжные очки, брошенные когда-то на антресоль. Поверх маски намотал шарф, оставив открытыми только глаза. На руки надел кожаные перчатки. Вид у меня был как у взбесившейся мумии-сноубордиста, но это совершенно не волновало.

В подъезде и подземном гараже стояла гробовая тишина.

Я вырулил с парковки. В очках было плохо видно, но уж лучше врезаться, чем заболеть! На дороге из города поток машин стал плотнее. Крысы бежали с тонущего корабля в пригород, где людей не так много и, в соответствии с их логикой, шансов заболеть значительно меньше. Говорят, были и такие, кто в одиночку уходил в леса или горы.

На подъезде к лагерю стояли патрули и заслоны. На дорогу вышел солдат в камуфляже и противогазе с прозрачной маской и с винтовкой наперевес. Он ничуть не удивился моему виду.

– Куда едете? – спросил он. – Здесь карантин!

Я прочел это по его губам, поскольку окно не опустил.

– Жена! – крикнул я ему, показывая пальцем в сторону лагеря. – Жена!

Он слегка наклонился и левой рукой помахал в сторону.

– Ехать только туда! – крикнул он.

Я кивнул и поехал влево – к трем палаткам цвета хаки, между которыми сновали люди в костюмах биозащиты. Поодаль стояло несколько десятков машин. Приткнув свой VW к этой гряде металла, я нерешительно открыл дверь.

Ко мне подлетел человек в оранжевом костюме:

– Что вы здесь делаете? – искренне удивился он. – Вы священник?

– Здесь жена! Мне позвонили! – пробубнил я, стараясь не дышать отравленным воздухом.

– Ааа... – он махнул рукой и быстро удалился.

У входа в ближайшую палатку стоял человек в таком же костюме. Когда я подошел к нему, он заулыбался и постучал указательным пальцем в перчатке по моим очкам.

– Ничто не поможет от вируса, сынок! – «обрадовал» он. – Вообще ничего.

Я хотел уйти, но потом решил спросить:

– Тут моя жена Глория Виванти. Я хочу повидать ее.

– Сынок, юристы не справляются. Если она не сегодня поступила, то ты наверняка не успеешь.

– Мне не нужны юристы! – удивился я. – Повидаться.

– Ясно, – коротко ответил он. – Иди за мной. Все равно к больным не пропустят. Только скайп!

– Дежурный! – крикнул супермен, когда мы завернули за палатку.

Перед нами прямо на асфальте оказалась больничная койка. На ней спал парнишка в биозащитном костюме.

– Дежурный! – громче заорал сопровождающий и слегка толкнул спящего.

Тот подскочил, хлопая заспанными глазами.

– Ты что, уже заразился? – продолжал натиск тот.

– Никак нет, господин полковник! – испуганно отрапортовал паренек.

– Тут пришли по твою душу.

Полковник повертел головой и ушел.

Паренек снова сел на кровать.

– Извините, с ног валюсь! – пожаловался он. – Двое суток без сна.

– Я пришел повидаться с женой. Она здесь. Я хочу просто увидеться.

– Следуйте за мной.

Мы прошли в дальнюю палатку с кабинками из ширм, в каждой из которых стоял стол с планшетом и стул.

Оставив меня в одной из кабинок, солдат взял в руки планшет и ушел. Планшет на столе передо мной транслировал изображение с планшета в руках солдата. Солдат подошел к большому комплексу из палаток поодаль.

Возле входного шлюза дежурили двое в костюмах и с автоматами. Солдат зашел в шлюз, перешел в маленькое помещение, служившее, по-видимому, приемным покоем. Здесь стояли две кушетки: на одной лежала стопка больничных пижам для пациентов (их одежду сжигали, а взамен выдавали пижамки), на другой сидел человек в защитном костюме, низко свесив на грудь голову.

– Эй, Толстуха! – позвал солдат. – Спишь?

Комбинезон поднял голову. Через стекло очков смотрели уставшие красные глаза.

– А, это ты... Да, сплю. Сидя. Кажется, мне крышка! – слезливо добавила она. – Посмотри на меня!

Солдат потряс ее за плечи.

– Не выдумывай! Посмотри, сколько мы уже не спали. Конечно, усталость и глаза красные будут. Лучше скажи, где док?

– У себя, где же еще?! – нервно ответила Толстушка.

– Я к нему. Мне пациентка нужна.

– Не трогал бы ты его. Как фамилия?

Солдат направил на себя камеру.

– Как фамилия?

– Виванти! – ответил я.

– Так, кажется, мы ее уже отправили... – пробормотала Толстушка.

Я вздрогнул.

– Спроси у Арни.

Солдат прошел в другую палатку, пересек ее и оказался перед монитором.

– Доктор Арнольди! – позвал он.

Спустя минуту появилось усталое лицо седого человека лет пятидесяти.

– Да, – проговорил он нервно.

– Хотят встречи с пациенткой Виванти, – он поднял в воздух планшет, отчего на экране все запрыгало.

– Что, я помню фамилии, что ли? – пробурчал Арнольди. – Посмотреть надо. – Он исчез и через некоторое время вернулся с книгой. – Так, палата два. Место 21. Она плоха была. Посмотри сперва сам, прежде чем связь подключать.

Я заерзал на месте, не зная, что и думать.

– Доктор, а какой прогноз? – закричал я в планшет, опрометчиво стянув при этом очки, чтобы лучше видеть.

Арнольди внимательно посмотрел на меня, но ничего не ответил.

Пройдя через короткий тоннель, солдат оказался в огромной палатке, походившей на цирк шапито. Рядами стояли койки. Все были заняты. Измученные лица, выражающие безнадежную грусть. Одни равнодушно посматривали на планшет, другие тянули к нему руки, надеясь, что это звонок им.

Пройдя первый блок, солдат снова преодолел тоннель и оказался во втором. Невозможно поверить, что где-то там жена. В горле стоял ком. Я не представлял, что скажу ей.

Солдат нарочно повернул камеру планшета вперед, чтобы мне были видны номера кроватей. На второй в ряду кровати неподвижно лежало худавшее тело в больничной пижаме. Оно совсем не походило на Глорию. Со всем! Я на секунду даже обрадовался, решив, что это ошибка!

– Так, двадцать один! – проговорил глухо солдат. – Мисс, – позвал он, – мисс!

Женщина не двигалась. Ее грязные волосы разметались по подушке. Одна рука закинута за голову, вторая свисала с кровати.

Солдат на секунду замер, потом отодвинул камеру в сторону, чтобы я не увидел неподвижного взгляда несчастной.

– Мистер! – проговорил он удрученно, – мистер, мне очень жаль!

– Солдат! Солдат! – позвал я. – Это ошибка! Посмотрите, – там должно быть написано имя. Это не моя жена! – почти радостно прокричал я.

Солдат снова повернул камеру и аккуратно поднял свисавшую с постели руку умершей. На браслете с именем даже через очки я увидел надпись «Глория Виванти, 27 лет». На пальце обручальное кольцо. Кольцо, которое я так долго выбирал перед венчанием... Это была она!

– Покажи мне ее, солдат! – задыхаясь от нахлынувших эмоций, прокричал я. Но он меня уже не слушал.

– Позовите доктора! – крикнул он кому-то. – Здесь пациент скончался.

– Покажи мне ее, сукин сын! – кричал я в слезах.

Но солдат уже отвернул планшет, разговаривая с кем-то. Изображение исчезло.

Я вскочил, ударив по столу кулаком. Нарочно вlepил со всей силы, так, чтобы было больно!

Не помня себя я вылетел из палатки и побежал прочь. Душили слезы. Она не дождалась меня! Столько дней умирала здесь и пыталась мне дозвониться, пока еще были силы! Я, оказывается, все еще любил ее! Я уже поднял руки, чтобы сорвать очки и маску и вдохнуть прохладный убийственный воздух, но тут же одумался.

Безвольно опустив руки, я сделал несколько вдохов, осмотрелся и направился к спасительной машине.

За рулем стало легче. Глория умерла, но я-то еще жив! Да, мы прожили несколько лет душа в душу, но она сама захотела прекратить наши отношения. В последнее время мы были совершенно чужими, еще не известно, зачем она звонила. Может, хотела воспользоваться мною в последний раз, как пользовалась раньше?..

Размышляя таким образом, я постепенно приходил в себя. Рука протянулась к ключу. Двигатель взревел, готовый умчать меня из лагеря смерти. Больше ждать смысла не было.

«Идиот! Кретин! И так можно было догадаться, что ехать сюда нет смысла! А теперь наверняка заразился! В квартире у меня хоть шанс был! А теперь до скорой встречи, сука! Ты это специально сделала! Ты мне отомстить хотела, мразь!»

Машина летела на скорости более 100 километров. Я немного приоткрыл окно, чтобы прийти в себя.

– Успокойся, – проговорил я вслух, – ты ведь еще жив! Пора, наконец, и о себе подумать!

Машина катила уже по городским кварталам. На улицах по-прежнему ни души. Все магазины и аптеки закрыты.

На одном из перекрестков у продуктового магазина мелькнула фигура. Подъехав ближе, я увидел, что витрина разбита. Тем временем фигура стала шнырять внутри, не обращая внимания на звон сигнализации.

Я остановился и вышел из машины. Фигура притаилась за прилавком, рассматривая меня.

– Ты коп? – послышался женский голос.

– Нет, мне только нужно купить тушенки! – крикнул я в ответ.

К витрине вышла дебелая женщина с головой, обмотанной арафаткой. В руках она держала корзину.

– Если ты не коп, – неуверенно проговорила она, – тогда вот! – она

подняла корзину повыше. – Здесь детское питание, хлеб, фрукты и молоко. Мне надо кормить своего малыша! А все закрыто! – она заплакала. – Витрину разбили какие-то парни. Полиция так и не приехала. Вот я и решила, что лучше сделать покупки так.

Я про себя усмехнулся: «сделать покупки!» Ну-ну.

– Деньги и записку я положила на кассу. Да и все ведь записывается на камеру!

– Не волнуйтесь, – ответил я учтиво, – я тоже последую вашему примеру.

Мои слова, видимо, ободрили ее.

– Только не подходите ближе! – предупредила она. – Я так боюсь зарзиться!

– Идите своей дорогой! – уже не столь учтиво буркнул я.

Она засемила короткими толстыми ножками по тротуару.

Я перешагнул через разбитую витрину и оказался в лавке. Гудела сирена, от опасности быть застигнутым меня трясло, но в то же время появился какой-то азарт. Голова завернута в шарф, так что в случае чего узнать меня невозможно.

Я схватил тележку. Мозг работал четко: нужно брать продукты длительного хранения. В тележку без разбора полетели консервы. Сначала я складывал их, потом стал просто сгребать с полок. За консервами пришел черед сгущенного молока, масла, чая и кофе. Тележка быстро наполнилась. Я взял вторую и стал наполнять ее крупой, мукой, макаронами и прочими продуктами. Наполнив, подкатил к кассе и остановился в нерешительности: нужной наличности у меня не было. Стоя у кассы, я стал демонстративно и нарочито неловко доставать из кошелька купюры – так, что они падали на пол. Поднимая, клал их на кассу. Опустошив портмоне, я с чистой совестью вытащил тележки и выгрузил содержимое в багажник.

* * *

В закупоренной квартире, как джинн в бутылке, я наблюдал за миром через оптоволоконный кабель. Власти еще пытались сдерживать панику, робко заявляя, что лекарство против страшного вируса почти найдено, но было видно, что до победы еще как до Луны.

Одна за другой прекращали работать различные службы. Люди сидели по квартирам, боясь высунуть на улицу нос. А чума тем временем не шадла никого. Болели полицейские, пожарники, врачи, политики, селебрити, преступники и отбросы общества. На опустевших улицах ни души. Уровень преступности снизился до нуля, словно человечество вступило в эру благоденствия, вот только массовые самоубийства портили статистику. Обнаружив у себя симптомы вируса, люди не обращались в больницу и просто умирали в своих квартирах, надеясь на лучшее. Они боялись оказаться в лагерях для больных, откуда нет выхода. Действительно, через две недели эти лагеря закрылись: изоляция больных не помогла остановить эпидемию, да и медперсонала почти не осталось...

Мэрия собрала группы волонтеров, в которые вошли еще здоровые медики, стражи порядка, социальные работники и просто сердобольные граждане, готовые помогать людям. Такие группы развозили продукты, лекарства, следили за порядком. Сначала они собирали и тела умерших, но потом жертв

эпидемии стало так много, что им это стало не под силу. Для этого были организованы специальные группы. Они перемешались на крытых грузовиках и собирали трупы на улицах и из квартир.

Умерших хоронили за чертой города в больших траншеях, вырытых бульдозерами. Это было бесчеловечно, но оставшиеся в живых правители понимали больше рядовых граждан, насколько все плохо.

* * *

Я благодарил Бога за то, что еще были свет и Интернет, создававший иллюзию общения. Я вел переписку, смотрел новости, читал.

Вначале это помогало... Но потом стали появляться мертвые странички: их владельцы не проявляли никакой активности. Пользователи умирали. Смерть в сети...

Некоторые уходили громко... Контакт сообщал, что обнаружил у себя симптомы. Потом каждый день отписывался по температуре и другим показателям. Проходило несколько дней, и он, наконец, прошался со всеми «родными» контактами и уходил в офлайн.

Среди заболевших и еще здоровых были те, которые искали кого-нибудь, кто согласился бы вести их странички, когда их самих не станет.

Однажды моя подруга под ником Lise стала упрашивать меня вести ее страницу, когда ее не станет. Она была уверена, что непременно заразится вирусом. Я пробурчал, мол, делать мне больше нечего! Нужно думать о хорошем! В ответ она сказала, что настроит мне автоплатеж в 5 долларов ежемесячно со своего электронного счета. Я перестал общаться с Lise. Деньги практически потеряли значимость. Люди не выходили в магазины и рестораны, никто не требовал платы за коммунальные услуги. Службы, продававшие товары через Интернет, тоже скоро перестали действовать.

Один

Прошел месяц добровольного заточения. По-прежнему в трубах была вода, в проводах – электроток, в шкафу – продукты, поэтому заботиться о чем-то не приходилось.

Мы общались в чатах и сообщая решали, что пора бы поесть или поспать. Спал я в основном днем, а ночью бодрствовал. Впрочем, как попало – без разбора.

Людей в сети становилось все меньше, мне уже опостылело жить в прежнем режиме, поэтому я решил немного упорядочить свое времяпровождение.

Во-первых, подсчитал продукты. Должно было хватить, по крайней мере, месяца на три. Поначалу я ел, не заботясь об экономии, не испытывая особого аппетита.

Через пару недель стал замечать, что ем все больше и больше, от малоподвижного образа жизни прибавил в весе.

Бытовало предположение, что вирус может распространяться через воду, поэтому я не мылся и не брился, пользовался водой, которую кипятил по полчаса. Но внешний вид меня не беспокоил. Кого стесняться?

Спать стал ложиться не позже 2 ночи, вставал, когда хотел, ограничил себя в еде.

Через месяц я уже стал чувствовать себя как в камере. Хотелось размяться, пройтись по улице, пробежаться по ступенькам. Пробовал ходить по квартире, бегал по кругу, прыгал на кровати, но это было совсем не то.

Стало скучно и одиноко. Я заново прошел все игры, которые были в моей коллекции...

Несмотря на все ухищрения, я чувствовал, что начинаю сходить с ума: казалось, что пространство сужается, становится трудно дышать, что стремительно ухудшается зрение... Слава Богу, это было приступами, а не все время.

Иногда я выключал все приборы, чтобы было слышно тишину. Впрочем, слушать тишину я перестал после того, как до меня донеслись крики о помощи и скулеж собаки сверху. Двумя этажами выше жила одинокая старушка, и я предполагал, что это она зовет на помощь.

Сначала я ругал ее про себя: «Подхватила вирус, теперь тебе никто не поможет!», а когда услышал крики во второй раз, подумал, что, возможно, у нее просто нет еды.

Я стал звонить в службу спасения, в мэрию. Два дня на мои звонки никто не отвечал. Весь день в трубке слышался только голос автоответчика: «Мы стараемся помочь каждому, но в данный момент у нас катастрофически не хватает персонала. Оставьте свое сообщение, и мы приедем к вам, как только появится свободный экипаж».

Наконец, на третий день мне ответили. Еле слышным голосом говорил мужчина.

– Здравствуйте, – затараторил я, – тут слышны крики моей соседки. Возможно, ей нечего есть. Возможно, она здорова.

– Вот и отнес бы ей чего пожрать! – проговорил в трубку уставший голос.

– Что вы сказали? – переспросил я, опешив.

– Вот бы и отнес ей жратвы, коли она не болеет и ты тоже! – повторил голос.

– Это ваша работа! – вспылал я. – Вирус может быть в воздухе! Я не собираюсь выходить.

– Эй! – перебил он меня, – тут уже заболели все. А вирус везде, так что ты тоже по любому его подхватил! Иди и покорми бабушку, чтобы умереть с чистой совестью!

Он положил трубку, а я еще с минуту оторопело стоял, слушая гудки.

Из квартиры выходить было нельзя. Я ждал вакцины. В поисках новости о долгожданной панацее, каждый день рылся в сети. Включив погромче онлайн-радио, я постарался отвлечься. Этот канал в сети вел прямо из своей квартиры какой-то парень из Берлина по имени Reaper SA. Он просто болтал в микрофон что вздумается и ставил любимую музыку. Наши пристрастия во многом совпадали, так что Рипер стал для меня почти другом. Я ему вслух возражал или, наоборот, соглашался с ним. На его приветствие утром я во весь голос кричал: «Воззаааап!»

Пошел второй месяц заточения, зарядили дожди. Устав от устройств, я сажился на подоконник с чашкой чая и просто смотрел на пустынную улицу. Улица постепенно заполнялась мусором. Кое-где между плиток брусчатки пробивалась трава. Причем, если увидеть на улице человека было большой

редкостью, то бродячих животных развелось немерено. Заболевшие выпускали своих питомцев на улицу, чтобы у тех был хоть какой-то шанс выжить. Собаки собирались в стаи, растаскивали мусорные контейнеры, хозяйничали в магазинах.

За пять дней я только один раз увидел, как по улице проехала какая-то колымага.

21 июля я привычно взобрался на подоконник с чашкой кофе. С утра лил дождь. Капли били по стеклу. В нескольких окнах дома напротив горел свет, но он горел там всегда. Не хотелось думать, что стало с хозяевами этих квартир...

Стайка собак сновала по улице, а когда зарядил сильный дождь, улеглась под козырьком магазина. Собаки, чьи-то вчерашние любимцы, стали полноправными хозяевами улицы.

Внезапно собак что-то встревожило. Они разом подняли уши и посмотрели в ту сторону улицы, которую от меня скрывал угол дома. Сначала псы ленились подняться, гавкали лежа. Потом болонка не выдержала и со звонким лаем сорвалась с места. Ее примеру последовали остальные.

Собаки пропали из поля зрения, но по-прежнему был слышен их пронзительный лай. Интересно, что там происходит?

Через минуту все стало ясно. От волнения я даже спустил одну ногу с подоконника и придвинулся поближе к стеклу.

По улице шел человек! Настоящий живой мужчина! На нем был какой-то нелепый халат, а голова обмотана шарфом. Он катил тележку из супермаркета, наполненную едой. Собаки вертелись вокруг него, стараясь схватить за полу халата. Незнакомец вяло отгонял их.

Я жадно прилип к окну. Может, опасность миновала? Или где-то готова вакцина? Сердце застучало.

Только спустя какое-то время я заметил, что незнакомец еле передвигается. Возможно, это старик, но, скорее всего, изможденный болезнью человек.

Я уже ждал, что незнакомец скроется из виду, но тут мужчина споткнулся, повалился вперед на тележку и сполз на землю.

С содроганием я следил, как он ворочается, пытается встать. Примолкшие собаки в нерешительности стояли поодаль. Через минуту мужчина, лежавший на боку, замер.

Да он просто взял и умер на моей улице!

Собаки обнюхивали тело, виляя хвостами. Наконец, ретривер, встав на задние лапы, опрокинул корзину, и все ее содержимое оказалось на земле. Свора принялась растаскивать продукты.

Я колотил по стеклу, забыв о страхе его разбить. «Что ты наделал? Мать твою! «Валькирии»¹ же не ездят! Как я теперь буду смотреть в окно?»

В бешенстве, что ничего не могу сделать, я стал ходить по комнате, ругаясь.

В это время меня отвлек писк из колонок компьютера. Пришло сразу три сообщения от «друзей» о том, что сегодня в полдень будет выступление Генерального секретаря ООН. Я поблагодарил их, отметив, что более чем из полутора тысяч контактов только четыре постоянно были на связи.

До полудня оставалось сорок минут. Я решил заварить кофе. Жаль,

¹ «Валькириями» жители прозвали труповозки.

не было алкоголя. Коньяк сейчас помог бы справиться с нервами.

Телевизор был включен заранее, все каналы, которые еще продолжали работать, показывали анонс выступления.

Как оказалось, самый тяжелый удар пришелся на представителей негроидной расы. Заболеваемость среди чернокожих приблизилась к 100%. Азиаты вплотную приближались к ним. Среди белой расы заболеваемость достигала 90%, но продолжала расти. Некоторые ученые, исследующие природу нового вируса, напрямую связывали его с ВИЧ, предполагая, что эта скоротечная форма вируса есть не что иное, как мутировавший ВИЧ. Быстрее всего вирус распространялся среди женщин. Раса и национальность не играли особой роли.

Наконец, на экране появилась трибуна ООН с привычным голубым фоном на заднем плане. Без всяких формальностей на трибуну взошел Генеральный секретарь Густав Рондо. Изрядно измотанный и удрученный, он, пошуршав листками, начал свою речь:

– Дорогие братья и сестры! Я зачитываю обращение ко всему человечеству, ко всем представителям человеческих рас. Мы столкнулись с беспрецедентным противником, так что теперь само существование человека на планете Земля находится под угрозой.

Заражаемость столь высока, а ход болезни так скоротечен, что никакая терапия не способна излечить больного. Всю надежду мы возлагаем на вирусологов, которые неустанно работают над созданием вакцины. Заявляю официально: пока ее получить не удалось. Однако работа не прекращается. Сегодня уже известно, что у некоторых представителей белой расы есть иммунитет к заболеванию, и в этом направлении ведутся разработки. Однако предполагается, что это генетический фактор, поэтому выработка вакцины невозможна.

Я обращаюсь ко всем правительствам с просьбой принять все возможные меры по спасению выживших, облегчению участи заболевших и достойному погребению почивших. Необходимо законсервировать все объекты, которые не могут работать автономно, остановить все атомные станции и химические производства, остановить все производства вообще. Мы призываем в качестве экстренных мер объявить все продовольствие общественным достоянием и запретить его продажу. Пища должна раздаваться бесплатно. Государствам следует предоставить в распоряжение нуждающихся еду из хранилищ. Да поможет нам Бог!

Речь далась генсеку с трудом. На его лбу заблестели капельки пота. Он поспешил уйти с трибуны, и только тут я понял, что он тоже болен! Значит, разговор о вакцине действительно был чушью. В сети писали, что вакцина существует, что она доступна только правящей верхушке и богатым. Уж генсеку-то ООН вакцина должна была перепасть!

Обращение только расстроило.

Чуть позже транслировалось выступление президента страны, который объявил, что единственная атомная электростанция будет законсервирована. То же ждет заводы и фабрики. Полностью прекратил свою работу общественный транспорт. Дома и районы, где не осталось выживших, будут отключены от коммуникаций. Во избежание пожаров он призвал не пользоваться нагревательными приборами и не разводить костры. В ближайшее время правительством будет разработан план по перемещению всех выживших в специальные

учреждения, где будут работать коммуникации, будет оказываться психологическая и медицинская помощь, обеспечиваться бесплатное питание, а люди смогут, проявляя братскую любовь, помогать друг другу.

Когда я представлял это «учреждение», перед моими глазами возникал тот концлагерь, который мне довелось посетить. Я твердо решил, что никто меня не выкурит из моего убежища, и тут же разместил соответствующий пост в сети. Его лайкнули только один раз...

На следующий день по телевидению и радио было объявлено, что по нашему району в 8 вечера будет ездить автомобиль для фиксации домов, где не осталось выживших, чтобы отключить их от коммунальных сетей. Всем, кто остался в живых, следовало у окна поставить лампу.

Лампа на моем окне появилась уже в 6 вечера, чтобы увидели наверняка! Когда стемнело, я припал к окну посмотреть, сколько ламп будет выставлено в соседних домах. В доме напротив не горело ни одной лампы. Как и раньше, горел свет в нескольких окнах, и больше ничего! То же самое было и в следующем доме, под окнами которого уже несколько дней лежал труп. Впрочем, мне показалось, что лампа светит в угловом окне, но видно было плохо.

Стало страшно. Я надеялся, что и в моем доме горит не только мой ночник!

Ожидание машины затянулось. Я надеялся, что работники заберут труп, но машина так и не появилась.

Захотелось есть, и я пошел на кухню. В это время послышался звук одинокого мотора. Я ринулся назад в комнату. На улице стоял автомобиль, из окон которого смотрели два человека. Когда они посмотрели в мою сторону, я помахал рукой, но мне не ответили. Пассажиры сделали какие-то записи, и машина двинулась дальше, объехав тело.

День спустя в доме напротив погасли окна. Ночью улицы погрузились в крошечную тьму: отключили уличное освещение.

Власти настоятельно рекомендовали сократить потребление электричества после остановки атомной станции. В стране действовало несколько десятков ветряков и три мини-станции на солнечной энергии. Я смутно помнил, что экологически чистой энергии в стране было около 10% от общего объема.

Я послушно выключал днем все, кроме компьютера. Ночью довольствовался одной светодиодной лампочкой.

Одиночество скрашивал в основном Рипер, который иногда умудрялся иронизировать над сложившейся ситуацией. «Зато решилась проблема беженцев и перенаселения!» – выдавал он очередную порцию черного юмора. «Хорошая новость, друзья! Нам, наконец, удалось остановить уничтожение дождевых лесов Амазонии и убий китов. Еще из положительных новостей: сведен до минимума выброс в атмосферу углекислого газа»...

Тишина в эфире

Еще через две недели в моих контактах осталось только три друга онлайн. Я стал смотреть телевизор, чтобы хоть там увидеть живых и здоровых людей. Но и на голубом экране их становилось все меньше. Все новости и репортажи касались исключительно вируса и жизни в новых условиях.

Одной из проблем стало невероятное количество трупов, которые негде и некому было хоронить. Санитарную зону власти города смогли организовать только в самом центре, вокруг так называемого лагеря жизни,

разместившегося в большом спортивном комплексе, возведенном в минувшем году во время подготовки к олимпиаде. В комплексе, по словам репортеров, были все условия для жизни, и этим уже пользовалось около 3 тысяч человек. Я, к своему удивлению, заметил, что люди теперь не особо сторонятся больных. Возможно, это был фатализм или отчаяние. Не знаю.

В Интернете была создана новая социальная сеть «Выжившие одноклассники». Через неделю после создания сеть насчитывала уже более десяти миллионов пользователей. Потом это число стало постепенно сокращаться. Во многих странах коммуникации уже не работали, свет подавался только в правительственные здания и больницы, у людей не было доступа к телефонной связи и глобальной сети.

Общение в сети немного развлекало.

Одним из первых моих новых друзей был американец под ником John-Bull. Он хвастал, что еще пятнадцать лет назад построил во дворе собственного ранчо большой бункер на случай конца света или ядерной войны. В бункере были все условия. Джон уже два месяца со всей семьей сидел под землей, ожидая окончания эпидемии. Он в шутку назвал себя NoahXXI¹.

Странно, но даже в «Выживших одноклассниках» люди умудрялись грызться из-за политических, национальных, религиозных и других вопросов.

Все опостытело до такой степени, что я время от времени слушал только Рипера. Но в конце августа Рипер провел свой последний эфир. В конце программы он вдруг заявил: «Спасибо тем, кто был со мной все это время. Очень жаль, но наступила пора прощаться». Пока еще чувствую себя сносно, но с каждым днем хуже. Всю библиотеку я помешу в плейлист, чтобы после меня осталась музыка. Так что канал Reaper SA будет в эфире, пока не вырубят свет или инет. На этом все. Всем пока! Не кашляйте! С вами был Рипер, до встречи на небесах!»

Сердце сжалось, на глазах выступили слезы. Я улегся на диван, поджав ноги и обхватив колени. Было такое чувство, словно потерял самого близкого человека.

Так я остался один. Нет, были, конечно, еще люди в телевизоре, в сети, но они чужие, нас ничто не объединяло, кроме желания выжить. Но и эти «друзья» постепенно исчезали... Временами я начинал метаться, как тигр в клетке.

Третьего сентября впервые отключили электричество. Когда это случилось, я замер. Комната погрузилась во мрак, а в ушах зазвенела тишина.

Без света не выжить. Газ отключен давно, поэтому готовить еду и кипятить воду приходилось на электрической плите.

В доме даже свечей не было. Я воспользовался фонариком на айфоне, чтобы не оставаться в темноте. Как загнанный зверь, ждал я милости от загонщиков. И свет вскоре загорелся вновь.

С того времени электричество стали отключать регулярно. Потом оно появлялось только на несколько часов в день, но мне этого хватало, чтобы зарядить телефон, посидеть в Интернете и вскипятить воды.

Жить в замкнутом пространстве становилось все сложнее. За какие-то четыре месяца все изменилось: исчезли друзья, работа... Я тоже представлял теперь жалкое зрелище – лохматый, обрюзгший мужик в заношенной, вонючей одежде.

¹ Noah – Ной.

Улицы, на которых вчера было не протолкнуться, где машины гудели в пробках, теперь были пусты. Ни доставки пищи, ни круглосуточных аптек, ни уличных художников, ни попрошаек, ни мойщиков окон, ни паркурстов, ни полицейских... Коллапс.

При этом я знал, что есть еще где-то люди, до которых вирус пока не добрался, а значит, наверняка ведется работа по изготовлению вакцины. Страх заболеть был сильнее страха одиночества или голодной смерти, поэтому я не выходил из дома, не ел, когда из-за отсутствия электричества нельзя было прокипятить воду.

Я чувствовал, что остаюсь один на один со всеми трудностями новой жизни. Так или иначе, нужно ехать в центр спасения.

Однажды ночью, когда вновь выключили свет и все затихло, меня разбудил страшный вой собак на улице. Продрав глаза, я подошел к окну. Небо над западной частью города было алым. Где-то там бушевал пожар.

Если огонь движется сюда, то спастись можно будет только бегством. Я соображал, что лучше – остаться тут и молиться, чтобы огонь не пожрал мой дом, или бежать на улицу, надеясь, что не подхвачу вирус. В любом случае внизу стояла моя машинка. Но она может не завестись после нескольких месяцев простоя.

Я поднял трубку телефона: послышался гудок, это обнадеживало. Но по номеру пожарной службы никто не ответил. В мэрии тоже...

Я вернулся к окну. Огонь, похоже, не разрастается и не идет в мою сторону. Ничего не оставалось, кроме как любоваться из окна зловещими отблесками пожара.

* * *

Когда наутро пошел дождь, я облегченно вздохнул. Над пожарищем поднимался дым и пар. Конечно, никто ничего не тушил. Некому и незачем.

Электричество появилось только к десяти утра. Тут же на плиту был поставлен ковшик воды и включен телевизор. Ни один канал не показывал. Возможно, телевышка повреждена пожаром или отключена от питания в целях экономии электроэнергии.

В закипевшую воду я бросил лапшу быстрого приготовления и приправы из пакетиков, подождал, когда все это прокипит, снял ковш с плитки и стал есть прямо из него. Этот ковшик предназначался для приготовления еды. Другой – для кипячения воды и заварки чая или кофе. Посуда не мылась: использовать водопроводную воду было рискованно.

С ковшом в руках я сел к компьютеру, открыл несколько социальных сетей. Никто мне не писал. На «Выживших одноклассниках» шел вялый треп про будни живых и бездействие правительства.

7 сентября зарядили дожди, словно кто-то ждал, пока выгорит полгорода, чтобы окропить закопченные руины. Потоки воды несли по улицам мусор и всякую дрянь. Видимо, сливы и коллекторы были завалены. Вода заполняла подвалы, подземные коммуникации, переходы.

Я сидел у монитора и переписывался с женщиной из Австрии – Мэ-хен. Удивительно видеть в сети женщину... Уже было подмечено, что женщины от новой чумы умирали первыми. Впрочем, кто мог гарантировать, что это не сбрендивший мужик, решивший виртуально сменить пол?

Не успел я спросить, как там Альпы, свет вырубился. Чертыхнувшись,

я завертелся на стуле. Бывало, свет включали уже через несколько минут. Но не в этот раз...

В этот день подачу так и не возобновили. Меня охватила паника. Когда совсем стемнело, возобладало чувство голода. Поев при свете айфона, я пошел к окну: кромешная тьма.

– Черт бы побрал все это! – вырвалось у меня. – Зачем я выжил?! Чтобы так прозябать?

Плюхнувшись на диван, я зарылся в гору старого барахла, которым укрывался ночью. В неотапливаемом доме было довольно прохладно, несмотря на самое начало осени.

Свет не появился и утром, будет ли вообще? Есть не хотелось: холодные консервы казались несъедобными. Нельзя было вскипятить воды, чтобы попить и приготовить еду. Положение катастрофическое.

Утром следующего дня я проснулся рано и не сразу сообразил, что произошло. Знобило. И вдруг до меня дошло: температура!

Испугавшись, я подскочил. В висках застучало. Поморщившись, встал и достал из шкафчика в ванной термометр: 37.8°!

Внутри все похолодело. Пришел мой черед! Значит, осталось совсем немного. С ослабевшим организмом вирус справится за какую-нибудь неделю.

Значит, все напрасно: переживания, закупорка квартиры, кипячение воды и прочие ухищрения. Я заплакал.

На лагерь спасения особой надежды не было. Выпив две таблетки аспирина, я упал на диван. Все окончательно потеряло смысл.

А может, пока я хоронился в своей конуре, было изобретено лекарство? Это заставило меня подняться, ведь, если лекарство разработано, нужно начать принимать его как можно быстрее. После аспирина состояние немного улучшилось. Одевшись потеплее, я стал было заматывать лицо шарфом, но отбросил в сторону – к чему теперь?

Дверь квартиры отворилась со скрипом. В темном подъезде ни звука. Дверь в соседнюю квартиру распахнута настежь. Видимо, соседи покидали свои роскошные апартаменты в спешке.

В подземном гараже меня ждал неприятный сюрприз: там по шиколотку воды. Машин в гараже много: видимо, большинство соседей так никуда и не уехало. Тфули сразу же намокли и отяжелели. Я решил, что, если машина не заведется, вернусь поменять обувь. Однако на третий раз мотор заурчал. Через несколько минут ноги стал обдувать приятный теплый воздух. Я включил фары, плеер и подождал, пока салон основательно прогреется, затем медленно вырuling на улицу

Поездка по пустынным улицам вызвала смешанные чувства. С одной стороны, страшно, с другой – интересно наблюдать последствия апокалипсиса. Я ошущал себя сталкером, охотящимся за артефактами в опасной зоне.

На улицах повсюду стояли брошенные машины, валялись вещи, на глаза попадались обезображенные трупы. Дороги заметены листвой и мусором, на обочинах и тротуарах сквозь брусчатку пробилась трава. Кто бы мог подумать, что отсутствие человека скажется так скоро!

Витрины супермаркетов, магазинов и аптек разбиты. Оставшиеся товары разбросаны по полу: успели похозяйничать животные.

Но вот взгляду открылись обгоревшие здания, все они без исключения повреждены: стены покрылись копотью, стекла полопались, рамы выгорели,

крыши провалились. Сгорели все деревья, лавочки, мусорные баки и машины. Дорога усыпана обломками черепицы и шифера, стеклами и головешками.

Чудом уцелели лишь отдельные дома.

Через несколько минут я оказался в санитарной зоне. По мере приближения к стадиону надежды таяли. Я остановился на площади перед стадионом: все здесь было в запустении.

Корпус «А» спортивного комплекса был полностью уничтожен огнем. Правда, сам стадион остался нетронутым.

Я вышел из машины и осмотрелся: ничто не говорило о присутствии живых людей. Тихо, безмолвие нарушает только легкий ветерок.

Внутри ни души. В воздухе запах гари.

– Эй! – позвал я. – Есть кто живой?

В коридорах на полу валялись упаковки из-под лекарств, бинты, мусор, стояли медицинские кушетки и кресла-каталки.

– Люди! – крикнул я уже во весь голос.

Никто не отозвался. Я поднялся наверх. Смерд на втором этаже не пербивала даже гарь. В коридоре, прямо возле лестницы, лежал труп женщины в белом халате. Я прикрыл нос и рот платком. Нет, она не умерла от ожогов или удушья. Ее изможденное тело лежало возле сестринского поста, который она не покинула до самой смерти. Я перестал кричать, уже опасаясь, что кто-то отзовется. В каждой комнате – мертвые пациенты. Несчастные лежали на кушетках, на полу – везде. Я вернулся к лестнице и крикнул:

– Есть кто-нибудь живой?

Крик эхом отозвался на пустых этажах. Бегом вернувшись вниз, я стал обшаривать кабинеты в поисках заветной склянки с надписью «Панацея».

В одном из кабинетов лежало два трупа в белых халатах. В размороженном холодильнике я обнаружил две коробки с ампулами без названия. В шкафу со стеклянными дверцами нашлось еще с десяток упаковок с лекарствами. Впрочем, если даже медики мертвы, значит, лекарства эти бесполезны...

Обессиленный и обреченный, я вышел на улицу и вдохнул свежего воздуха. Из груди рвался звериный крик, но я побрел к своей машине.

Что делать больному в пустом городе, если даже в санитарной зоне все отдали Богу душу?! Глупо надеяться на чудо, когда всех остальных это чудо обошло! Страшно захотелось назад, в свою тихую конуру.

Домой я возвращался другой дорогой и наткнулся на темное здание торгового комплекса. В голову пришла идея «отпраздновать» свой последний день.

В темном супермаркете, как и в других магазинах, царил бедлам. Бутики с дорогой одеждой, спортивным инвентарем и косметикой стояли нетронутые, зато продуктовые отделы опустошены. Ища алкоголь, я вспомнил, что на третьем этаже был элитный магазин спиртного.

Взяв корзинку, я стал заполнять ее бутылками, не особо разбирая в темноте, вино это, ликеры или настойки. Может, это подсознательное желание покончить с собой?.. Отравление алкоголем куда лучше, чем мучительное угасание от коварной болезни.

Внизу в разоренном супермаркете мне удалось найти чипсы, сгущенное молоко, семечки и сладости. Крупы я брать не стал, они мне, похоже, уже ни к чему...

Утро нового дня

Я вернулся в свою квартиру. Все припасы для царского пира были размешены в центре комнаты, прямо на круглом белом ковре с длинными кудрявыми ворсинками. С бокалом вина я подошел к компьютеру и включил его через UPS. Аккумулятор ежеминутно пишал, но с выключенным экраном компьютер мог проработать несколько часов. Вино шло отлично под любимый плейлист.

За вином последовал сладкий ликер с молочным вкусом, от которого сразу закружилась голова. Все это я закусывал консервами, оливками, чипсами, орешками, семечками...

Вскоре тело стало легким, голова ясной. Обреченность никуда не делась, просто я стал смотреть на свое положение философски. Моя жизнь и так оказалась на несколько месяцев дольше, чем у других. Не надо быть гением, чтобы предположить: вирус рано или поздно доберется до меня.

Я стал думать, что ничего не успел в жизни, что ничего после меня не останется, что потомством не обзавелся... вообще ничего путного для человечества не сделал... В тридцать один год умирать обидно! Расчувствовавшись, я пустил слезу, подпевая какой-то сопливой песенке.

То и дело прихлебывая сладкого коктейля, я поглядывал на бутылку «зеленой феи», однако абсент решил оставить напоследок – как контрольный выстрел.

Приготовив сахар и лимон, я откупорил бутылку. После горькой полынной настойки разум абстрагировался от печальных мыслей. С каждым глотком сознание все больше затуманивалось, музыка становилась приятнее. В какой-то момент захотелось даже потанцевать, но стоило встать, как все закружилось каруселью. Ноги понесли в сторону, подкосились, тело грузно бухнулось на пол. Сильнейший приступ тошноты скрутил меня.

Охая, я на четвереньках пополз в ванную, снова и снова желудок сводили спазмы. Открыв кран, я подставил под него голову. Вода пошла ржавая и вонючая, но это уже не имело значения. Немного освежившись, я с трудом вернулся в свой «бар». Неподвижно лежа, заставил свою голову перестать кружиться и продолжил накачивать абсентом.

С каждым глотком становилось все хуже. Комната погрузилась в зеленый туман, уже почти отключаясь, я продолжал делать глоток за глотком. Главное, чтобы не вырвало. Не считая вина и ликера, я выпил полбутылки абсента. Но останавливаться было нельзя. Сделав несколько глубоких вдохов и зажмурившись, я каким-то невероятным образом влил в себя все, что еще оставалось в бутылке...

* * *

За мраком появился свет. Пронизывающий и ослепляющий. Боль была настолько сильной, что заполнила все пространство.

Я открыл глаза. Мыслей не было. Врать, что произошло, где нахожусь и как тут оказался, я был не в состоянии. Вращать глазами невыносимо больно. Превозможная боль, я перевел взгляд вправо: пустые бутылки...

Через несколько минут стало проясняться: алкоголь, боль, вирус... Живой...

Я поморщился от осознания случившегося и тут же скорчился от спазмов в желудке. Малейшее движение вызывало боль во всем теле. Я стал

кататься по полу, истошно воя. Это, как мне показалось, облегчило пытку.

Нужна была вода, но она в недостижимой дали – на кухне. Ценою невероятных усилий, по-пластунски, я дополз до кухни и жадно припал к бутылке с минеральной водой.

Глаза открылись вновь, когда солнце клонилось к закату. В пересохшем рту – противный вкус полыни. Со стонами мне удалось добраться до туалета и ванны, после чего моим пристанищем стал диван.

Алкогольное самоубийство не удалось. Я получил сильнейшее отравление, но остался жив.

Через несколько часов душевных и телесных страданий пришлось встать и вскипятить воды, чтобы заварить кашу – голод не тетка.

С полной миской каши я открыл окно, сорвав весь скотч, который так тщательно приклеивал. В комнату ворвался невероятно чистый, свежий воздух. За окном темнота. Мир спал, не обремененный человеческими проблемами.

Я долго сидел на подоконнике, глядя на поблескивающие в чистом небе звезды. Жив так жив. Мало ли еще способов?!

* * *

Утром следующего дня я чувствовал себя по-прежнему паршиво, вот только исчез страх заразиться. По этой причине завтрак был приготовлен уже у открытого окна. Вдруг меня посетила сумасшедшая идея. Держа в руках корзину с соком, кашей, хлебцами, шоколадным маслом и кофе, я поднялся на крышу.

Плоская крыша, залитая солнцем, походила на футбольное поле, из которого тут и там торчали трубы вентиляции. На прорезиненном покрытии, основательно разогретом солнечными лучами, было непривычно и приятно. На самом краю крыши, огражденной невысоким парапетом, я расставил свой завтрак, под стул была приспособлена корзина. Прислонясь спиной к теплому парапету, оперся на него локтем и закинул ноги на ограждение. Получилось удобно. В голубом небе птицы. Дул прохладный ветерок, но кофе отлично согрелся. Этот завтрак стал самым ярким событием за месяцы моего отшельничества. Допив сок из маленькой стеклянной бутылочки, я швырнул ее вниз и захохотал, когда она где-то внизу разлетелась на осколки. Большой принц! Король планеты! Нет, император на час!

После завтрака были приняты аспирин и противовирусные препараты, нашедшие дома. Это хотя бы снизило температуру, которая держалась на отметке 37.5°.

В квартире, успевшей проветриться за время моего отсутствия, стало свежо. Я решил закрыть окно и, подойдя к нему, обомлел. Злосчастный труп, который портил вид из окна последние месяцы, куда-то исчез!

Его могли утащить одичавшие собаки или, например, звери, сбежавшие из зоопарка, но не слишком ли быстро? Однако и ожить он, черт побери, не мог! Я обернулся на открытую дверь и молниеносно захлопнул ее. Может, он превратился в зомби?! Ведь в фильмах часто так бывает – люди умирают, а через какое-то время перерождаются в зомби! Я понимал, что это ерунда, но по телу пробежал холодок.

Оставалось одно логическое объяснение: кто-то еще выжил в этом городе. Видимо, «Валькирия» забрала труп! Вот это новость! Я хотел броситься

в погоню, но одумался: они могли уехать уже далеко. На сдернутой с кровати простыне испорченным кетчупом я криво вывел «Я живой!» и прибил простыню к оконной раме снаружи, чтобы хорошо было видно с улицы. Маловероятно, что машина скоро вернется, но все же...

Пока есть силы, нужно сходить в магазин. Зомби я не опасался, а вот бродячих собак развелось несметное количество, поэтому я прихватил бейсбольную биту.

Исследование полок нескольких продуктовых магазинов ни к чему не привело. Были все те же консервы и сладости. Все продукты, которые остались в отключенных холодильниках, покрылись плесенью или протухли. Я вернулся к себе. Устроить ресторанный обед не удалось.

Из-за отключения электричества кипятить воду на электроплитке стало невозможно. Значит, надо разводить костер. Я задумался. Выходить каждый раз на улицу не хотелось, а разводить костер в квартире опасно.

Я решил снова подняться наверх. На девятом этаже была брошена трехкомнатная квартира с незапертой дверью. Свою квартиру за эти месяцы я успел основательно захламить, а здесь был порядок, просторно и чисто. Решил переехать сюда.

С собой взял только продукты, бутилированную воду и кое-какие вещи, все остальное в новых апартаментах было.

На крыше из корзины от магазинной тележки я соорудил очаг. Сверху на решетке установил кастрюлю с водой, внутри разжег огонь. Для пушкого комфорта наверх были доставлены матрац, одеяло и подушка. Все это отняло столько сил, что я повалился на матрац и стал смотреть на огонь. Суп, приготовленный на костре, приятно пах дымком. Поел прямо под небом. Романтика...

На будущее нужно бы разжиться какой-нибудь спиртовкой или керосинкой, чтобы не подниматься всякий раз на крышу.

* * *

После обеда самочувствие ухудшилось, снова поднялась температура, появился кашель и насморк. Впрочем, обычный аптечный порошок быстро избавил от этих симптомов. Я лежал в большой соседской кровати и рассматривал их фотоальбомы. Странно, но раньше мы не встречались. Хотя, может, и встречались... Человека четыре знали меня в лицо и здоровались, остальные были просто прохожими, как и я для них.

Утром разбудил какой-то шум. Я не сразу понял, что это, но потом меня как током ударило – гудел автомобиль! В окно мне удалось узреть чью-то ногу, мелькнувшую в проеме между нашим и соседним домами, а потом блеснул боком белый автомобиль.

Выкрикивая все известные мне бранные слова, я босяком летел по ступенькам в свою квартиру. Окно, под которым висела простыня, было разбито камешком, брошенным с улицы.

Видимо, заметив мой призыв, в автомобиле стали гудеть и кричать, а когда никто не отозвался, бросили камень. Не дождавшись ответа, решили, что призыв на простыне уже неактуален, и уехали.

Чертыхаясь, я достал новую простыню и написал на ней тем же кетчупом «SOS!».

Теперь сомнений не оставалось: есть еще выжившие!

Наспех позавтракав, я быстро слетел в гараж. Два колеса моей машины с правой стороны были полностью спущены. Наверное, наехал на что-то острое. Менять колеса я не собирался. К чему это, когда в моем распоряжении целый автопарк?

После непродолжительных поисков удалось найти старый Форд Скорпио.

Наверху я повернул влево – туда, куда утром уехала белая машина. Проехав по центральным улицам и малому кольцу, вернулся в центр. Сложная задача – найти в мегаполисе нескольких человек. Я потратил больше двух часов, но обнаружить удалось только свежую модель Ауди, на которой я смог разогнаться до 200 километров. Машина отлично слушалась, езда по пустынным улицам приносила удовольствие.

Остановившись у магазина для охотников и рыболовов, выбрал удобный мангал с котелком, небольшой термос, походную газовую горелку, сухой спирт, большой охотничий тесак в ножнах, бинокль, охотничьи спички и длинную удочку. Шопинг действовал успокаивающе.

Мангал и котелок сразу были отправлены на крышу. Удочку, укрепив в трубе, я использовал как флагшток, привязав небольшую скатерть – знамя как бы.

Отдохнув и поев, вернулся на крышу и стал осматривать город в бинокль. Может, выжившие тоже догадались отметить место обитания? Но, сколько ни смотрел, ничего примечательного не увидел. Вечером, несмотря на небольшую температуру, я снова поднялся на крышу и прикрепил на удочку со знаменем несколько длинных лесок со светящимися пластиковыми рыболовными трубочками. Получилось довольно забавно: в черном небе на ветру болтаются несколько разноцветных колбасок. Я снова осмотрелся в надежде увидеть свет, но – безрезультатно. Расстроенный, лег на матрац и стал рассматривать в бинокль ночное небо. Созвездия мне были неизвестны, поэтому, оставив в покое звезды, я всецело сосредоточился на Луне, рассматривая ее горные гряды и кратеры.

* * *

Утро отозвалось головной болью, но порошок, разведенный в теплой воде, быстро привел в чувство. Позавтракав, я вернулся на свой наблюдательный пункт. В бинокль улицы города были как на ладони. Неожиданно вдалеке, среди плотной городской застройки, блеснул на солнце белый бок автомобиля, который то появлялся на одной улице, то проскакивал по другой, а потом вдруг пропал. Я стоял еще несколько минут, всматриваясь вдаль, но автомобиль так и не появился. Это могло означать только одно: у выживших где-то в том районе пункт сбора. Нужно было как можно скорее ехать туда. Надежда получить лекарство меня не оставляла.

Прихватив с собой нож и дубинку, я поспешил.

Ауди домчала до нужного района за четверть часа. В центре района была небольшая площадь с памятником какому-то мореплавателю, от нее лестками расходились жилые кварталы с домами, как две капли похожими друг на друга.

Непрерывно сигналив, я сделал круг по площади, затем стал объезжать улицы-лестки.

Ехал медленно, открыв окна, чтобы услышать любой звук, но все было

мертво. Терпение почти иссякло, когда взору вдруг открылось небольшое административное здание с флагом Красного Креста над входом. Сразу стало понятно: это то, что я ишу.

У входа табличка, на которой золотом сверкало: «Госпиталь общества Красного Креста и Красного Полумесяца». Внутри чисто, приятно пахнет освежителем. И еще – явный запах сигаретного дыма, верный признак присутствия человека.

– Эй! – позвал я. – Есть кто-нибудь?

Никто не ответил.

Из небольшого холла влево и вправо два коридора. Я повернул вправо и почти сразу оказался у двери с матовыми стеклами и табличкой «Руководитель отделения».

В пустом кабинете на столе перед кожаным креслом – пепельница с окурками, на шкафу – распылитель аэрозоля, на столе ноутбук и чашка с недопитым кофе. Чашка едва теплая. Но теплая!

Снова подав голос, я принялся обследовать другие комнаты. Из всех кабинетов обжитой оказалась только комната руководителя отделения.

Порядком проголодавшись, я все же решил остаться здесь, пока не придет хоть кто-то. Долго ждать не пришлось. К великой радости, за дверь послышалось урчание мотора.

К входу подкатила машина скорой помощи. Человеку за рулем я обрадовался как родному брату и едва сдержался, чтобы не броситься ему на шею.

Мужчина лет пятидесяти, очень худой в комбинезоне рабочего, который на нем болтался, в отличие от меня выглядел опрятным: был выбрит и даже пострижен.

Выйдя из автомобиля, он подозрительно взглянул на мою машину, потом, остановившись шагах в пяти от крыльца, посмотрел на меня недовольно и вопросительно.

– Здравствуйте! Меня зовут Ник! – заговорил я запинаясь. Даже обычное общение с человеком стало чем-то волнительным. – Я уже несколько дней ишу вас. Думал, что никого не осталось, кроме меня. У меня появились первые симптомы вируса. Нужна вакцина, она ведь, наверное, уже готова?

Мужчина слушал с каменным выражением лица, но стоило мне упомянуть вакцину, как он огулшительно загоготал, у него даже слезы на глазах выступили.

– Послушай вот что, – прекратив смеяться, серьезно произнес он, – ты верно предположил, что никто не выжил. Никто! Если бы чертову вакцину сделали, то ты сейчас наверняка не стоял бы посреди пустынного города один.

Лицо человека показалось мне знакомым, но я был настолько обескуражен, что не стал копаться в памяти.

– Но мне нужна помощь врачей, – настаивал я.

– Послушай, господин хороший, – зло продолжил человек, – никого, кроме тебя, в этом городе нет. И меня тоже! Понятно? Здесь не медицинское учреждение. Здесь мой дом, поэтому не советую больше заходить сюда без спроса! О'кей? Садись в свою тачку и езжай туда, откуда приехал.

С этими словами он зашагал за угол дома. Я в нерешительности спустился по ступенькам. Через минуту незнакомец вернулся с тачкой в руках и сигаретой в зубах.

– Да, одна радостная новость для тебя, – процедил он сквозь зубы. –

Выпей аспирину и полежи пару дней. Все пройдет!

– Вы серьезно? – удивился я. – Вы врач?

– Да, я был врачом в прошлой жизни, – зло хмыкнул он. – А теперь я не врач, и вообще – меня нет для тебя. Если бы ты заразился, то давно бы помер, но ты живой, выходит, у тебя иммунитет.

Я все еще стоял возле своей машины.

– Послушайте, если нас осталось только двое, то не разумно ли поддерживать контакт, помогать друг другу? – вежливо спросил я. – Как вас зовут?

– Никак! Проваливай!

* * *

Мною овладело радостное чувство, оттого что, по мнению этого мизантропа, я еще поживу, но то, что вокруг никого не осталось, пугало.

И почему этот козел так грубо со мной обошелся? Я ему обрадовался как родному, а он чуть ли не метлой поганой меня...

От новости, что смертельный вирус безопасен для меня, сразу прибавилось сил и улучшилось самочувствие. Впрочем, незнакомец ведь мог и обмануть...

Как теперь жить? Пообедав, я стал осматривать квартиры своего дома. Из пятидесяти квартир восемнадцать оказались открытыми. Мне захотелось наладить свой быт.

После того как я нашел зарядное устройство для айфона на солнечных батарейках и несколько ноутбуков, в моей квартире снова заиграла музыка. Ароматный кофе в турке медленно закипал над пламенем таблетки сухого спирта. Тем временем на улице поднялся ветер, громко захлопали открытые двери подъезда.

Я никак не мог успокоиться: «Это же надо! Я тоже не самый обширный человек на Земле. Но вот так дать от ворот поворот! – рассуждал я о мизантропе. – Да, мизантроп, именно так я и буду его называть!» – решил я.

Поплотнее закрыв двери и окна, я сел на диван, вытянув ноги на мягкий пуфик и поставив ноутбук на колени, и стал просматривать папки в поисках какого-нибудь фильма.

Странный новый знакомый не выходил из головы. Возможно, у него случилась трагедия... Наверняка потерял родных и близких. Просто переживает это глубже, чем я. В голову пришла ужасная мысль: за все время я даже не вспомнил о своих друзьях и коллегах, которые теперь уже далеко! У меня было общение в сети. Вспомнив про сеть, я отставил кофе и подсоединил кабель к ноутбуку. Сеть не определялась. Интернет исчез.

Стало грустно и одиноко. Я потянулся за бутылкой коньяка и добавил полчашки в кофе. Так начался новый этап моей жизни.

* * *

Теперь можно было жить иначе: выходить из дома, гулять по городу, гонять на любых машинах, бродить по темным выставочным залам и кинотеатрам... но все это потеряло смысл.

Иногда мне встречался Мизантроп, но в моем районе он не показывался, это злило. По-видимому, он собирал на улицах трупы и вывозил за город.

Я решил, что у него не все в порядке с головой.

Со временем, когда моя новая квартира захламилась, я стал задумываться о переезде в район покомфортабельнее.

В городе таким районом был «Олимп». Именно здесь я раздобыл новый Кадиллак Эскалэйд. Проблема заключалась в том, что все дома здесь были окружены высокими заборами. За некоторыми из них я слышал лай собак. Возможно, там стояли автоматические дозаторы корма, которые еще позволяли им оставаться в живых, а возможно, и выжил кто-то...

Целью поисков был «экодом». Взобравшись по специальной лесенке на столб уличного освещения, я осмотрел крыши. Надо было найти солнечные батареи. Выбор пал на небольшой двухэтажный дом цвета спелой вишни.

Через две минуты мой автомобиль остановился перед мощными воротами, запертыми изнутри. Используя свою тяжелую машину как таран, я, хоть и не и с первого захода, распахнул ворота.

Некоторое время посидел за рулем, но ни хозяев, ни собак не появилось.

Двери были открыты. Горел свет. Я остановился в нерешительности и позвал хозяев. Никто не отозвался. Работал компьютер, в гостиной работал телевизор, хотя на экране только полосы. Я автоматически выключил приборы. Электричество было большой ценностью. Умный дом привел меня в восторг: даже вода горячая была! Не медля ни секунды, я стал наполнять большую овальную ванну.

Найдя в кабинете хозяина коллекцию ликеров и снеков, а в кладовой – мягкое пушистое полотенце, я, сбросив одежду, с кряхтением опустился в горячую воду. Какой восторг! Я не мылся столько месяцев, что почти отвык от этих ощущений. Вылив в воду почти целый флакон геля для душа, подождал, пока ванна наполнится, и прикрыл кран, чтобы вода ненароком не кончилась.

Фисташковый ликер отлично дополняли соленые крекеры. Такое блаженство! Я был на седьмом небе.

В отличном расположении духа я спустился на первый этаж и увидел дверь на задний дворик. Отворив ее, я только и выдохнул: «О нееет!»

Прямо посреди дворика на земляном холме, раскинув руки, лежал наполовину разложившийся труп мужчины. Он словно хотел обнять землю. Мне стало плохо.

Вернувшись в дом, я прошел на кухню и открыл бутылку минералки. Атмосфера дома немного успокоила, но труп все стоял перед глазами.

В голову пришла мысль принести откуда-нибудь земли и засыпать его. Хотя это не слишком улучшило бы ситуацию...

Выключив везде свет, я закрыл входную дверь на ключ и забрал его с собой.

Выгнав на улицу Эскалэйд, я позаимствовал у владельцев и Шевроле. Аккуратно выведя машину, снова пересел в джип и заблокировал им въезд в мой славный домик.

Надо ли переезжать сюда? Может, есть другие покинутые умные дома?

К удивлению, перед своим домом я увидел белую скорую Мизантропа. Заметив меня, он направился к своей машине. Не повернувшись даже, через спину сказал:

– Хотел узнать, живой ты еще?

– Живой!

Он собирался уехать, а я напряженно думал, как его удержать. Ведь он приехал зачем-то?

– Подожди минутку! – чуть не взмолился я. – Я нашел один дом

в «Олимпе».

– Ну, – он повернулся и стал сверлить меня глазами.

– Там труп на лужайке. Вот я и подумал, ведь ты же этим занимаешься.

Если бы ты мне помог...

– Нет, – отрезал он. – Я работаю по городу в соответствии с планом.

Очередь до внутренних помещений подойдет в апреле 2020 года.

С этими словами он повернулся, чтобы уехать.

– Так зачем ты приезжал, Мизантроп? – выкрикнул я, начиная злиться.

Первый раз я увидел улыбку этого человека.

– Как ты меня назвал? – переспросил он, улыбаясь одними уголками рта. Глаза по-прежнему выражали боль и злость.

– Мизантроп. Ты же сказал, что звать тебя никак.

– Да, – подтвердил он, – это подходящее имя для меня. Шутник ты херов! – и, выглянув из окна машины, ответил на мой вопрос: – Я приезжал позвать тебя на барбекю, да передумал.

– Хорошо, я приеду сегодня к шести со своей выпивкой, – помахал я ему рукой.

* * *

Я волновался, словно собирался не к Мизантропу, а на первое свидание с девушкой. Выбрав несколько бутылок дорогого алкоголя, спустился даже в старую квартирку, чтобы приодеться. Мой вес за последнее время значительно увеличился, так что впору пришелся только старый пиджак в клетку.

К шести я подъехал к зданию Красного Креста и посигналил. Мизантроп не показывался. В воздухе стоял запах костра. Значит, меня ждали.

С бутылками в руках я обошел дом и оказался на небольшой лужайке, где стояли два дачных стула со столиком и большая жаровня, возле которой возился мой единственный друг.

– А я думал, ты не придешь! – заметил Мизантроп.

– Я настойчивый.

– Мне подумалось, уж коли я решил помогать мертвым, так сам Бог велел и живому помочь, – проговорил он под нос, не отрываясь от мангала, на котором жарились куриные ножки.

От одного вида и запаха жареного мяса у меня свело живот.

– Мясо теперь можно найти только там, где есть автономное электропитание, – сказал он. – Здесь есть холодильник. Иначе только охотиться. Присмотри за курицей!

Он ушел в дом, а я наслаждался божественным запахом у мангала. Жир с курицы капал на угли и шипел.

Мизантроп вернулся с тарелками, вилками и бокалами. Поставив посуду на стол, он пригласил меня сесть. Я предложил виски и ликеры из своей «коллекции», но друг захотел вина. Я выбрал напитки покрепче.

– За то, чтобы этот мир побыстрее уже покатился к черту! – предложил тост друг.

Я поднял бокал без возражений.

– Как курица? – спросил он.

– Очень вкусно! Как в старые времена.

Он снова улыбнулся уголками рта. Мы выпили за знакомство.

– Мы ведь так и не познакомились, – продолжил я.

Мизантроп поморщился. Наверное, ему показалось, что я лезу ему в душу.

– Отчего же? Ты ведь знаешь, что меня зовут Мизантроп, – возразил он. Я улыбнулся, а он словно снова прочитал мои мысли.

– Понимаешь, мальчик, – довольно грубо сказал он, отложив столовые приборы, – того мира, где мы были кем-то, больше нет. Нет паспортов, дипломов колледжей. Мы теперь никто. Мир рухнул со всеми его устоями, и наши жизни потеряли смысл. Вот ты, например, скажешь, что тебя зовут Бобби и что ты был клерком в банке. А что мне с того? Чем ты занимался раньше, меня не интересует. А вот чем ты занимаешься теперь?

Я задумался.

– Ничем.

– Вот и отлично. Мне это все до лампочки, – он снова поднял бокал и выпил без тоста. – Я тоже тебе придумаю имя, – предложил он. – Можно что-нибудь индейское типа Простыня-Кетчуп. Или литературное – Вечный жид. Ты же выжил, а все остальные – нет. Что, не нравится?

Я молчал.

– Тогда можно, продолжая логику, назвать тебя Супермен. Ты прошел отбор, супергерой. Или просто Антивирус! Все, для меня ты будешь Антивирус! – подытожил он.

– Ну я-то вашей теории не придерживаюсь, – попытался возразить я. – А просто Ник не лучше?

Мизантроп поднял палец и с силой помахал им.

– Не-а, Антивирус – лучше! Тут и логика, и юмор – все вместе.

Я откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и стал потягивать виски.

– Смысла в нашем существовании нет совершенно, – продолжил Мизантроп, – так что тут только два пути: потреблять и разрушать что осталось, либо созидать. Вот я, например, решил хоронить останки умерших. Впрочем, и в этом нет смысла. Похоже, что женщин на Земле не осталось, поэтому лет через 20-30, максимум – 50, род человеческий прекратит существование и наступит рай на земле.

– Думаете, кто-то выжил еще? – переспросил я. – Или видели кого?

Он помедлил.

– Месяц назад я видел, как одна машина уехала на Запад. Если предположить, что на миллионный город осталось трое, то на 7 миллиардов нас должно остаться больше 20 тысяч. Вирус так и не удалось остановить. У какого-то процента представителей европеоидной расы оказался иммунитет. Все это мужчины.

Я задумался о том, что если собрать вместе 20 тысяч человек, то можно заселить небольшой городок. Хотя, раз не осталось женщин, то это не будет иметь значения. Мы наполнили бокалы и выпили, осознавая свою обреченность.

Мизантроп стал разогревать оставшиеся куски курицы над огнем.

– Так что все это суета. Ничего не делай, Антивирус! – призвал он меня. – Пей, гуляй, пока не наскучит или не пустишь себе пулю в лоб.

Я чувствовал, как алкоголь дурманит.

– А как же миссия спасения человечества? – спросил я серьезно. – Если мы последние люди, то должны позаботиться о продолжении рода!

– Ты, что ли, – он посмотрел на меня исподлобья, – собираешься мир спасти?

Во мне вскипела ярость. С какой стати этот мерзавец так меня унижает?

Он продолжал смотреть на меня в упор, но я выдержал этот взгляд.

Мизантроп улыбнулся, хохотнул, пару раз, а затем зашелся в безудержном смехе, даже слезы выступили. Несколько секунд я смотрел на него серьезно, но не сдержался и стал гоготать вместе с ним.

* * *

С этого дня мы с Мизантропом общались. На «Олимпе» нашелся другой дом с солнечными батареями

Обычно мы звали друг друга в гости, когда готовили мясо. В моем новом доме было море продуктов. Оказалась, это радость – поесть то, что в прошлой жизни было обыденностью.

Прошел месяц знакомства с Мизантропом. Я жил в доме со всеми удобствами, смотрел фильмы, принимал ванну, ел что хотел. Выходить-то из дома было незачем – все было... но я заскучал.

Редкие встречи с другом за баночкой пива не могли заполнить пустоту внутри. Я смотрел, как этот человек день за днем освобождает город от трупов, и осознавал бессмысленность своего существования.

В городе уже хозяйничала осень. Улицы завалило сухими желтыми листьями, которые ветер собирал в углах домов.

Однажды я пошел на прогулку в центральный парк с аттракционами и красочными торговыми палатками. Прошло не так много времени, а на кабинках колеса обозрения уже выступила ржавчина. Лужайки заросли сорняками, разрослись кусты и живая изгородь. Я сидел на скамейке и, задрав голову, смотрел на птиц, летающих высоко в чистом небе.

По дороге домой попался спуск в метро. У выхода из подземного перехода встретился большой рыжий пес. Сначала собака рассматривала меня с любопытством, потом неуверенно тявкнула.

– Ну что ты, Бобик! – успокоил его я. – Не трону!

Но собака снова тявкнула, и в этот раз ей вторили другие. С громким лаем ко мне неслась целая стая. Я приметил припаркованный на обочине фургончик электромонтеров с двумя небольшими лесенками на задних дверях. В три прыжка преодолев расстояние до машины и схватившись за лестницу, я почувствовал, что кто-то тянет меня за штанину. Оказалось, рыжий Бобик, которого я только что успокаивал. Он не отпускал штанину, поджидая свою банду. От страха я стал лягаться, и пес, получив хороший тычок, отлетел в сторону. Это позволило быстро взлететь на крышу фургона. Подоспевшие собаки окружили машину и стали облаивать меня, поваливая хвостами.

Прошел час, а мои соглядатаи расходиться не собирались. Часть расположилась возле фургона, ожидая, когда я спущусь, другая группа занялась истреблением крыс.

Я уже начал нервничать, ведь на помощь прийти, кроме Мизантропа, некому, а он месяцами мог не появляться.

Пока я думал, что предпринять, вдалеке послышался шум мотора.

– Мизантроп! – заорал я, хотя понимал, что на таком расстоянии он меня все равно не услышит. – Мизантроп!

Звук мотора приближался, и я уже готов был прыгать от радости.

Из-за угла выехал большой черный джип, к которому сзади был прицеплен трейлер.

– Мизантроп! – кричал я, размахивая руками.

Джип медленно повернул в мою сторону. Из открытых окон вырвались мощные звуки музыки. Собаки прижали хвосты, но не расходились.

Я смотрел на подъезжающий джип, на человека за рулем в розовом костюме, с темными очками на носу, размышляя, зачем Мизантроп так разошелся и почему пересел на эту машину со своей скорой помощи?

– Что ты орешь, убогий? – наконец спросил меня водитель джипа, убавив звук в колонках.

...Передо мной был еще один выживший.

– Меня окружила стая собак, и я звал на помощь друга.

– Два человека на город – это уже много, – пробурчал незнакомец.

Из машины, манерно хлопнув дверью, вышел дико разодетый мужчина в розовых, в тон костюму, туфлях крокодиловой кожи и черной спортивной шапочке. На шее у него болталось несколько толстых золотых цепей, все пальцы правой руки, сжимавшей пистолет, унизаны массивными перстнями.

– Какие собаки, чувак? – лениво растягивая слова, спросил он. – Эти? – он указал пистолетом в сторону псов. В следующий миг раздался выстрел. В собак не попал, но те дали стрекача. Мужчина выстрелил еще пару раз вдогонку.

– Слезай, чувак!

Я слез и протянул ему руку. Он в ответ покачал головой.

– Извини, бро! Сейчас времена другие. Предупреждаю сразу: у меня полный трейлер пушек. Не вздумайте соваться!

Я убрал руку.

– Это ты уехал из города месяц назад? – поинтересовался я, рассматривая незнакомца.

– Не, я только приехал. А че, вы город под собой держите? Ну, ты и твой дружок? – он осклабился.

– Куда ты клонишь? – серьезно спросил я. – В таком городе достаточно места, чтобы никто ни с кем не бодался!

– Так, значит, ловить здесь нечего? – усмехнулся он. – Все банки, ювелирные, хранилища уже поделены?

В это время в сквер зарулила скорая Мизантропа.

Незнакомец направил на меня ствол.

– Давайте без шуток! – предупредил он. – Я нервный.

– Успокойся! – сказал я. – Никто тебе не угрожает.

Вида такой поворот, Мизантроп остановил машину и медленно вышел. Он был в перепачканном грязью и кровью белом комбинезоне.

Увидев его, незнакомец засмеялся.

– Да я вижу, вы те еще чудики, – он убрал пистолет в кобуру под пиджаком. – Меня зовут Король Сэм! Я приехал экспроприировать свое золото в этом городе, – серьезно проговорил он.

– Золото? – переспросил я.

– Что тут непонятного? – резко переспросил он. – Я загружу золото и уеду, а вы не будете мне мешать. Тогда разойдемся с миром.

– Послушайте, – вежливо произнес Мизантроп, – мы не собираемся вам препятствовать. Можете делать что хотите. Только осторожнее с огнем.

У нас тут все чуть не спорело к чертовой матери пару месяцев назад.

– Вот это здоровый разговор, чувак! – обрадовался Король Сэм. – Я вас не трону, видел уже таких чудил. Живите!

С этими словами он вернулся в свой джип и рванул в сторону центра.

– Что это было? – растерянно спросил я.

– Этого только не хватало! – сердито ответил Мизантроп и добавил, посмотрев на меня: – Одного-то соседа много! Приезжай вечером, потолкуем. С этим пациентом надо быть аккуратнее.

Он сел в машину и укатил, даже не предложив подвезти меня.

* * *

К Мизантропу я приехал раньше него.

Он вернулся злой, долго мылся, прежде чем занять место в садовом кресле.

– Не появлялся Король? – спросил первым делом.

– Нет.

Когда мы опустошили несколько банок, Мизантроп заметил:

– А я думал, ты такой же, как он.

– В смысле? – приподнялся я, оперевшись на подлокотники.

– Ну, думал, начнешь собирать безделушки все эти.

– А... – я снова опустил плечи. – Нет, мне лень.

Вдали показался свет фар. Машина явно направлялась к нам.

– Вот черт! Будь он неладен!

На этот раз Король предстал перед нами в черном костюме в белую полосочку.

– Тоже мне, нашли место! – выругался он. – Пива дайте!

– Сам возьми вон в коробке! – ответил Мизантроп. – У нас тут демократия. А зачем нас искал?

Король Сэм обвел дворик взглядом, придвинул еще одно кресло и, взяв банку пива, уселся, не преминув продемонстрировать пистолет.

– Ну как же? – деланно удивился Король. – Осматриваю свои владения.

Мы натужно засмеялись.

– Зря смеетесь! – продолжил он серьезно. – Если вы присели на бумажные деньги, то мне вас жаль. В новом мире они бесполезны. Только золото.

Мы помолчали, затем заговорил Мизантроп:

– В новом мире, как ты выразился, никто ничего не производит, не покупает и не продает, так что и золото не имеет никакой ценности.

Король Сэм усмехнулся.

– Я не такой дурак, старичок! Это пока не продают. А вот пройдет время, продукты начнут заканчиваться, иссякнут бензин и генераторы. Тогда все потянутся ко мне. А ресурсы уже у меня! Подай еще пива! – обратился он ко мне.

Я почему-то молча встал и передал ему еще банку.

– Я не дурак, еще раз говорю, – повторил он. – Если будете мне служить, то будете хорошо получать. Мне нужны надежные люди.

Я заулыбался.

– Ну что думаешь, Антивирус, – спросил Мизантроп, – будем служить Королю? Что за служба, кстати?

– Нужно собирать ресурсы, – пояснил Король Сэм. – В городах жить

скоро станет невозможно. Я отстрою новый город Сэмсити в районе Голубых Гор. Мои люди должны первым делом собирать солнечные батареи, генераторы, фуры с бензином, золото, оружие, наркотики. Соберем стада домашних животных, и у нас будет мясо, купим женщин, которых, говорят, много еще на севере. Вам, небось, тужо без женщин, а? – хохотнул он. – У моих подданных будет все.

– Нет, – резко перебил его Мизантроп, – я не буду тебе помогать. Нас слишком мало, чтобы кто-то устанавливал власть.

Король отбросил пиво и встал.

– Ну и зря! А ты, Касперский? – спросил он у меня.

Я тоже отрицательно покачал головой.

– Ну конечно! Вы же голубки! – он потянулся к пистолету. – Но потом, когда вы приползете ко мне за продуктами и электричеством, я позволю вам лишь пасти мои стада!

Он махнул пистолетом, отчего в животе похолодело. Мизантроп сидел как ни в чем не бывало.

– Только суньте свой нос к нам – мы быстро его вам отстрелим! – крикнул Король, направляясь к своему джипу.

Завидев фургон Мизантропа, он взвел курок и несколько раз выстрелил по колесам. Мы сидели как приклеенные.

Джип с нагруженным трейлером исчез вдаль.

– Вот тварь! – выругался Мизантроп.

Он сходил в дом и вернулся с бутылкой крепкой настойки.

Сделав несколько обжигающих глотков и немного успокоившись, мы продолжили разговор.

– Я не боюсь смерти, – сказал Мизантроп. – Я уже все равно что умер. Беззакония боюсь. Раньше, по крайней мере, все знали, что можно, а чего нельзя, хотя, может, и не всегда поступали по закону. Теперь закона нет. Получается, нет и преступления.

Я слушал, привыкая к вкусу настойки.

– Вот, например, если бы ты меня убил, никто бы тебе ничего не сделал. Право сильного. Я вот ездил все время на одной и той же машине, а этот, – Мизантроп махнул рукой в сторону, куда уехал Король, – решил все под себя подмять.

– Надо было навалить ему! – наконец, включился я.

– Но это тоже было бы право сильного. Я о чем: всего вдоволь, а люди не могут ужиться. Если бы выжило больше, все бы уже поубивали друг друга.

Он сделал большой глоток настойки.

– Думаю, нужно раздобыть по пистолету, раз уж про нас узнали. У Короля обязательно найдутся последователи. Ты стрелять умеешь?

– Не умею я стрелять и никогда в руках оружия настоящего не держал.

– Придется учиться! – подытожил он.

Я уже хорошо выпил, говорить совсем не хотелось. Мизантроп тоже замолчал.

Я встал, чтобы ехать домой, но меня повело в сторону.

– Оставайся сегодня здесь, Антивирус! – предложил Мизантроп.

– А меня автоинспектор не остановит, – пошутил я заплетающимся языком.

Мизантроп предложил остаться – что-то это да значило! Вскоре

я завалился на диван в одном из кабинетов и продрых до утра.

Утром я выпил пачку холодного апельсинового сока, и мы поехали в полицейский участок. Оружие, по мнению Мизантропа, правильное всего было искать там.

Входная дверь участка была распахнута. Внутри пусто, большинство кабинетов закрыто. Спуск в оружейный склад загорожен массивной решеткой. Мы поднялись на второй этаж и стали проверять кабинеты.

Открыв очередную дверь, я отпрянул, поморщившись от пахнувшего смрада. За столом лежал почерневший и распухший труп полицейского. Под столом – лужа трупной жидкости. Роились мухи.

Меня затоснило. Захлопнув дверь, я бросился к распахнутому окну в коридоре. Мизантроп же молча зашел в кабинет, закрыв за собой дверь, и вышел оттуда через пять минут с пистолетом и двумя маленькими коробочками, в которых было по 12 патронов.

Когда я отдышался, мы зашли в следующий кабинет, направившись первым делом к большому тяжелому сейфу в углу. Он был заперт.

Мизантроп стал открывать ящики стола в поисках ключей.

– Оп-па! – воскликнул он.

В руках у него появился еще один пистолет с полной обоймой.

– Хорошо! – подытожил Мизантроп. – Пока этого хватит.

Мы вышли на улицу.

* * *

Я перестал различать дни недели и даже числа. Ну что мне с того, что завтра понедельник? Просто была осень. Дождливо и все еще тепло.

Мы с Мизантропом сдружились, и, хотя он ничего не рассказывал о себе, я радовался, что он не чурается меня. Мизантроп занимался своим делом, я – своим, то есть жил в свое удовольствие: играл в Playstation, пил пиво с чипсами, принимал ванны, читал. Никакого желания созидать не было. Порой, правда, одолевала тоска по прежней жизни, в которой были развлечения и женщины. Однако много думать об этом нельзя – можно впасть в депрессию.

Все, что я иногда делал, – это искал рабочие холодильники, чтобы разжиться деликатесами. Но найти их становилось все труднее. Когда я посетовал на это Мизантропу, он сказал, что за городом есть экспериментальный полигон фабрики по изготовлению солнечных батарей, и предположил, что там, в удалении от города, есть все условия для жизни.

Собираясь в дорогу, я нацепил кобуру и сунул в нее пистолет. Люди, если они там, конечно, есть, могут быть настроены агрессивно.

Спортивный Шевроле помчал меня за город. Уже через несколько минут автомобиль оказался на окраине, многоэтажки сменились аккуратными, но дешевыми частными домиками, а за ними появился лесок и зеленые холмы.

За городом все выглядело умиротворенно, не было угнетающей разрухи. Природа словно и не замечала отсутствия человека. А может, и радовалась тайне тому, что извела этих паразитов.

Не прошло и двадцати минут, как я увидел на дороге указатель «Испытательный полигон ABC-electric».

Перед главным корпусом – квадратным бетонным зданием – стояло две машины.

Я вышел из авто и осмотрелся. На металлических дверях – замки. Обойдя

все три здания комплекса, я, наконец, нашел незапертую дверь. Внутри темно, пахло пылью. Во внутреннем дворе на небольшой площадке установлены солнечные панели. Постояв с минуту и проверив, на месте ли пистолет, я пошел к основному зданию. Двери во внутренний двор были открыты.

Мизантроп ошибся. Это был просто испытательный полигон, лишенный элементарных условий жизни. По всей видимости, комплекс питался от общей электросети, поскольку все внутри было обесточено. Только в центральном здании нашелся большой пульт с множеством светящихся кнопок, ламп и датчиков. Здесь компьютер фиксировал рабочие показатели различных типов батарей на внутреннем дворе.

Я поднялся на крышу. Вокруг простирались бескрайние луга, над которыми голубело безмятежное небо. Невероятно свежий воздух, таким он был, вероятно, лет 200 назад.

Холмы поросли густой травой, а вот деревья и кустарники разбросаны редкими группками, поэтому глаза мои сразу отметили странную точку вдаль. Мне показалось, что это дом, даже дым как будто бы поднимался. Быстро сбегав вниз, я сел за руль и, свернув с дороги на траву, резво взъехал на ближайший холм.

С вершины холма в бинокль я рассмотрел автофургон, возле него – костер. Там люди! Расстояние до фургона было приличное.

Бинокль чуть было не выпал из рук, когда, выйдя из-за трейлера, к костру направилась стройная девушка в юбке и блузке, ее длинные светлые волосы развеивались на ветру. Мое сердце застучало. Женщина!

Я прыгнул в машину и помчался к трейлеру. В голове уже мелькали картинки нашей совместной жизни: я охочусь, она ждет меня у очага...

Хозяйка услышала рев двигателя и стала призывно махать рукой.

Я летел не разбирая дороги, но по мере приближения начал сбавлять скорость: первоначальную радость постепенно вытесняло разочарование, перерождавшееся в ненависть.

Перед капотом моей машины стоял худой длинноволосый парнишка лет 18, вокруг пояса которого была завязана спортивная кофта. Волосы на лбу перехвачены широкой тесьмой. «Хиппи», – догадался я.

Незнакомец пошел навстречу и со словами «здравствуй, брат» обнял меня, прижавшись всем телом. Меня передернуло.

Ошутив мой пистолет, он тут же отстранился.

– Make love, not war!¹ – произнес он многозначительно.

– Ты хиппи? – спросил я бесцеремонно. – Как тебя зовут?

От него сильно несло потом и еще чем-то мерзким.

Юноша расплылся в благодушной улыбке:

– Я не хиппи, но можешь называть меня Дитя Цветов, – хохотнул он. – Раздели со мной трапезу, добрый человек!

Он пригласил жестом к костру. Есть я не собирался, но сел на чурбан. Над огнем был подвешен котелок, в котором варилась рыба.

– Зачем тебе пистолет, брат? – спросил меня Дитя Цветов. – Ведь людей больше ничто не разделит. Нет денег, войн, загрязнения. Мы можем жить общиной, – радостно поведал он.

– А ты не видел Короля Сэма? – спросил я в свою очередь. – Возможно, тебя это огорчит, но, по всей видимости, люди даже в такой ситуации не будут

¹ Да – любви, нет – войне! (англ.) – антивоенный лозунг, приуроченный к войне во Вьетнаме.

жить в мире. Король Сэм строит новое королевство на Голубых Горах. Он собирает ресурсы и подданных. Так что, если не обзавелся пистолетом, можешь стать его крепостным.

Дитя Цветов помрачнел и задумался.

– Это пережитки, брат. Понимаешь? – он посмотрел на меня с жалостью. – Когда люди почувствуют всеобщую любовь, осознают, что мы единое целое – ничего не останется, кроме блаженства.

Он достал самодельную деревянную трубку, насыпал в нее табак и закурил. В запахе дыма различалось еще что-то. Табак, видимо, был смешан с каннабисом.

Он заулыбался и протянул мне трубку. Я помотал головой.

– Не будешь? – захихикал он. – Сейчас за это не накажут. Некому, брааат! Нет полиции, государства! Ты спросил, один ли я и знаю ли Короля? Не видел я никого уже несколько месяцев. Я ловлю рыбу, собираю овощи, грибы, – он помолчал, – и травы!

Слушать его пьяный бред не хотелось. Тем временем Дитя собрался петь, достав откуда-то гитару.

– Подожди, дружище, – остановил я его, – мне некогда. Нас двое, мы живем в городе. Ты тоже можешь там найти себе дом. Остерегайся Короля.

Дитя, оставив одну руку на грифе, нагнул ко мне и проникновенно, немного в нос, заговорил:

– Браат, куда ты спешишь? Теперь нет времени, нет календарей. Поживи в моем трейлере, побегай гольшом по полю, почувствуй свободу.

Я уже почти ненавидел этого уroda.

– Я тебя предупредил и сказал, где нас найти. Скоро похолодает.

– Нее... В города не заезжаю. Я постепенно направляюсь на Юг, – возразил он. – Спасибо тебе за доброту сердца и проявление братской любви и заботы.

Я поспешил вернуться в машину.

– Если будет нужна помощь, мы по-братски тебе поможем...

Он помахал рукой на прощание.

Вернувшись на асфальтовую дорогу, я поехал в город, чтобы обрадовать Мизантропа новостью о новом выжившем.

– Ну и зря! – огорошил тот меня своим ответом. – Зря не настояя! Если он такой, как ты описал, то наверняка пропадет!

– А я думал, вы мизантроп!

Он усмехнулся.

– Иногда приходится помогать против своей воли.

Я собирался уезжать, когда послышался сигнал машины. Смекнув, в чем дело, я прыгнул в Шевроле и поехал на звук. По дороге тащился трейлер Дитяти Цветов. Мне пришлось ехать на первой скорости, чтобы этот наркоман поспевал за мной.

Выйдя из машины, Дитя Цветов поспешил прижаться покрепче к Мизантропу. Того покорежило от этого проявления братской любви.

Осматривая дом, Дитя сразу каким-то образом определил, что дом принадлежит Мизантропу.

– Оставь эту каменную коробку, брат! – призвал он. – Отправимся в путь! Я вижу на тебе отпечатки цивилизации, – продолжал он, обращаясь к Мизантропу. – А приехал я сюда потому, что понял: твой визит, – мотнул он

головой в мою сторону, – это мольба о помощи.

– Да нет, друг, – прервал его Мизантроп. – Это мы хотели тебе помочь. Люди исчезли, но даже те, кто остался, представляют опасность. Лучше тебе поселиться в городе.

Дитя улыбнулся, блаженно прикрыв глаза.

– Неет, старик, – протянул он. – Я освободился, и мое сердце исполнено братской любви. Скоро все люди объединятся в этой любви. Вы разделите со мной ужин? Я расскажу вам о свободе.

На заднем дворе Дитя разжег костер. Из трейлера он достал несколько картошин, чтобы испечь их в углях. Потом вытащил связку вяленых рыбешек и упаковку пива. Пиво оказалось холодным и очень вкусным.

– Рыбу я сам наловил и завялил. Картошку накопал в поле. Мы можем жить как птицы небесные: не пахать, не сеять – и быть сытыми и одетыми!

Выхлебав полбанки пива, он рыгнул, потом схватил гитару и довольно неплохо спел «All You Need is Love»¹. Дитя Цветов скрасил наш сегодняшний вечер.

Странно, но меня не обрадовало, что мы встретили еще одного человека. Просто посмеивался над новичком, зная, что здесь он не останется.

– Мы – самые счастливые из людей, – разглагольствовал гость, закончив петь. – Мы освободились от гнета государства, денег и религии! Теперь неважно, кто ты, сколько у тебя денег, какой пост ты занимал, сколько тебе лет, – все теперь равны. Земля-мать избавилась от гнета цивилизации, сбалансировала все.

– Откуда у тебя столько уверенности, что все хорошо закончится? – серьезно спросил Мизантроп. – Я, например, уверен, что мы умрем от болезней и старости, и человечество прекратит свое существование.

Дитя Цветов не возмутился.

– Ну и пусть! Я до Избавления учился в художественном колледже, – посерьезнел он. – Планировал, что буду показывать, как люди уничтожают Землю. А теперь я создаю картины о том, как Земля очищается и обретает равновесие. Надеюсь, что у меня хватит времени для путешествия к древним храмам Индии и Тибета...

Не оставляя нам шансов возразить, он запел «Let it be»².

Я задумался над его словами. Мир, действительно стал другим, а мы этого и не заметили. Я по-прежнему запираю дверь на ключ, когда выходил из дома!

– Вот почему ты говоришь ему «вы», – вдруг обратился ко мне Дитя, указывая банкой пива на Мизантропа.

– Да потому что он старше. Элементарная вежливость. Мы же не стали дикарями!

– Дикарями мы не стали... Мы стали свободными. Мы стали просто людьми! Человек не для того рождается, чтобы знать, кого называть на «вы». Поэтому – «ты»! – проговорил он, указывая на меня. – И «ты-ты-ты»! – затараторил, указывая на Мизантропа.

Я глянул на Мизантропа. Похоже, ему нравился этот мальчишка.

А вдруг он сорвется и поедет с ним в Тибет? А я останусь совершенно один... И чем этот выскочка завоевал Мизантропа? О боже, да

¹ Песня из репертуара «Битлз».

² Популярная песня из репертуара «Битлз».

это ревность!

Костер уже прогорел, и мы вспомнили про картошку. Дитя разворошил угли арматуры и закатил в них клубни.

– Можно быть атеистом, гомосексуалистом, вандалом, и тебя никто за это не осудит. Нас теперь очень мало, поэтому мы объединены братской любовью.

– Каин и то Авеля убил, – возразил я.

Дитя Цветов посмотрел на меня отсутствующим взглядом. Этот аргумент для него ничего не значил.

– А в чем-то я с тобой согласен, – выдал, наконец, Мизантроп. – Мы уже победили смерть и стали самыми свободными. Все мы успели уже попрощаться с жизнью, а тут вдруг второй шанс! Но я, как человек образованный, понимаю, что наша обязанность – сохранить достижения цивилизации. Однако это имеет смысл только в том случае, если род человеческий будет продолжен.

– Иначе как в «Планете обезьян»¹, – засмеялся я, – вернутся космонавты, а на Земле одни макаки на руинах.

– Если бы я был уверен, что женщин совсем не осталось, – продолжил Мизантроп, – тоже поехал бы в Тибет. Теперь же нет границ, виз, таможенного контроля. Все мы теперь космополиты!

– Дааа, брат! – с довольной улыбкой протянул Дитя Цветов. – Ты се-чешь тему! Теперь все космополиты! – он допил очередную банку.

После того как он спел «Imagine»², мы приступили к картошке, она уже пропеклась.

– Я вот думаю, как много сейчас значат приветствия и прощания, – снова заговорил гость. – Раньше «привет – привет», потом в Твиттере «привет», в аське, телефон под рукой... А теперь прощаешься с человеком и не знаешь, увидишься ли когда-нибудь еще. Поэтому я всегда прощаюсь горячо!

Он встал и направился к Мизантропу. Обняв и похлопав его по спине, Дитя произнес:

– Ты на верном пути, старик! Мы уже на одной волне. Рад, что повстречал тебя! Уверен, что встретимся в Тибете.

Меня Дитя Цветов тоже крепко обнял и пожелал найти свой путь. Сбегав в свой вагончик, он принес подарки – два плетеных браслетика. Мизантропу достался красно-зеленый, мне – желто-зеленый. Это было трогательно.

Он плел еще что-то про единение, что ментально он-де с нами, но я уже не слушал его, вернувшись в свое кресло, когда он направлялся к машине. Мизантроп был в восторге, мною же овладели ревность и обида.

– Ну не уникам, а? Антивирус? – смеясь, спросил он. – Что значит нашел человек себя в новой жизни! – Немного погодя он продолжил свои философские рассуждения:

– Это, конечно, утопия. Никогда всем не жить в мире. Даже в первобытном обществе была власть. Наверное, все-таки нельзя отделить цивилизацию от власти.

Я молчал. Говорить не хотелось. В этот вечер мы словно поменялись ролями.

Продолжение следует.

¹ Роман французского писателя-фантаста Пьера Буля.

² Песня из репертуара «Битлз».

Виктория ОСАДЧЕНКО

Флейта за пазухой бьётся птицей...

* * *

С большинством
у меня есть единственный общий язык – молчание.
Девяносто процентов любви приходится на отчаяние.
Вещество,
из которого я состою, разрушается в этом воздухе.
Всё вокруг слишком жёсткое, твёрдое, острое.

Жизнь была бы довольно печальна,
если бы за пределами этого острова
больше не было ничего.

* * *

Блаженны пережившие лето,
стойко вытерпевшие сорок,
вынесшие и сорок пять,
и пятьдесят, отрицаемые Узгидрометом.

Они наследуют осень.
Вспоминают имя дождя.
Шуршат опавшими листьями,
слетевшими масками.

Но в июле
тёплые шарфы на витрине
кажутся вестью
столь же благой, сколь несбыточной.

Виктория ОСАДЧЕНКО. Родилась в 1980 г. в Ташкенте. Окончила факультет журналистики НУУз. Участник Ташкентских открытых фестивалей поэзии. Член СП Узбекистана. Автор сборников «Пейзажная лирика», «Егоркины сказки», «Воздух», «Наяву и никогда», публиковалась в республиканской и зарубежной периодической печати, в альманахах «Преддверие», «Сегодня», антологии «Анор/Гранат».

* * *

Открываются двери вверх.
Загорается чистый свет.
Объявляют взлёт.

– Отстегните свои ремни, – говорят они.
Сбросьте цепи, не прячьте больше глаза в тени –
наступают воскресные дни.

Навсегда, может быть,
но как минимум – до зимы.
Время, данное нам взаимы,
утекло в слова.
Ухитрились всё, включая себя, забыть –
что ж, зато теперь больше нечего забывать.

Мы ещё успеваем сделать глубокий вдох
перед тем, как проверить, выдержит или нет
тонкий, шаткий небесный лёд.

* * *

Сорок лет всё об одном:
где мне выход, где мой дом?
Если я уже не птица –
тяжела, плотна, темна, –
как мне родине присниться
из-под неба, из-под дна?
Где другая сторона?

Выходи под звёзды в полночь,
Ничего-то ты не помнишь,
кроме старого пароля
для залётных патрулей.
Ты – чужое, но живое,
и притянута тобою
небо лёгкое к земле.

Тут стежок и там стежок –
небо ближе на шагок.
Развернулось звёздным свитком,
только слов не разберу.
Снова приняло в игру.
А натянутую нитку
вечно треплет на ветру.

* * *

Улицы весенние крылаты,
 всюду чудеса и небеса.
 Знает только Яндекс-навигатор,
 где я буду через полчаса.

Обитает в городе двуногий
 и прямоходящий человек.
 Для него устроены дороги
 и местами лестницы наверх.

Он идёт, шатаясь от восторга,
 поражён, растерян и влюблён,
 восхищён пейзажами настолько,
 что почти не смотрит в телефон.

И среди сияющего рая,
 где Навруз – как невесомый храм,
 он стихи поспешно набирает,
 чтоб друзьям отправить в Telegram.

* * *

Старый флейтист, проходя по Городу,
 лишь иногда поднимает голову.
 Звёзды, конечно же, не видны.
 Крысе в его рукаве не спится.
 Флейта за пазухой бьётся птицей,
 мучась от собственной тишины.

Здесь асфальт, словно лёд, непрочен,
 если выходишь холодной ночью.
 Свет фонарей на ветру дрожит.
 Флейта клюёт под ребро, но терпит.
 Мимо стоянки, метро, аптеки –
 в улицы, узкие, как ножи.

Окна – горячие чашки света,
 но невозможно сойти со следа.
 Леска натянута вдоль хребта.
 Тени качаются под ногами.
 Холодно смотрит, не помогает
 стылая зимняя высота.

Город кончается у залива.
 Руки флейтиста неторопливы,
 но отчего-то в глазах темно.
 Флейта притихла, вжимаясь в душу.
 Выбравшись из рукава наружу,
 крыса уселась у самых ног –

и говорит, что готова слушать.

ФАНТОМНАЯ БОЛЬ ДУШИ

Виктория Осадченко – поэт необыкновенный. Конечно, такие слова говорят о каждом талантливом авторе, ибо сама поэзия предполагает необычность в восприятии мира, нестандартность взгляда на жизнь и на человека. И все же...

Поэзию В. Осадченко, пожалуй, нельзя отнести к так называемой «женской лирике» – лирике о любви, мире специфических женских чувств, семейной хроникальности с бытовыми деталями. Все это в какой-то мере присутствует, но скользит по текстам словно намеком, и совершенно не в этом главная пружина ее творчества. Вот, например:

*Когда я бездарно ною,
что вовсе меня не любишь,
то ты, повернувшись стеною,
невозмутимо молчишь...*

Далее развитие «лирического сюжета» уводит в совсем иное тематическое поле: бесконечное пространство жизни, всепроникающая слышимость большого города и возможность творчества словно поглощают проблему, намечая выход из ситуации совсем не в анализе личных отношений, а в преобразовании жизненной ситуации и испытанных состояний в поэтическое слово. Масштаб взгляда на жизнь поглощает противоречие, как гул просыпающегося города перекрывает ослабевающий утренний звук. Весеннее небо растворяет остроту личного чувства, которое на этом фоне становится словно отпустившим и отступившим:

*Под ним /небом/ достаточно ветра,
чтоб птицы насквозь летели.
Под ним достаточно марта,
чтоб слово успеть сказать.*

Личностное начало, собственная судьба становятся для поэта объектом лирического изображения не из-за близости сокровенного «Я», а как частный пример блуждающей по дорогам современной судьбы личности. Собственная жизнь становится объектом наблюдения ради поиска типического, поэт, как врач-исследователь, ставит медицинский эксперимент на самом себе.

Взаимоотношения «Мир – Лирический герой», определяющие и тематику, и композицию, и художественную философию лирических произведений В. Осадченко, строятся на взаимодействии и противостоянии современной урбанистической цивилизации и человека природного начала. Казалось бы, подход не новый, но своеобразный, потому что Человек Природы у Вики является не с гор, полей и лесов, как судья, пришедший «извне» судить сделанное цивилизацией, он сам вырос в этом городе, и Город для

него – не урбанистическое чудище, а реальное место рождения и обитания. Лирический герой не отделяет себя от города и вовсе не приписывает себе природной исключительности, он становится одновременно и судьей, и подсудимым вместе со всеми его обитателями, принимает его с пониманием всех тягот и противоречий, с ощущением своей причастности, вины и ответственности за происходящее. Оба начала – природное и городское – определяют друг друга, рождаются друг в друге, оба зависимы и уязвимы.

*И стоять, стоять у края, как назначено судьбой:
сверху солнце золотое, снизу город голубой.*

Человек, взращенный городом, хочет сохранить нестандартизированные, естественные природные качества; город пугающе механистичен, неуютен и даже суров, но любим и спасаем. В этом противостоянии и взаимосвязанности суть художественного конфликта стихов Вики Осадченко, путей его реального и желаемого разрешения.

Лирическому герою присуще острое ощущение своего единства с миром природы, пусть в рамках города, где она лишь эпизод в проемах современной мегаполисной жизни. Но природа живет в городе, как и мы сами, и проступает в поэзии В. Осадченко деревьями возле дома, зеленью небольших парков, пробивается растительностью вдоль дорог и городских улиц:

*Лишь один балкон в том доме не заложен кирпичом.
Он открыт навстречу лету, звонким солнцем освещён,
привечает робких горлиц и отчаянных стрижей
на восьмом, на поднебесном, предпоследнем этаже.*

*Только с этого балкона – вид на город до краёв.
Только здесь горячий ветер так смеётся и поёт.*

И когда этой городской природе становится больно и неуютно от усилий нашей цивилизации, то такой же болью отзывается душа лирической героини, как будто мучают и уничтожают ее саму. Это звучит в монологе, обращенном к деревьям:

*Всякий, кому захочется, криво и неумело
станет вас перекраивать по своему разумению.
Только в бетонных улицах, словно в семье неласковой,
вы всё равно останетесь неисправимо прекрасными.*

*Сгорбленные и сломанные, пыльные и уставшие –
только вы оправдаете город, о вас не помнящий.
Маленькие деревья, вы остались за старших.
Мы придём к вам за памятью. Мы придём к вам за помощью.*

Мир природы, еще сохранившийся в стенах городской цивилизации, и природные чувства и инстинкты человека воспринимаются поэтом как мерило естественности и подлинности жизни. Такое понимание определяет

характер изобразительности в произведениях поэта, и прежде всего такой важный ее элемент, как пейзаж. Он – неотъемлемый атрибут ее поэтических созданий. Чаще всего это пейзаж городской многоквартирной застройки, где люди ощущают мир и природу из этажерки большого дома, из, казалось бы, стандартных ячеек жизни.

Но конфликт природного и искусственного разрастается, словно проникая во все составляющие, во все поры современного цивилизованного пространства, и жизнеощущения одного из жителей огромного города в одном из его нецентральных уголков резонансно расширяются до высоких значений, хотя поэт не пытается смотреть на жизнь через призму истории или идеологии, не пытается быть философом или аналитиком с социологическими выкладками, прогнозами и намеками.

Ограниченное, как кажется, однотипное городское пространство становится своеобразной площадкой для открытия мира и неба. Из городского пятачка, из ячейки обитания удастся видеть небо, и посредниками между небом и душой лирического героя становятся птицы. Это «чёрный стриж, летящий сквозь город, // вылетающий за черту...», это чайка, что «шлёпает по граниту...и, устав от ходьбы, взлетает», «робкие горлицы», «грачи, нахлынувшие стаей...». И получается, что «Улицы весенние крылаты, // всюду чудеса и небеса», остается только «ступить на воздух – и лететь». Так естественная тяга человека к природному началу не только отдается болью за сотворенное против зеленого мира, но и дает крылья для душевного взлета.

Лирический герой поглощен напряженным, болевым ощущением несовершенства и противоречивости мира, теми душевными переживаниями, которые испытывает чуткая личность, ощущая, сколь многим неуютно и непросто жить в этом мире, раздираемом противоречиями социальными, общественными, мировоззренческими, экологическими, наконец, бытовыми. Все это вполне актуально и созвучно непрым противоречиям сегодняшнего мира. И личное пространство, «домик» своего мирка для таких людей, увы, не крепость, не утешение, не убежище:

*Все к тебе придвинуто так близко,
что тебя самой и нет нигде.*

Таким персонажам неловко жить в личном благополучии на фоне всечеловеческой неустроенности. Оттого непросто складываются контакты героини с миром официоза, а тяга к покою и благополучию воспринимается как нечто незаслуженное. Так складывается повышенное внимание к теме душевной неуютности и собственной виновности:

*Ты не смотришь домам и деревьям в глаза.
Ты не можешь ни слова в защиту сказать.*

*Остаются молчать за твою спиной
(и назад не смотри, и руки не тяни)
незнакомая улица, край неродной,
пни чинар в отболевшей фантомной тени.*

У поэта, как и лирического героя, нет никакого ощущения своей особой значимости, важности, претензий на особо глубокое, пророческое, понимание жизни. Наоборот, часто звучат слова о собственном несовершенстве и обыкновенности:

*Некрупный человек размера S
умеренный имеет рост и вес,
по улицам неторопливо ходит
и проявляет к ценам и погоде
умеренный, некрупный интерес.*

*Я обитаю у него внутри,
Где больше ни души...*

Герой В. Осадченко один из многих, один из нас, но чувствуется близость этого человека, который в дисгармонии мира не изменит позиции добра и естественности и будет твоим другом, если ты, «обыкновенный», далекий от святости, не разменяешь добро в себе на недостойные компромиссы и приспособленчество.

Замечателен темперамент, зашкаливающая сила чувств и эмоций, говорящих о способности человека утверждать свое истинное вопреки жизненному прагматизму, готовности отвечать за свое мнение и поступки даже ценой жизни, потому что

*...мир, что сломан,
всегда латают по живому
кусками сердца своего.*

О поэтах часто говорят, что их стихи звучат, как натянутая струна. Поэзия В. Осадченко действительно натянутая струна ее чувств, это особая концентрированность на видимом и осязаемом, предельное напряжение нервов, почти трагическое, но так понятное и близкое тем, кого жизнь погружала в эти состояния. Художественный мир поэта – не «чудо-остров», где «жить... легко и просто»: в нем ощущается драматичность действительности, ее жесткость и безразличие к живущим, неразумность действий которых может вести к самоуничтожению. Здесь нет благостного созерцания, успокоительного погружения в сладкие сны.

*Вещество,
из которого я состою, разрушается в этом воздухе.
Всё вокруг слишком жёсткое, твёрдое, острое.*

Вместе с тем все эти острые проблемы возникают и изображаются не в период каких-либо потрясений или кризисов, но в нашей сравнительно спокойной действительности, в быте, который словно маскирует их, в повседневном гуле, который делает их привычными и неслышимыми, чем они и опасны, ибо ждут своего часа. В этих эскизах городского пейзажа легко узнаваемы реальные подробности нашего городского бытования, акции

и мероприятия недавних лет: снос гаражей («Ломают гаражи. Соседи носят веш...»), беспощадная вырубка деревьев.

В. Осадченко является остро современным поэтом, что сказывается в динамике текстов, в их сжатости и краткости, их ритмической свободе. Она умеет быть и оставаться новой, сегодняшней, ибо ей присуще ощущение важности каждого жизненного мига, важности происходящего сейчас:

*Вьётся полупрозрачная кожура.
Облетает сегодня, за ним – вчера,
Тридцать восемь прожитых лет.
И белеет будущее в руке –
есть, куда отправиться налегке.
А всего остального – нет.*

Все это придает жизни лирического героя – одного из миллионов городских обитателей, – а также его поэтическому создателю, автору, казалось бы, далекому от журналистской очерковости, общественную значимость, подчас публицистичность. Без формальных стихов о родине и родимом крае тема Востока, родной страны, звучит судьбоносной данностью:

*Сорок лет всё об одном:
где мне выход, где мой дом?
Если я уже не птица –
тяжела, плотна, темна, –
как мне родине присниться
из-под неба, из-под дна?
Где другая сторона?*

И, конечно же, город, не Город вообще, а именно наш, обитель своеобразного ташкентского землячества... Это неизбывный фон поэзии В. Осадченко:

*Мой старый и нежный город
с горячим каменным сердцем,
весна твоя кружит голову,
а память твоя горька.
Ты тени цветущих веток
разбрасываешь, как сети,
и мне ли просить ответа,
когда я твоя строка?*

Достоинство поэзии Вики Осадченко не только в ее своеобразной позиции и экспрессии чувств: ее стихи основаны на замечательном образном видении жизненных явлений, оригинальности изобразительных конструкций, метафорических рядов, поэтических средств. Стоит только вдуматься в эти фразы: «застывший свинец теней», «сокровишница гиблой боли», «солнцем дороги устланы», дома «застелены прозрачной высью», казаны «трут железной мочалкой», «грачи... загнули, вывернули небо холодной стороной наружу», «дождь стекает сквозь запоздалый листопад незавершёнными стихами»

и пр. Словообразное богатство и оригинальность являются здесь основой поэтичности.

От сборника к сборнику растет не только художественное мастерство поэта, образная полнокровность, но и глубина самого понимания жизни, объективизация взгляда на действительность, приближенность к людям, к земле. Поэзия В. Осадченко – один из слышимых голосов нашей жизни, нашего города. В ее стихах готовность отказаться от многого личного ради настоящего, истинно ценного, готовность расстаться с успокоительными благами жизни, выполняя известную формулу Вознесенского: «Чтобы голос обрести, надо крупно расстаться...»

*Роскошный перечень потерь.
Сокровищница гиблой боли.
Из зимней ледяной неволи
ступить на воздух – и лететь,*

*и птички предъявлять права
на два небесных стальных метра,
на правду высшую – и меру,
и голос навсегда сорвать.*

Но голос обретен, он не срывается, он полнозвучен, и он не дает успокоиться, зовет остро чувствовать жизнь, не быть замкнутым только в своем, не быть безразличным к всеобщему. И находить в своем сердце место живой природе: видеть хотя бы с балкона небо; мечтать хоть однажды уподобиться птице.

Николай ИЛЬИН¹

*Редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока»
поздравляют Викторию ОСАДЧЕНКО
с 40-ЛЕТИЕМ ЮБИЛЕЕМ. Доброgo здоровья,
долголетия и творческого вдохновения!*

¹ Николай ИЛЬИН. Поэт, литературовед, переводчик, член СП Узбекистана. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Доцент; автор множества научных публикаций, поэтических сборников: «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времен», «Обетованная память», «По стопам листопада», «Если окно открыто...»

ЗАПИСКИ ПИЛОТА

Рассказы

Равшан ТИЛЛАХОДЖАЕВ

АППЕНДИЦИТ

Я знаю, аппендицит несложная операция...

Возвратился доктор, спешно собрались и поехали в военный госпиталь в город Шечин за 60 км от военного городка.

В Шечине на стоянке было еще несколько санитарных машин, которые привезли из близлежащих гарнизонов солдат, получивших травмы во время занятий по боевой подготовке. В приемном отделении, куда на носилках внесли капитана Ибрагимова, было очень оживленно, солдаты с перевязанными руками и ногами ждали своей очереди на оформление документов, суетились медсестры и войсковые врачи. Гул, стоявший в приемном отделении, прервал вошедший доктор – высокого роста худощавый мужчина с кавказскими усами.

– Где тут офицер с аппендицитом? – с кавказским акцентом спросил он.

– Здесь, товарищ майор, – сказал привезший Ибрагимова доктор. Майор поздоровался с капитаном медицинской службы и, посмотрев на лежащего на носилках Рустама, спросил:

– Что случилось, дорогой, почему морщишься?..

– Боли-и-т... – еле слышно прошептал Рустам.

– Где болит? Здесь? – спросил майор, пальцем надавив на правый бок Рустама и резко отпустив. От жуткой боли Рустам чуть не вскрикнул. – Что ж, типичный аппендицит, готовьте его к операции!

Рустама отнесли в предоперационную палату. Устроив больного на кровати, медсестры положили ему на живот резиновую грелку со льдом.

Рустам пролежал со льдом около часа, за это время боль утихла, казалось, все прошло. Рустам, хоть и знал, что его операция считается в хирургии простейшей, все же побаивался, его бросало в дрожь. Зашел доктор-азербайджанец:

– Ну что, капитан, как себя чувствуешь?

– Все нормально, боль прошла... будто ничего и не было... – сказал улыбаясь Рустам, – думаю, что и операция не нужна.

Равшан ТИЛЛАХОДЖАЕВ. Родился в 1960 г. в Оше. Окончил Армавирское высшее военное авиационное училище летчиков (АВВАУЛ) и Академию Вооруженных Сил (АВС) РУз. В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

– Да неужели? Хорошо, тогда встань и пройди 5 шагов, если боли не будет, то и никакой операции не будет, поедешь домой, – сказал майор с усмешкой.

Рустам, встав с постели, сделал первый шаг. Жуткая боль скрутила его и заставила присесть на кровать.

– Ну что, не получилось, дорогой? Аппендицит – это не шутка, его надо оперировать, а то лопнет и перейдет в перитонит, потом заражение крови и смерть... вот так, дорогой, – пояснил доктор и продолжил: – Сейчас пройдешь с девушками на санобработку, а потом – операция.

Две медсестры провели Рустама в ванную комнату, помогли сделать все необходимое и совершенно голого, вытерев насухо, вывели из ванной и повезли, накрыв простыней, по длинному коридору в операционную.

– Смотри, такой красивый парень. Такое молодое, спортивное тело, а мы его везем под нож... жалко его... моя б воля, легла бы рядом и знала бы, что с ним делать, – пошутила черноволосая пожилая медсестра.

– Да, действительно красивый парень... но резать надо, – ответила другая медсестра, блондинка.

Рустам удивленно смотрел на медсестер.

– Ну что, черноволосый? Ты не волнуйся, все будет в порядке, через месяц будешь как огурчик, просто отрежем тебе лишний отросток и все, – широко улыбаясь, шутила брюнетка.

Рустам попытался улыбнуться в ответ, но боль и страх перед операцией взяли свое – улыбка не получилась.

Операцию в назначенное время проводил майор Балаханов в бригаде со старшей операционной сестрой Ириной и младшей – Галиной. За плечами у них был богатый опыт, многочисленные операции – от простых до самых сложных, поэтому никто не сомневался, что все пройдет быстро и по плану в течение 15-20 минут. После антиинфекционных процедур майор выполнил надрез мышечных тканей брюшной полости, быстро нашел воспаленный отросток (аппендикс), ловко его удалил и начал зашивать, но вдруг зажим, держащий кишечник, расслабился, и надрезанная часть кишечника ушла внутрь брюшной полости. Доктор выругался отборным русским матом и начал искать надрезанный участок кишечника. Начал отходить наркоз, Рустам почувствовал острую боль. От жуткой боли ему хотелось кричать, но глаза младшей медсестры остановили его. Он закрыл глаза и почувствовал, как по щекам потекли слезы.

– Капитан, открой глаза, ты слышишь меня, открой глаза... я понимаю, тебе очень больно, но ты не закрывай глаза, потерпи еще немного, дорогой, – громко произнес хирург.

Рустам, преодолевая боль, открыл глаза и посмотрел в глаза азербайджанцу.

– Вот это другое дело, смотри на меня, все будет хорошо, – сказал майор и продолжил свое дело.

Операция закончилась только через час. Измученного Рустама отвезли в реанимацию.

* * *

Первую ночь капитан Ибрагимов провел в полудреме, толком не понимая, где он и что с ним. Из-за обилия болеутоляющих и противовоспалительных лекарств только к вечеру следующего дня он почувствовал, что пришел в себя,

и вспомнил, что с ним произошло. Вспомнил, как проходила операция, и поблагодарил создателя, что подарил ему жизнь. Чертовски хотелось пить, но медсестра слишком дозированно давала теплый чай.

Вторая ночь прошла в полном сознании и одиночестве. Покой нарушали только процедурные медсестры, которые, меняясь, уносили пустые бутылочки в капельнице и приносили с лекарствами. На третьи сутки у Рустама к большому желанию пить присоединилось желание есть, но зашедший утром на осмотр доктор Балаханов объяснил, что можно только бульон. Лишь на пятые сутки ему разрешат есть. Рустам обещал строго соблюдать диету.

Вечером в реанимационную палату, где лежал Рустам, привезли молодого морячка с торгового судна, которое вошло в порт города Шечина и сдало больного докторам военного госпиталя. Морячку нужна была срочная операция: произошел разрыв аппендицита, у больного начался перитонит. Врачи-хирурги во главе с майором Балахановым провели срочную операцию и буквально вытащили молодого парня с того света.

Когда морячка привезли в палату, он был без сознания. Доктор предупредил Рустама, что больной тяжелый и надо за ним присматривать.

На четвертый день Рустаму дали бульон, ему показалось, что ничего вкуснее он в жизни не ел. После обеда сосед Рустама открыл глаза и медленно начал расспрашивать, где он и что с ним. Рустам рассказал, что тот попал в военный госпиталь. Моряк немного рассказал о себе: к военным он не имеет никакого отношения, ему 22 года, холост и дома его ждет невеста.

Вечером весь медперсонал, за исключением дежурной сестры, был приглашен на день рождения к начальнику отделения.

За дружеской беседой только к полуночи Рустам и морячок, уставшие от долгой беседы, заснули. Проснулся Рустам от стонов – стонал его сосед – он посмотрел на него и понял, что молодому человеку очень плохо. Он даже говорить не мог. Рустам стал звать сестру, но никто не отзывался, громко кричать Рустам не мог из-за острой боли в области операционного шва. Через некоторое время морячок побледнел, его начало трясти. Рустам понял, что медлить нельзя, и, вынув из руки иглу капельницы, попытался встать. Голова кружилась, шов, казалось, вот-вот лопнет. Превозмогая боль и страх, с трудом сохраняя равновесие, Рустам встал и медленно пошел к двери, толкнул ее и начал звать медсестру. На крик вышли больные солдаты из других палат: «Что, что случилось?»

– Позовите срочно медсестру и доктора, моему соседу совсем плохо, он умирает, – сказал Рустам, теряя сознание.

Один из солдат побежал вниз, чтобы позвать медсестру, двое оставшихся, успев подхватить падающего капитана, осторожно отвели его к кровати. Взъерошенная, полусонная, прибежала дежурная медсестра:

– Что случилось, товарищ капитан?

– Зовите врачей, моему соседу совсем плохо, – с трудом сказал Рустам.

Через 10 минут в реанимационную палату в гражданском костюме вошел майор Балаханов в сопровождении двух операционных медсестер в вечерних платьях – все они прибежали с вечеринки.

Надевая халат, доктор распорядился готовить больного к операции. Рустам едва сдерживал стоны от боли.

Рано утром дежурная медсестра принесла ему воды, таблетки, сделала капельницу.

– Что с моим соседом? – поинтересовался Рустам.

– Уже четыре часа длится операция, – сказала молодая медсестра.

Через час операционная медсестра в сопровождении главного хирурга майора Балаханова привезла на каталке больного морячка в реанимационную палату. По довольному виду доктора можно было понять, что операция прошла удачно.

– Молодец, капитан, если бы не ты, не жить бы этому парню, – сказал врач, протянув руку Рустаму.

– Это вам спасибо, доктор.

Через 10 дней капитана Ибрагимова выписали из госпиталя, провожали его майор Балаханов, операционные сестры Ирина и Галина и голубоглазый морячок торгового флота.

АНДИЖАНСКАЯ ПОЛЬКА

Поселок Хойна в Польше, где размещалась авиационная часть СГВ¹, располагался южнее портового города Шешин (до войны – немецкий Штеттин), на правом берегу Одера в зеленой зоне, практически в лесном массиве. Военный городок и прилегающий к нему аэродром находились в осушенной от болот местности. Военный аэродром и военный городок были построены еще до войны для немецких летчиков, которые выполняли отсюда боевые вылеты. После освобождения Польши от немецких захватчиков городок и аэродром стали местом размещения авиационной части Советских Войск.

После войны аэродром капитально отремонтировали, а в городке вдобавок к уже имеющимся старым кирпичным двухэтажным немецким зданиям построили четырехэтажные панельные дома, в которых разместились военнотехнические подразделения авиационной части.

Капитан Ибрагимов прибыл сюда в составе звена (4-х летчиков) в 1985 году.² Через 2 месяца к нему приехали жена и сын, а в середине ноября в семье произошло пополнение: родилась очаровательная, похожая на куклу, дочка. Жене Рустама приходилось непросто с двумя маленькими детьми, поэтому он, как мог, в свободное от службы время помогал супруге.

Обстановка в мире в 80-е годы была напряженная, и командование СГВ возлагало большие надежды по прикрытию воздушных рубежей группы войск, располагавшихся в Европе, и авиационной поддержке сухопутных войск на авиаполк.

Летали по 8 смен в неделю: 4 дня по 2 смены – одна днем, другая ночью. Жена Рустама крутилась как белка в колесе.

Так прошел год службы. Наступило лето, дети подросли, приближался профессиональный праздник – День Воздушного Флота.

За месяц до этого командир полка полковник Рагулин собрал всех командиров эскадрилий, начальника ТЭЧ³, офицеров управления и их заместителей и поставил задачу подготовить праздничный концерт, в котором должны принять участие представители всех подразделений истребительного авиационного полка: с каждого подразделения по 3 номера, всего 15 номеров. Озадаченные командиры убыли в свои подразделения.

В большом учебном классе первой авиационной эскадрильи был собран весь летный и инженерно-технический состав. Командир эскадрильи

¹ Северная группа войск.

² Замена была обязательна через 5 лет для всех военнослужащих, проходивших службу за границей, независимо от звания и должности.

³ Техническая эксплуатационная часть.

подполковник Баргин объяснил, что необходимо подготовить 3 номера художественной самодеятельности, чтоб защитить честь эскадрильи. После его пламенной речи нашлось два добровольца: аккордеонист и чтец юмористических рассказов, третьего не нашлось, тогда взгляд командира остановился на капитане Ибрагимове.

– Капитан Ибрагимов!

– Я, – испуганно привстал Рустам.

– Ты можешь станцевать национальный танец? – спросил Баргин.

– Да... я так себе... не очень... – растерялся Рустам.

– Вот ты и подготовишь третий номер, капитан, вместе с женой, желательнее в национальных костюмах. Ты единственный узбек в полку, так что готовься!

– Товарищ подполковник, да я толком танцевать не умею, и жена моя вряд ли захочет... – пожимая плечами, сказал Рустам.

– Поговори с ней, людям интересно будет посмотреть на ваш танец, – сказал Баргин.

– Да я не уверен, товарищ командир, что получится, – все еще смущаясь, говорил Рустам.

– Прекратить разговоры, выполняйте приказание, капитан! – отрезал командир.

Рустам понял, что спорить бесполезно, приказ надо выполнять...

Командир эскадрильи объяснил участникам концерта, что номера можно готовить дома, а в назначенный день необходимо прибыть на генеральную репетицию. Будущие «звезды» разбрелись по домам.

* * *

Дома Ибрагимов рассказал обо всем жене, та возразила:

– Не принято у нас, узбеков, чтобы молодая жена танцевала среди незнакомых людей.

Рустам объяснил, что отступать некуда, задачу надо выполнять.

На семейном совете решено было подготовить танец. Рустам будет играть на дойре, а жена – танцевать Андиганскую польку. Начались ежевечерние репетиции.

Поначалу не очень получалось. Рустаму, хоть он и играл в школьном ансамбле ударных инструментов, подобрать правильную мелодию на дойре удалось не сразу. Жена подпевала и танцевала, а Рустам старался подобрать нужный ритм.

За 3 дня до концерта участники художественной самодеятельности собрались на генеральную репетицию в большом актовом зале. Сцена была, украшена плакатами и фотографиями из жизни авиационной части. В зрительном зале в первом ряду сидели заместитель командира по политической части, офицеры политотдела и командиры подразделений авиационного полка. Первыми выступили из управления авиаполка, далее 1, 2, 3 эскадрильи, завершили показ офицеры технического подразделения. Было видно, что все отнеслись к заданию серьезно.

Рустам Ибрагимов пришел на репетицию с детьми: младшая дочка в коляске, старший сын на руках у папы. Номер одобрили, но попросили на концерт прийти в национальных костюмах.

День авиации начался с общего построения личного состава на строевом

плацу. Все военнослужащие были в парадной форме с орденами и медалями. На митинге с речами выступили приглашенные гости и офицеры части, затем было объявлено торжественное собрание и праздничный концерт.

На торжественном собрании всех поздравили с профессиональным праздником, начальник штаба части зачитал праздничный приказ, а командир полка вручил отличившимся военнослужащим ценные подарки и почетные грамоты за успехи в боевой и политической подготовке. Через некоторое время после торжественного собрания открылся занавес и начался концерт.

Программа была составлена так, что после исполнения сольной песни обязательно следовал какой-нибудь танец, разговорный жанр сменялся выступлением вокально-инструментального ансамбля. Зрители были довольны – в каждом подразделении были свои неповторимые таланты.

Когда объявили номер Ибрагимовых, супруги не на шутку разволновались. Рустам был в национальном халате синего цвета, подвязанном платком, и тюбетейке, супруга – в ярком атласном национальном платье со штанишками и в чудных туфельках. Когда Рустам разразился дробью, выводя на дойре мелодию Андижанской польки, зал замер от изумления. Хорошо натянутая кожа дойры, разогретая теплыми солнечными лучами, издавала неповторимый звук. Через минуту появилась жена Рустама и, вскидывая руки к небу и описывая ими перекрестные движения в такт звонкому инструменту, начала танцевать восточный танец. Красивая восточная женщина в причудливом платье, грациозно танцующая в такт дойре в руках симпатичного черноволосого джигита, очаровала зал. Зал замер. Полная тишина. Для многих видеть настоящий восточный танец здесь, в Польше, казалось чудом.

Когда танец закончился, переполненный актовый зал взорвался аплодисментами. Было ясно, что номер стал гвоздем программы. Рустам хотел незаметно покинуть сцену, но заместитель командира части по политработе дал знак снова выйти к зрителям. Рустам вышел и снова заиграл на дойре, его жена подхватила мелодию и закружилась в вихре танца. Рустам играл до дрожи в пальцах, жена, обессилев, остановилась, и они, держась за руки, поклонились залу. Снова раздались бурные аплодисменты, кто-то в первом ряду от восторга аплодировал стоя, за ним в едином порыве поднялся весь зал, скандируя «спаси-бо!». Рустам держал в руке влажную от волнения и усталости руку супруги, с признательностью глядя в глаза любимой, которая не подвела его и доказала всем, что она достойная дочь своего народа.

Потом Рустам с благодарностью посмотрел в зал, восхищаясь благородством этих простых людей, которые достойно оценили старания его семьи и искусство далекой родины.

ИСТОРИЯ БИЗНЕС-ЛЕДИ

Наш транспортный Ил-76 сел на военном аэродроме «Кубинка» в первой половине дня, поэтому Алексей предложил, не теряя времени, отправиться на электричке в Москву, где встретит нас его тетка, которой надо передать южные подарки от родителей. Оставив вещи в гостинице, мы поехали на электричке в город.

Из электрички мы вышли на какой-то станции, народу – как в муравейнике, Алексей уверенно двинулся вперед, я – за ним. У выхода с вокзала, осмотревшись, он сказал: «Вон она, ждет нас...» – и показал на шикарный белый «Лексус», рядом с которым стояла подтянутая, плотно телосложения,

светловолосая, с короткой стрижкой женщина среднего роста, одетая в белый плотно облегающий джинсовый костюм, молодящий ее. Большие темные очки наполовину закрывали лицо, на вид ей было за сорок. Алексей поздоровался, обнял тетку и поцеловал в щеку. Она, причитая «мой родственничек, мой племянничек», тоже обняла его и поцеловала. Алексей представил меня:

– Это Рустам-ака, полковник Ибрагимов – известный летчик Республики Узбекистан, большой человек, который приехал сюда, чтобы купить книги для нашего летного училища... – затем, переведя взгляд на женщину, продолжил: – Это моя тетя Инга, о которой я говорил, познакомьтесь.

Женщина сняла очки, пристально посмотрела мне в глаза, улыбнулась и сказала:

– Очень приятно познакомиться!

Когда она сняла очки, я понял, что ей не за сорок, а за пятьдесят. «Лицо женщины всегда выдает ее возраст», – подумал я, а вслух сказал:

– Я тоже рад познакомиться с вами.

Мы с Алексеем аккуратно уложили все южные гостинцы в багажник «Лексуса» и сами разместились в комфортабельном лимузине. Женщина села за руль и выехала на дорогу. Когда лимузин влился в общий поток машин, она заговорила:

– Ну что? Поехали ко мне домой?

– Нет, тетя, ты извини, у нас срочные дела, нам надо сначала купить книги по авиации для училища, а потом – посмотрим, – отказался Алексей.

– Что ты предлагаешь? – спросила она.

– Ты отведи нас в большой книжный магазин или на ярмарку, мы там купим до вечера все необходимое, а вечером приедем, идет? – ответил мой спутник.

– Хорошо, я вас отвезу на большую книжную ярмарку, правда, сейчас туда тяжело проехать – пробки, не меньше часа уйдет... да ладно, зато ты расскажешь, как там родственники.

Они оживленно заговорили о своих родственниках, а я молча слушал, разглядывая широкие улицы Москвы и красивый салон авто.

«Крутая женщина, если имеет машину стоимостью в сто тысяч зеленых, шикарный трехэтажный дом и, конечно, несколько квартир», – подумал я, не представляя, как обычная женщина могла нажить все это.

Отборный мат прервал мои размышления: к удивлению, это наш водитель крыла на чем свет стоит владельцев машин, которые стояли рядом, а мы оказались в пробке.

– Тетя, ты что так ругаешься? Если так плохо в пробках, можно пользоваться метро, – заметил племянник.

– Что?! Чтобы я, одна из богатейших женщин Москвы, ездила в метро?! С толпой?! Да никогда в жизни... Я буду часами стоять в пробках, но не откажусь от машины, потому что заработала ее собственным горбом, и никто, слышишь, никто не имеет права меня упрекнуть в чем-то... Ты понял, Алеша? – запальчиво ответила женщина своему племяннику.

Мой друг опешил от ее тона и потерял дар речи, мне тоже стало не по себе... Все замерли, пауза затянулась.

– Это надолго... – прервала паузу тетя и продолжила: – Алеша, ты говорил, что вам надо обменять доллары, так вот там, за поворотом, есть обменный пункт, поменяй, а мы подождем тебя, – женщина указала Алексею дорогу к обменному пункту.

- Хорошо, – согласился Алексей, повернулся ко мне, взял деньги на книги, мои документы и вышел из машины.
- Вы действительно полковник, летчик? – нарушила тишину женщина.
- Да, это так! – ответил я.
- И на чем летаете?
- Сейчас летаю на транспортных, а раньше летал на истребителях, – ответил я.
- А на Су-27 летали? – продолжила она.
- На Су-27 я пролетал более 6 лет, это лучший самолет в мире, – сказал я.
- Надо же, то же самое говорил мой муж... Не удивляйтесь, он тоже летчик-истребитель, дослужился до полковника, сейчас на пенсии, и, кстати, вы на него похожи – такой же черноволосый, с усами, широкоплечий...
- И где же он сейчас, чем занимается? – полюбопытствовал я.
- Он живет в деревне с матерью, уехал туда после нашего развода, а сейчас там у него другая семья.
- Бросил такую успешную женщину, неужели вы так просто его отпустили? – с иронией спросил я.
- Так получилось, это длинная история. Я до сих пор его люблю, до сих пор снится по ночам, – с грустью пояснила моя спутница.
- Воцарилась тишина. Разговор внезапно возобновился.
- Вы женаты?
- Да, женат.
- Она красивая? Вы ее любите?
- Да, красивая, я очень ее люблю.
- Работает?
- Да, – не понимая к чему клонит женщина, отвечал я.
- Зарабатывает больше или меньше вас?
- Конечно, меньше, я думаю, так будет всегда. А почему вы об этом спрашиваете? – недоумевая, спросил я.
- Не позволяйте ей зарабатывать больше, чем вы, в противном случае она станет другим человеком, которого вы потом не узнаете и перестанете любить, – ответила женщина.
- Вы о чем? Разве такое бывает? Возможно, здесь... На Востоке такое невозможно, восточные женщины живут по законам своих мужей.
- Бывает, еще как бывает, если бы меня мой муж вовремя остановил, мы бы с ним не разошлись, и дети бы не ушли от меня, и я не стала бы такой одинокой и несчастной, как сейчас... – ответила она.
- Что-то я не понял, ваш племянник сказал, что вы крутая женщина, что у вас есть все, что вашему богатству позавидует любой человек, да вы сами только что подтвердили это, разве не так?.. Разве вы несчастны? – удивился я.
- Да, я очень богатая женщина, но и очень несчастная... потому что ни я, ни мои богатства не нужны ни мужу, ни детям, ни внукам, ни родственникам, они меня не любят и не хотят видеть и слышать...
- Но так не бывает, ладно, у вас не получилось с мужем, но дети и внуки должны любить вас... богатую бабушку, – недоумевал я.
- Если вы хотите понять, почему, я постараюсь объяснить, но это длинная история, я сама только недавно поняла, почему это произошло. Вы готовы слушать? – спросила она.
- Да, если сами хотите этого, – ответил я.
- Она, посмотрев на меня в зеркало заднего вида, глубоко вдохнула

и начала рассказ...

– Когда мужу исполнилось 45 лет, его с Дальнего Востока перевели служить в Москву, к этому времени он был полковником, командиром истребительного полка. Там, на Дальнем Востоке, было здорово, у него было много друзей, уважение подчиненных, почет, дети росли без забот – здоровыми и красивыми, у меня сын и дочь, погодки. Мое высшее финансовое образование там не пригодилось, зарплаты мужа хватало на все.

Когда приехали в Москву, квартиры не было, поначалу снимали, сын поступил в военное училище на Урале, дочка – в институт в Петербурге, расходы увеличились, денег стало не хватать. Я пошла работать, по своему образованию работу не нашла, решила заняться бизнесом. Вместе с подругой, тоже женой офицера, решили стать челноками.

Сначала ездили в Польшу, затем в Китай, потом в Эмираты. Я покупала одежду – она парфюмерию, сбывали здесь, на полученную прибыль открыли свои магазины. Вскоре муж получил квартиру, мы сделали ремонт и заселились. Зарплата мужа вся уходила на питание и коммунальные услуги, купить что-то большое не получалось. Но магазин мой разрастался, прибыль росла. Чтобы не мелочиться, на всю прибыль я купила новую машину, муж очень обрадовался, но, когда узнал, что не будет ездить, огорчился, хотя потом свыкся. Бизнес мой процветал, я открыла новые магазины, начала торговать хозтоварами, а впоследствии и стройматериалами. Сын окончил училище, женился и уехал на Дальний Восток. Появились большие деньги, я купила большой двухэтажный дом, мы переехали туда, выдали замуж дочь и остались с мужем одни. Из-за бизнеса мне часто приходилось задерживаться в офисе допоздна, встречаться с мужчинами, ездить в командировки по всей России, не спрашивая согласия мужа. Это его раздражало, он устраивал скандалы. Меня это бесило, и в один прекрасный день я прямо в лицо сказала ему, чтобы он не забывал, что проживает в моем доме, купленном на мои деньги. На что он ответил: «Да, ты права». Потом собрал свои вещи и переехал на нашу старую квартиру. Я думала, успокоится и вернется – меня он любил и многое просал. Но муж не вернулся. Я, решив вернуть его, пригрозила ему, что пойду к его начальству, скажу, что он ведет себя аморально, разрушает семью, что стыдно в его возрасте уходить от богатой жены. Он ответил, что я могу делать что угодно, он, мол, устал от моих упреков.

Через некоторое время он пришел вечером с цветами и подарками. Я обрадовалась, решив, что он одумался, накрыла стол, приготовила вкусный ужин. Мы провели прекрасный вечер, я была счастлива, но наступило утро, после завтрака он показал мне удостоверение офицера запаса и сказал, что по возрасту вышел на пенсию (со своими делами я даже забыла, что ему исполнилось 50) и собирается уехать к матери. Он вручил мне ключи от нашей квартиры и сказал: «Мне нужна жена, а не директор фирмы. Мне нужна женщина, которая будет любить и заботиться обо мне, а не упрекать. Если ты любишь меня и тебе нужен муж – приедешь ко мне...» Поцеловав меня, он ушел из моего роскошного дома, даже не обернувшись.

После его ухода дела мои резко пошли в гору, прибыль удвоилась – деньги надо было куда-то вкладывать, и я решила купить дачу на окраине Москвы и две машины, одна из них вот эта, завела прислугу, сторожа, садовника, повара, домохозяйку. Все было как в сказке, сбывалась мечта о богатой жизни. Не было лишь одного – мужчины, которого я любила. Ночами я тосковала по нему, а утром ругала последними словами. Я поняла, что надо завести мужчину... Мне

тогда уже исполнилось пятьдесят, заводить романы с подчиненными было глупо, и я решила ходить по ночным клубам.

Одна побоялась, пошла с подругами. Сначала было интересно, даже завязался роман с молодым человеком, но он оказался вором, который сташил из моего дома деньги и вещи. Потом стало противно и мерзко, я перестала ходить в ночные клубы.

Пыталась знакомиться с мужчинами на улице, но, оказалось, не по возрасту это.

В один прекрасный день сторожем-садовником устроился симпатичный молодой человек. Он был хорошим работником, по вечерам от скуки я стала приглашать его на ужин. Он говорил мне комплименты, был внимательным, казалось, я нравлюсь ему. Соскучившись по мужчине, я не удержалась и пустила его в постель. Он был неумелым любовником, но страстным, горячим мужчиной. Я снова почувствовала себя женщиной. Правда, я его не любила – закрывала глаза и видела перед собой мужа...

Наша совместная жизнь прервалась с приездом дочери, которая застала нас в постели и устроила мне истерику: «Мама, он же тебе в сыновья годится!» Через некоторое время об этом узнали сын и муж. После этого муж и дети перестали приезжать ко мне и даже звонить.

Молодой человек освоился, начал пить, грубить, потихоньку красть у меня деньги. Пришлось выгнать. Через месяц я узнала от врача, что он награждает меня нехорошей болезнью, после долгого лечения мне удалили матку. Я стала инвалидом.

Прошел год, к мужу я не поехала, написала, что свой бизнес не променяю ни на что. Ответа от мужа не было, но пришло сообщение от сына, что отец женился. Когда узнала об этом, будто сердце вырвали, стало пусто и одиноко. Позвонила мужу, поздравила, он поблагодарил... Только тогда я поняла, что сама виновата в том, что лишилась самого дорогого человека, который любил меня и заботился обо мне. Жизнь потеряла смысл.

С тех пор прошло пять лет. Муж счастливо живет с новой семьей, дети с внуками каждый год приезжают к нему на летние каникулы, ко мне приезжают редко, дочка до сих пор не простила меня. И я живу в своих хоромах с прислужгой, богатая, но несчастная, никому не нужная. С недавних пор я завела охрану и телохранителей, после того как убили нескольких одиноких богатых женщин...

Не знаю, почему я вам рассказала свою историю, потому, наверно, что вы очень похожи на моего единственного и неповторимого. Когда увидела вас, вся жизнь промелькнула перед глазами...

Ее рассказ прервался, пауза затянулась. Чтобы прервать паузу я спросил:

– Простите, а как сложилась жизнь вашей подруги?

– Моей подруги? – удивилась она. – Подруга оказалась намного умнее меня. Как только ее муж вышел на пенсию, она уговорила его стать директором ее магазина, а сама при нем как бы советником. Он сначала не понимал бизнеса, но потом разобрался и так развернул дело, что ее ларек превратился в двухэтажный элитный парфюмерный магазин.

Альбина МАРКЕВИЧ

Любимый край

К 90-летию
со дня рождения А. В. Маркевич

Музей Есенина в Ташкенте

Приходят в этот старый дом
С высоким светлым потолком
По приглашению и сами
К поэту за его стихами.

В уюте залов тихо, скромно
Прижились книги многотомно
И вещи – давних лет святыни,
Той жизнью полные и ныне.

Здесь кровью чувств стихи живут,
Тревожат, радуют, поют,
Нахлынут песенным приливом
Руси и Персии мотивы.

И будто бы сквозь долгий срок
Поэт сам дарит щедрость строк...
Войдите в этот старый дом.
Вас ждут. Вам будут рады в нем.

Альбина МАРКЕВИЧ. Родилась в 1930 г. в Ташкенте. Окончила факультет русского языка и литературы ТГПИ им. Низами. Работала в школах Термеза и Ташкента. Преподавала в школе-интернате в Ярославской области. Автор нескольких сборников и многочисленных публикаций в периодических изданиях и литературных альманахах Узбекистана. Создатель и руководитель клуба-музея А. А. Ахматовой «Мангалочий дворик».

Памяти Анны Ахматовой

Волной свинцовою, весенней
 Прибило к каменным ступеням
 Подножий сфинксовых знамений
 Свободный стих...

Над набережной ветер взвыл,
 И разлетелись брызги-звенья
 Цепей разбитых, рифм и пенья.
 Вдруг ветер стих...

«О не рыдай, Мене», – запели
 В Морском Николе. В этот миг
 Величественной вечной цели
 Поэт достиг.

Тополиный алыт

А. А. Ахматовой

Тополей ташкентских аллеи
 Полюбила блокадница, беженка,
 И – скиталица, гений, неженка –
 Становилась меж них стройнее.

А душа не сгибалась, тянулась ввысь,
 Хоть, казалось, – куда еще выше!?
 Город добрый мой, Анной гордись,
 Ты ахматовский голос слышишь?

Пусть на улицах сквозь асфальт
 Не увидеть следы поэта,
 Но звучит тополиный алыт,
 Восхишеньем ее согретый.

Узбекистану

Любимый край! Твой облик смуглый
 Мне до сердечной боли мил.
 Люблю сияние светил,
 В тандыре тлеющие угли,

Лепёшек запах, плова вкус –
 Всё перечислить не берусь...
 И звук макомов заунывный
 И танец юношей призывный

Под звон согретых страстью дойр,
 Восходы солнца из-за гор
 И тополиные ряды... –
 Всем, всем о как мне дорог ты!
 И говорю по-русски я:
 Люблю тебя, земля моя,
 Уйду в тебя, земля моя,
 И верю – дочь тебе и я!

Русские узбекистанцы

Узбекская земля для нас отчизной стала.
 Мы верно служим ей и будем век служить.
 Нам дорог край, с которым нас связала
 Сама история, судьба и наша жизнь.

БУДЕМ ВСТРЕЧАТЬСЯ!

*Живут во мне стихи,
Как под землёю воды,
Кольшутся и ждут свободы...*

А. В. Маркевич

Свою вторую книгу стихов, включающую воспоминания, посвящения, лирику, сатиру, песни и стихи для детей, с шокирующим названием «Жива я?!» мне подарила Альбина Витольдовна на презентации сборника с пожеланием-автографом: «Гуарик, милая! Будем встречаться!» С тех пор наше знакомство длится вот уже 20 лет. В Ташкенте и за его пределами А. В. Маркевич известна как талантливый педагог, музейщик, поэт, искусствовед, общественный деятель. Близкое дружеское окружение Альбины Витольдовны пытается равняться на своего старшего товарища и благодаря ей наполняет свою жизнь особой поэтикой бытия.

А. В. Маркевич родилась 25 июля 1930 г. в Ташкенте. Здесь она окончила факультет русского языка и литературы ТГПИ им. Низами (ныне ТГПУ), много лет работала в школах Термеза и Ташкента, четыре года преподавала в школе-интернате в Ярославской области, где близко познакомилась с российской действительностью, прониклась красотой русской природы. Свои впечатления поэт выразила позднее в поэтическом сборнике «Чувство жизни» (Т., 2015): «*А Россия для жизни до самого края – / Навсегда мне Отчизна. Отчизна вторая*».

После успешного окончания заочного факультета теории и истории изобразительного искусства Ленинградского института живописи, скульптуры, архитектуры им. И. Е. Репина она преподавала в Театрально-художественном институте им. А. Н. Островского и в родном ТГПИ в Ташкенте.

В 1977 году вместе с группой узбекистанских филологов Маркевич участвовала в создании литературного музея С. Есенина, открытие которого состоялось в Ташкенте в 1981 году. До 1996 г. Альбина Витольдовна вела здесь научно-просветительскую и организаторскую работу, создала несколько литературных клубов, включая Пушкинское общество Узбекистана. В 1996 году вместе с замечательным русским филологом и общественным деятелем С. И. Зининым возглавила есенинское общество «Радуница» при РКЦ Уз. Объединив ташкентских современников А. А. Ахматовой, Альбина Витольдовна создала клуб-музей «Мангалочий дворик», открытие которого состоялось в декабре 1999 года при РКЦ Уз на базе ДК ОАО ТТЗ к 110-летию со дня рождения выдающегося поэта.

В течении многих лет А. Маркевич занимается творческой работой, ее произведения публиковались в журнале «Звезда Востока» и других местных изданиях, включая альманах «Под крылом Пегаса», ею были изданы авторские сборники «Миг», «Жива я?!», «На палубе земной», «Одуванчик». «Звёздное вино» и другие.

В 2015 году А. В. Маркевич отметила своё 85-летие в РЦНК в Ташкенте презентацией двухтомника стихов («Чувство жизни») и прозы («Грани памяти»). К своим друзьям, соратникам, ученикам она обратилась цитатой из своих стихов: «*Да светит вам моя любовь!*» На мой взгляд, Альбина Витольдовна никогда не стремилась сделать из литературного творчества профессию – это, скорее всего, было и остаётся с раннего детства её поэтической

формой бытования.

В прошлом 2019 году «Мангалочий дворик Анны Ахматовой» при РЦНК в Ташкенте отметил своё славное двадцатилетие. На юбилейном музыкально-поэтическом вечере композитором, лауреатом фестиваля «Чимганское эхо» Геннадием Арефьевым был исполнен гимн клуба «Тополиный альт». Автор стихов, А. Маркевич, посвятила их Н. Г. Зайко, которая много лет хранила память о своих и её матери Софьи Аркадьевны Журавской, встречах с Анной Ахматовой. Н. Г. Зайко подарила музею домашний архив своей матери, в котором были ценные документы, связанные с жизнью и творчеством Анны Ахматовой, жившей в Ташкенте с 1941 по 1944 год. Сюда, в глубокий южный тыл, Анна Андреевна была эвакуирована из блокадного Ленинграда в начале войны. Гимн «Мангалочьего дворика Анны Ахматовой» обычно исполняют все ценители поэзии, на ахматовских литературных четвергах в «Мангалочьем дворике...»

Поэтический язык Маркевич лаконичный, красочный, точный, зачастую ироничный. В её стихах часто сочетается «несовместное»: героическая самоотверженность и здоровый эгоизм, сокровенная лиричность и философская обобщённость, подкупающая читателя искренность и беспощадная самоирония. Её книги, служение музейному делу совершенно бескорыстны, что является для молодежи в наш рациональный потребительский век примером истинной любви к искусству и общественной деятельности. Уместно вспомнить слова К. Чуковского: «Пишите бескорыстно, за это больше платят». В ноябре 2013 г. Указом Президента РФ за большой вклад в сохранение и популяризацию русского языка и культуры за рубежом А. В. Маркевич была награждена медалью А. С. Пушкина. В октябре 2019 г. А. В. Маркевич наградили Международной литературной премией имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» в номинации «За честь и достоинство» от Союза писателей России и Фонда поддержки культуры и туризма, дипломом и официальным призом – скульптурной композицией с Сергеем Есениным работы Николая Селиванова.

Среди многочисленных драгоценных экспонатов ахматовского музея есть для меня самый дорогой – фотография 15-летнего Эдуарда Бабаева с его девушкой Ларисой. Нелёгкая судьба уроженца Ташкента, в будущем профессора кафедры русской литературы и журналистики МГУ, подарила Бабаеву счастье дружить с Ахматовой. Эта дружба началась в Ташкенте военных лет и продолжалась до конца жизни. Бабаев сохранил для истории литературы не только переписанные детской рукой ахматовскую «Поэму без героя» и «Китежанку», по которым впоследствии готовились к печати эти произведения, но и множество афоризмов, высказываний, блестящих устных рассказов и некоторые «потерянные» стихи Анны Ахматовой. Однажды вчерашний школьник с точностью воспроизвёл «Две войны, моё поколение, освещало твой страшный путь» и, переписав его на бумагу, с поклоном вручил «потерянное» стихотворение («De profundis») изумлённому автору.

Общение с литературоведом, писателем Э. Г. Бабаевым во время учёбы в МГУ в середине семидесятых годов прошлого века для меня продолжилось, можно сказать, в «Мангалочьем дворике Анны Ахматовой» в Ташкенте. Через Альбину Витольдовну Маркевич и её детище – «Мангалочий дворик...» – я не порывала духовной связи с Э. Г. Бабаевым. Здесь, в музее, мне часто приходилось рассказывать о своём любимом учителе; его первой встрече с Анной Ахматовой в 1943, о его беседах с ней, делиться сведениями, почерпнутыми мной из его личных устных рассказов и его книги «Воспоминаний» о Ташкенте военных лет, посмертно изданной его дочерью Елизаветой Бабаевой

в 2000 году в Санкт-Петербурге.

Для меня Э. Бабаев и А. Маркевич, при всём различии их характеров, воплощают романтизм советской эпохи, во многом утраченный современной молодёжью.

Возвышенная и непринуждённая атмосфера царит на литературно-музыкальных вечерах в ахматовском музее. Здесь часто выступают ташкентские писатели и поэты – Вадим Фомичёв, Алексей Устименко, Ариадна Васильева, Елена Васильева-Чеботарёва, Бах Ахмедов, Николай Ильин, Олег Бордовский, Михаил Гар, Сергей Гордин, где частыми гостями бывают ученые, журналисты, общественные деятели и просто интересные люди: Х. Х. Алимжанова (дочь Ха-мида Алимжана и Зульфии), Шоира Арипова (дочь Абдуллы Арипова), Инна Коваль (супруга Файнберга) и многие другие.

А. В. Маркевич принадлежит к редкому разряду самоотверженных общественных подвижников и «служителей муз». На вопрос «Жива я?!», ставший некогда названием второго сборника, его автор позднее ответит стихотворением «Чем я жива»: «Жива я памятью и делом, / Жива писанием стихов, / Жива согласьем духа с телом / Без отягчающих оков...» Чтобы сбавить излишний пафос торжественности, кокетливо и дерзко улыбнувшись всем, Альбина Витольдовна шутиливо заявила:

*Надену шляпку белую
И лёгкое пальто,
Пройдусь походкой смелой,
И пусть никто-никто,
Никто не догадается,
Что скоро мне сто лет...
От нас с весной красавицей
Всем солнечный привет!*

Это и есть еще одна немаловажная грань характера этой одаренной личности:

*Пусть шляпки Ваши носятся,
Меняются пальто,
И скажут люди: Модница!
А лет ведь ей за сто!*

*P.S. Альбиночка Витольдовна,
Заметьте, что не льшу,
А, как и все, Вас с праздником
Поздравить я спешу!
Многая лета!*

Гуарик БАГДАСАРОВА¹

¹ Гуарик БАГДАСАРОВА. Родилась в 1971 г. в Ташкенте, окончила факультет журналистики МГУ и факультет истории изобразительного искусства Ленинградского института истории живописи, скульптуры, архитектуры им. И. Е. Репина, автор 7 книг поэзии, прозы, публицистики, обозреватель сайта культуры.уз.

ВСЕМ СОЛНЕЧНЫЙ ПРИВЕТ!

Что бы можно было сказать имениннице такое, чего она еще не слышала в свои 90 лет? Разлетаются мыльными пузырями: ...здоровья и долгих лет жизни, успехов в работе... счастья в личной жизни... исполнения и улучшения... Было сказано многое, а что же остается добавить человеку, который, несмотря на солидный возраст, ведет себя отнюдь не солидно. По-юношески радуется жизни, людям, любит пошутить и даже пококотничать.

Вспоминается празднование дня рождения Альбины Витольдовны в гостеприимном доме музея С. Бородина.

Был жаркий летний день, приглашенные плотными рядами расположились во дворе под старой орешинной. Желающих выступить было много. Сидели наготове, с нетерпением ожидая своей очереди, теребя листочки с текстами.

Я, как двоечница, старалась не попасть на глаза строгому учителю, терзаемая сомнениями – читать или ограничиться пожеланиями здоровья и успехов?! Вроде готовилась, но на фоне уже прозвучавших пышных и цветистых поздравлений мое выглядело как клякса. Может не дойдет до меня очередь?..

Нет, дошла. Я принялась читать:

«Мои самые сладостные воспоминания детства связаны с прекрасной музыкой, которая всегда доносилась из распахнутых окон соседского дома – хозяйка играла на фортепиано.

Одним взглядом можно было охватить небольшую комнатку, где царствовали музыка и книги. Здесь проживала Елена Вадимовна, бывшая русская дворянка. Дочь врача бухарского эмира. Родившаяся в далеком Петербурге, учившаяся в Смольном, успевшая присесть в глубоком реверансе перед последним царем российского престола.

Это была очень пожилая женщина, хотя держалась она всегда прямо, и мы ни разу не видели ее неухоженной или неопрятной.

Она была приветлива, но строга, держала дистанцию и даже к самым маленьким детям обращалась на «вы». Если во дворе появлялись мило улыбающиеся старушки в шляпках, мы точно знали, чьи это гости.

Когда, наслышанная об Альбине Витольдовне, я пришла в музей Ахматовой и увидела мило улыбающуюся старушку в шляпке, сразу же вспомнилась Елена Вадимовна.

Мне не терпелось услышать похвалу из авторитетных уст, и я навязала хозяйке музея несколько листочков со своими «шедеврами». Она не отказала, улыбаясь, взяла листки, но с той же милой улыбкой в следующую встречу сообщила: «Литература не для вас».

«Быть такого не может!» – воскликнула я про себя, изобразив на лице, однако, печальное смирение.

Позже, в разговоре с ней по телефону, я как-то про кого-то из пишущих высокопарно воскликнула, что «снимаю перед ним шляпу».

От спокойного голоса в трубке: «...это хорошо, было бы с чего ее снимать» – я вспыхнула, как факел, почувствовав шелчок по носу. Потом еще и еще.

Она действительно прямолинейна – одним высказыванием отрезвляет возомнившего о себе графомана. Безжалостная? Нет, верная хранительница высокой словесности. Кто-то уходил от нее обиженным, кто-то ненавидел и приумножал байки о ее своенравии и барской спеси.

Как тогда, в детстве, Елена Владимовна учила нас не сутулиться, так и с каждым метким замечанием Альбины Витольдовны я чувствовала, как выпрямляется моя спина и покидает меня горб фамильярности и панибратства, с которыми мы общаемся с Ее Величеством ЛИТЕРАТУРОЙ.

Выправить осанку, и только на «вы»!

Сейчас многие представители творческой интеллигенции в публичных выступлениях могут для красного словца позволить себе что-то фольклорно-неблагозвучное. Уже не возбраняется даже мат со сцены. А на телевидении его, словно вора в законе, короновали.

В стенах, где правит балом Альбина Витольдовна, незыблемы правила хорошего тона, приличия, а главное – почитание и любовь к высокой литературе витают здесь объединяют всех нас!

Мне и в голову не придет назвать Альбину Витольдовну милой старушкой...»

В этом месте, оторвавшись от листка, я посмотрела в зелено-карие глаза именинницы. Мое сердце предусмотрительно остановилось, ожидая команды, чтоб решить в каком ритме биться дальше. Краем глаза заметила: публика смеется, это вселяло надежду, что все еще обойдется. Однако замелькал вихрь мыслей: «что будет?», «к чему готовиться», «ты соображаешь, кому ты это говоришь?» Вспомнились многочисленные байки о решительном и прямом характере А. В. Маркевич... сколько израненной графомании укувыляло из стен музея после ее метких замечаний. «Ну все, держись, а счастье было так возможно...» – мелькали обрывки мыслей, как безжалостно удаляющиеся шаги. Я приготовилась услышать приговор.

И в это время в затянувшейся паузе, под прицелом стольких глаз ко мне потянулась маленькая рука именинницы. Последовало рукопожатие.

«Отбой!» Сердце, кивнув, снова забилося.

Взбодренная, я высокопарно продолжила:

– Альбина Витольдовна – меткий стрелок и мудрый правитель! – понимая однако, что заканчивать надо вовремя, пока не сташили с трибуны за патетику и слашавые комплименты, в которых Альбина Витольдовна никогда не нуждалась...

Мунира БАБАЯРОВА¹

Редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока» поздравляют Альбину Витольдовну МАРКЕВИЧ с 90-ЛЕТИЕМ ЮБИЛЕЕМ. Доброго здоровья, долголетия и творческого вдохновения!

¹ Мунира БАБАЯРОВА. Родилась в Ташкенте. Окончила УзГИФК. Работала в системе автотранспорта и связи. Публиковалась в республиканских периодических изданиях и литературных альманахах.

ГОЛУБАЯ ПУГОВКА

Рассказ

Миляуша КАГАРМАНОВА

Не успела плетка Хафиза опуститься, издав резкий хлесткий звук, как распахнулась тяжелая дубовая дверь. Все сразу замолчали и повернулись к входящему. Старик-странник, смекнувший, что он не вовремя, уже шагнул за порог, застыл, не зная, как быть дальше – то ли войти и поздороваться, то ли молча выйти. Лица женщин, за секунду до этого готовых разнести весь дом, отразили сначала смятение, затем смущение, желание исчезнуть, сгореть со стыда, ускользнуть в какую-нибудь щель. Две из них так и поступили: успели юркнуть за шторку, разделявшую жилище на женскую и общую половины. Оставшаяся – та, что постарше, – прикрыв разгоряченное лицо уголком платка, потянулась и отбросила все еще вскинутую и застывшую на взмахе руку мужа. Хафиз, опомнившись, торопливо закинул плетку под урындык (нары, широкая скамейка для сна и трапезы).

– Ассала-а-му Гале-е-йкум! Мир этому до-ому! – протяжно поздоровался вошедший, сделав вид, что не заметил происходящего.

Хафиз взял себя в руки и, узнав вошедшего, по-детски обрадовался:

– Вагалайкум ассалам! И Вам мира, Дервиш-хазрат! Айдате входите! Проходите на почетное место!

Хватило одного его взгляда на жену, чтоб та поспешила к лавке у печи, подхватив за ручку лежавший на боку самовар. Одна из спрятавшихся за занавеской молодых жен шустро выхватила его и выбежала на улицу, чтобы наполнить водой. Пока старшая жена расставляла мясо и другие угощения на урындык, совсем юная девица – младшая жена, – робко выйдя из-за занавески и присев у печи, быстро сбила кочергой с горевших поленьев угли, собрала их в совок и выбежала на улицу раздувать самовар.

Тем временем мужчины, степенно расспросив, как полагается, друг друга о житье-бытье, уселись на урындык. Тут же старшая жена подала серебряный кувшин и медный таз для омовения, Хафиз помог гостю ополоснуть руки и лицо. Когда самовар занял свое место и чай был готов, он едва уловимым движением руки велел женам удалиться. Быстро взяв на руки детей,

Миляуша КАГАРМАНОВА. Родилась в Бурзянском районе республики Башкортостан. Окончила факультет башкирской филологии и журналистики. Работает корреспондентом газеты "Вечерняя Уфа". Автор стихов и рассказов, двух книг прозы и поэтических сборников.

играющих на женской половине и прихватив кое-какие нужные вещи, они ушли в пристрой – специально построенный для таких случаев маленький домик.

Гость был странником, ученым-богословом. Его настоящее имя никто не знал, да и спрашивать не осмеливался. Странствуя, он всегда напевал и приговаривал непонятные религиозные тексты, часто повторяя «Хыухак, хыухак». Так его и прозвали – старик Хыухак. Переходя из деревни в деревню, он нигде надолго не задерживался. Побывав во всех ближних и дальних деревнях, и один Бог знает, где еще, он заслужил прозвище Дервиш. Авторитетные толкования религиозных текстов и красочные рассказы о жизни святых пророков снискали ему среди слушателей славу суфия-хазрата, ученого-богослова. Его всегда и везде с удовольствием встречали – дверь любого дома была для него открыта. Будь то день или ночь – для него непременно находили время, готовили баню, угощения, совершали вместе с ним намаз, при прошании старались получить у него благословение. Старик был очень порядочным, сдержанным и опрятным человеком. Женщины, которые брались постирать и высушить его вещи, отмечали, что обычно в этом не было надобности, потому что вещи были в полном порядке. В еде он был неприхотлив и очень умерен. Только после изрядных уговоров хозяина дервиш мог попробовать то или иное блюдо. Всем было известно, что в дорогу он брал только кусок хлеба и немного курута¹. Ну а если эта святая душа постучалась в чьи-то ворота, это считалось большой честью для хозяев дома. Даже бедные сельчане старались на совесть угостить странника, считая, что это сам Хызыр Ильяс² явился к ним в гости. Был ли старец на самом деле тем странствующим пророком – никто не знал, каждый лишь старался угодить дервишу и получить его благословение. Говорят, что, судя по его рассказам, он побывал во многих дальних странах, даже в Мекке... и большую часть пути прошел пешком.

...По тому, как хозяин сразу же отослал своих жен, как только они приготовили чай, дервиш понял, что женщины его сильно раздосадовали. К тому же, входя в дом, старик стал невольным свидетелем какой-то неурядицы в семье. Чем-то жены очень разгневали своего мужа.

– Долго обиду в себе не держи, из-за нее все вокруг тебе в черном цвете будет казаться. За обидой бывает ошибка, за ошибкой лежит беда – помни об этом...

Хафиз понял, что от старика ничего не утаишь, да и самому ему хотелось поделиться наболевшим:

– Ох уж эти женщины, хазрат, довели до белого каления... Если бы ты вовремя не появился, на этот раз точно бы их побил...

– Э-эй, братец. Если бы битьем можно было кого-нибудь уму-разуму научить – умнее коровы не было бы скотины на свете. Сколько ее бьют – давно бы заговорила! – усмехнулся старик.

– Что же мне с ними делать? Ума не приложу!

– Если не справляешься, зачем же трех завел? Жадность или

¹ Курут – кисломолочный сушеный продукт.

² Хызыр Ильяс – пророк, часто являющийся к людям в виде странника или нищего страдальца. Говорят, тот, кто помогал ему, вскоре обретал достаток и удачу в делах.

другая причина?

– Какая там жадность... Старшая жена мне от брата досталась... С двумя детьми осталась после смерти мужа. Отец мой быстро все решил. Пока до меня, семнадцатилетнего юнца, дошло, что к чему, дело было сделано, обо всем договорено. Да я и не обижаюсь, она мудрая женщина, во всем меня поддерживает, с ней я стал мужчиной. Весь дом, все хозяйство под ее приглядом, всех детей моих воспитывает.

– Это ты правильно сделал, что взял под крыло одинокую женщину, не бросил на произвол судьбы ее детей – кровных родственников твоих. Очень хорошо, очень похвально!

– Вторую жену я взял по любви. 25 лет мне было, когда поехал в степные края уголь продавать. Там в одной из деревень и увидел красивую девушку, потерял душевный покой. Почувствовав мои переживания, жена стала расспрашивать, ну я и рассказал – с юности же привык с ней своими секретами делиться. Она подумала-подумала и отправила поговорить с этой самой девушкой. Я поехал, нашел, разговор завел – оказалось, что и она тоже с той встречи не могла меня забыть. Вернувшись, отправил сватов, вскоре и свадьбу справили.

– Ну а третья-то зачем понадобилась, если, как ты говоришь, к этой душа лежала?

– Третью я в городе, когда ездил на рынок, подобрал. В тот год свирепствовал голод... 13-14 лет от роду ей было, когда она упала в голодный обморок... прямо в сугробе ее нашел на окраине города... Проезжающие шахрахались от нее, я же, на свою голову, слез с саней и подошел. Гляжу – живая. Поднял на руки, положил поверх поклажи и привез домой. Один скелет был да нос пуговкой... Жены мои выходили ее. Мишарских кровей оказалась девочка. Оставшись без родителей, жила у старушки-родственницы. Та от болезни и старости скончалась, и осталась она одна без куска хлеба... Девочка эта у нас выросла, старательной и смысленной оказалась. Под присмотром моих жен быстро всему по хозяйству научилась. Расцвела. Через несколько лет стали из ближних сел сваты заезжать. После очередного такого визита, когда я уже все обдумал и хотел было согласиться, девчонка эта подкараулила меня между сараями и, устремив на меня пронзительный взгляд, выпалила: «Дядя Хафиз, не отдавай меня никому, себе возьми! Если отдашь – все равно сбегу, я тебя только люблю». Я чуть не упал прямо там... Потом выяснялось, что про эту ее любовь и жены мои знают, им она тоже плакалась: «Не отдавайте чужим!» Обе жены кинулись меня уговаривать: «Привыкли мы к ней... в чьи руки еще попадет... Убежит – жалко будет... Слишком уж бесшабашная она...» Подумали-поговорили и решили оставить...

– Ну и... чем ты недоволен-то был сегодня?

– Да я-то доволен... только раздор постоянно между ними... Из-за пустяка могут такой шум поднять! Чего не могут поделить? У каждой есть свой угол, свои дети... Стараюсь никого не обделять, не выделять – нет, не могут без скандалов!

Старик, хитро прищурился, засмеялся:

– Что могут делить три жены одного мужа?! Кроме мужней любви... Каждая желает, чтобы твоя душа принадлежала только ей одной.

– Как же я могу принадлежать только одной, хазрат? Они же знают,

что их три. Сами так решили, по своему желанию устроили такую жизнь.

– Э-э, братец, до седых волос дожил, не одной, а трем женам хозяин, а как ублажить женскую натуру, все еще не знаешь, оказывается...

– Как же это узнать, хазрат? В чем секрет? Сможешь ли ты мне помочь?

– Ты, братец мой, вот как попробуй...

...Однажды в базарный день, купив женам все, что они заказывали, Хафиз прикупил кое-что и себе. Это был ладно подогнанный, как у богатых городских купцов, сшитый из толстого черного бархата камзол. Увидев обновку, жены кинулись его шупать-разглядывать, выхватывая камзол друг у друга. Вдоволь налюбовавшись, тут же надели на мужа и, отойдя чуть в сторону, принялись нахваливать – каждая на свой лад:

– Алля-ля-ля-а! А идет-то как!

– Как же преображает человека наряд! Ну-ка, дорогой, повернись!

– А пуговики-то, пуговики! Одни самоцветы!

Действительно, изготовленные из сине-голубого камня в серебряной оправе, пуговицы камзола сверкали на свету, словно драгоценные изумруды.

– И обошлись они по цене материи! Портной-татарин заладил свое: «Только эти пуговицы подойдут и никакие другие!» Что подделаешь?! Согласился уж! Ни разу такого не носил, дай, думаю, попробую.

– Очень правильно поступил! – одобрительно подхватила старшая жена. – Со знатными людьми общаешься, а при случае и надеть-то нечего. Вот так тебе и нужно всегда ходить!

...В ту же ночь (как раз настала ее очередь ночевать с мужем) младшая жена начала жаловаться на своих старших соперниц:

– Алтынбика-апай целый день сегодня недовольная ходила: то это не так я сделала, то другое ей не нравится. Я что им – прислуга? И Райхана туда же: своим детям мягкий кумас¹ дала, а моим черствый достался...

Муж, не дожидаясь конца ее жалобных речей, мягко перебил:

– Нажия, ты на них не обращай внимания! Это они из зависти так себя ведут. Знают, что я люблю всей душой только тебя одну!

Молодая женщина, заморгав длинными ресницами красивых глаз, обескураженно вымолвила:

– Эт-то правда?

– Да, душа моя, правда! Только ты в моем сердце! В моем доме самая красивая, самая близкая мне – это ты! Ты моя ласточка... мой цветочек...

Муж снял с гвоздя висевший на потолочной балке камзол и, оторвав одну пуговицу, вручил ее жене:

– Держи, моя красавица, это знак моей к тебе любви! Пришей пуговицу в укромном месте к одежде и не показывай никому. Будем знать только я и ты, договорились?!

– Да, дорогой! – прослезилась от нахлынувших чувств жена и прильнула к груди мужа. – Я так и думала, что ты одну меня любишь... Только меня...

¹ Кумас – разновидность хлеба, приготовленного в кипящем масле на сковороде.

...В доме постепенно установился мир и покой. Женские распри происходили намного реже и тише. Но иногда-таки они случались... Вот как сегодня: когда ехали с сенокоса, из-за расшалившихся детей две молодые мамы не на шутку разругались. Желая утихомирить их, старшая жена, сама не заметив, вступила в перебранку с обеими. Чувствуя, что этому спору не будет конца, сидящий впереди с поводьями в руках муж тихонечко затянул песню:

Голубая пуговка у той, кто дорог мне!
И цвет моей любви того же цвета!
Воспоминанья о наполненных любовью днях,
Раскрасит мир вокруг волшебным светом!

Услышав песню, жены замолкли, подобрели... Даже немного смутились. Понемногу лица просветлели и озарились едва заметными улыбками. Сидящая спиной к мужу старшая жена, поправляя свое место, крепче прижалась к нему спиной. Ее соседка, средняя жена, незаметно для остальных пару раз многозначительно взглянула на мужа. Младшая же, баюкающая на коленях малыша, потянулась и стряхнула с плеча мужа мелкие травинки. Каждая из них посылала мужу сигнал, что она поняла, что она здесь, рядом. Каждая вспомнила о зашитой в укромном месте одежды бесценной синей пуговице и тех сладких словах, которые муж говорил, когда дарил свой подарок... Каждая знает, почему на камзоле мужа не хватает пуговицы, только ей известно, где она...

...А о том, сколько этих пуговиц было на самом деле – знают только Хафиз и старик-дервиш, имя которого никогда не забывает упомянуть в своих молитвах благодарный муж трех жен.

...Песня продолжает ласкать слух зачарованных женщин:

Голубую пуговку – мое обещание –
Ты сохрани ради нас.
Лебедкой белой в мои сновидения
Ты входишь в предрассветный час.

Перевод с башкирского Ильяса Сафина.

Ильяс САФИН. Родился в 1974 г. в Аргаяшском районе Челябинской области. Работает начальником отдела культуры Архангельского района Республики Башкортостан.

Андрей ЯКОВЛЕВ

Игра тени и света

Мания величия

Земля – это колесо гоночного автомобиля, которое раздулось от чудовишной скорости и, слетев с оси, закувыркалось во вселенной. Да и вселенная – пустыя, может быть, всего лишь мириады микробов под грязным ногтем некоего великана, который к тому же и не великан вовсе, а карлик, служащий для забавы при дворе для короля со ржавой короной на пустой башке и толпы надушенных и расфранченных придворных. И все это находится в стеклянной банке, накрытой марлей, чтобы не задохнулось. И мне когда-нибудь надоест наблюдать за всем этим и подкармливать все это, и я выброшу банку на помойку или подарю ее кому-нибудь. Впрочем, кому нужна такая безделица?

Продавец ветра

А что если взять и порезать ветер на равные куски? Затем оформить его в красивые упаковки и продавать? Представляете, вы покупаете охапку ветра и в душный полдень приносите ее домой. Разворачиваете... и вдруг... Ветер! Смахивает бумаги со стола, выдувает пепел из пепельницы, ерошит волосы на вашей голове, хлопает форточкой... И вот... его уже нет. Снова тишина, штиль, скука. Желаете еще? Пожалуйте к нам, в лавочку!

Свечечка

Жила была свечечка. Лежала она в коробке вместе с другими свечками. А коробка стояла на полке в магазине. Лежала свечка и мечтала. Вот купит коробку молодая и красивая барышня, придет домой и украсит новогоднюю елку для своего забавного малыша. И он будет плясать вместе с другими детишками вокруг елки, и огни свечей будут отражаться в его блестящих от восторга глазенках, а ярче всех будет сиять, конечно, она – свечечка.

Или гениальный юноша-поэт с длинными черными волосами

Андрей ЯКОВЛЕВ. Родился в 1963 г. в Ленинграде. В 1989 г окончил Хабаровский пединститут. Работал главным редактором журнала «Бизнес безопасность». С 2011 года живет в Москве. Работал в военном отделе газеты «Известия». Автор двух стихотворных сборников (1990 г., 1993 г).

и печальным бледным лицом купит коробку и из всех свечей выберет ее. И она будет освещать его бедную комнату романтика и белые листы бумаги на столе, на которых он напишет свое гениальное стихотворение и упомянет в нем ее, скромную восковую свечку. И люди будут долгие годы читать и перечитывать стихотворение и думать о нем и о ней тоже.

«А вот хорошо бы, – думала свечечка, – гореть в комнате влюбленных, слушать их пылкие речи и звуки поцелуев и быть задутой потом их горячим, нетерпеливым дыханием, – а затем вдруг ужасалась: – А если меня купит какой-нибудь мерзкий скряга лавочник? И будет при мне подсчитывать барыши в своей дрянной лавчонке и гнусно хихикать о том, как ловко надул рассеянного покупателя? Нет! Это было бы ужасно и несправедливо», – решала свечечка и долго не могла успокоиться.

Она и теперь еще лежит в коробке вместе с другими свечами, и никто ее еще не купил. Слышите? Да-да, вы, молодая и красивая барышня, и вы, поэт, и вы, юные влюбленные, пока еще не поздно, спасите ее от старого и гнусного скряги лавочника. Купите свечечку!

Первый снег

Сегодня ночью родился Первый Снег. Синоптики, как всегда, что-то напутали и не предсказали его рождения, и он появился на свет как бы незаконно – не был учтен, запротоколирован, занесен в метеосвятцы...

Но Первый Снег не знал всего этого и просто величественно возлежал на полях, деревьях, городских улицах, радуя детей и привычно изумляя взрослых, очищая память глаз от вчерашних пестроты и грязи.

В городском парке разговаривали деревья. Шеголь тополь, вяло покачивая ветвями, проскрипел возмущенно: «Этот снег не должен был появляться сегодня! Это незаконно! С меня еще не опали листья!» – «Да, да, – поддержал его крепыш карагач, – этот снег бастард!» И деревья – одно другому – передавали сплетню, разнося ее по всему парку. Некоторые брезгливо стряхнули незаконнорожденный снег со своих веток.

И только старый дуб то ли привычно дремал, то ли глубоко задумался о чем-то в самой середине парка. Когда пересуды оторвали его от дум, он покачал верхушкой и сказал: «Перестаньте вести себя как люди. Это неприлично!»

И деревья застыли в великолепном снежном убранстве, задумавшись каждое о своем.

Как быть?

Случилось как-то Сам-Няму услышать фразу: «История – это память народа». И эта фраза завертелась у него в голове, будто старый виниловый диск заело. А потом стали другие фразы к ней цепляться: «История – это память народа. Человек, не имеющий памяти – псих ненормальный. Наш народ как раньше своей истории не знал, так теперь и подавно. Следовательно, не зная своей истории, он не имеет и памяти. Значит, наш народ – психи ненормальные...» Закрылся Сам-Ням в своей квартире на все запоры, окна изнутри досками забил, охотничьим ружьем вооружился и третий месяц дома сидит. Бойтся. А как на улицу выйти, если кругом одни психи?

Вопрос...

Сам-Ням увлекся Востоком. Своим гуру он решил избрать губернатора. Каждое утро являлся в местный Белый Дом, входил в кабинет своего гуру и садился на полу в позе лотоса. Первое время гуру почему-то гневался на своего ученика и периодически сдавал его в полицию. Но потом привык и стал доверять чинить карандаши, использовал для мелких поручений. Потом гуру направил его в «Школу управления» – и вот Сам-Ням уже его заместитель. Карандаши он чинит превосходно, но одного только никак не может постичь: почему на заседаниях нельзя сидеть на полу в позе лотоса?..

Мечта

Сам-Ням решил стать индейцем и для начала отрастил длинные волосы, но понял, что это еще не все, и загорел до красноты. Потом было еще изготовление томагавка и родовых тотемов, установка вигвама в городском парке и охота на бультерьеров и троллейбусы. Но и этого было явно недостаточно. Наконец, Сам-Ням объявил войну «бледнолицым собакам», а с некоторых даже снял скальпы. Закончил он как настоящий индеец – в резервации строгого режима, вождем в законе.

Родословная

Как-то Сам-Ням решил воссоздать свое родословное древо. Стал он в архивах копать, всякие справки наводить о предках, рассказы бабушки вспоминать. И что же вы думаете? Составил-таки! Древо повергло его в шок. Если предки по линии отца были арабы, то по линии матери непременно выходили евреи. Если одну ветвь начинали азербайджанцы, то другую – обязательно армяне. Одну ветвь – русские, другую – немцы; одну – англичане, другую – французы... Прямо не родословие, а клубок антагонизмов! Он стал об этом думать постоянно. И сделал великое открытие. Люди болеют, оттого что разная кровь их предков, которые находились в смертельной вражде, продолжает воевать уже в организмах потомков! Теперь он с ужасом прислушивается, как русская кровь воюет в нем с немецкой, ведя жестокие бои за печень. Французы атакуют английскую селезенку. Азербайджанцы отбивают почки у армян. Евреи опять ввели танки в правое палестинское предсердие. А подлые штатовцы под шумок пытаются властвовать над всеми, захватив головной мозг и подбираясь по спинному ко всему, что еще не подпало под их влияние. Если он не найдет в ближайшее время способ как-то всех примирить, придет ему капут, потс, шайтан, кирдык, финита, энд, короче – ...здеи!

Мастер

Он жил в век каменных топоров и делал скрипки. Его били и не давали пиши. Во времена инквизиции он сделал телескоп, чтобы приблизить к людям звезды. За это его сожгли на костре. Когда люди миллионами убивали друг друга в мировых войнах, он, вместо того чтобы создавать оружие, открывал секреты лечения страшных недугов. Его задушили газом в концлагере. Всегда он был не ко времени. Вот и сейчас, дурачок, открывает источник неиссякаемой энергии для всего человечества. За это его убьют нефтяные магнаты.

Снайпер

У одного человека был в жизни только один талант – верный глаз и твердая рука: человек умел точно стрелять. Но цели все были какие-то неприметные, и он довольствовался мишенями в тире. Но однажды ему указали поистине восхитительную, грандиозную, великолепную цель. Сутками держал он ее на мушке, ни на секунду не выпуская из виду. И не хотелось ему ни спать, ни есть, ни пить. С наслаждением прицеливался он то в голову, то в грудь, то в спину своей цели. И, наконец, поступил приказ: «Огонь!» Снайпер нажал на курок. Хлопнул выстрел. И человек почувствовал, как горячий свинец разрывает его сердце, переполненное Любовью к Цели.

Художник

Он пользовался людьми, как тюбиками с краской, и каждый раз негодовал, что из всех выдавливается только красная. Тем не менее очень многим нравились его картины.

Синоптик

Один синоптик всегда(!) предсказывал точную погоду. Скажет: «Град» – и идет град. Скажет: «Тепло» – и среди зимы начинают распускаться розы. А бывало, скажет: «Великая сушь» – и в сезон осенних дождей земля превращается в раскаленную пустыню. Коллеги его ненавидели.

Синоптик отчаянно страдал от своего дара. И вот однажды, решив от него избавиться, он стал предсказывать всякую чушь. Ан не тут-то было! Предсказал дождь из апельсинов и селедки – и пошел дождь из апельсинов и селедки. Предсказал, что тучи будут двигаться в шахматном порядке, – и великие гроссмейстеры могли разыгрывать шахматные партии, глядя в небо.

Эти прогнозы настолько его прославили, что ему стали заказывать дожди из долларов и летние каникулы в январе. Коллеги возненавидели его до такой степени, что даже наняли киллера. Отчаявшись, он предсказал великий потоп. Коллеги убежали строить ковчег, собирать тварей и предупреждать родных и знакомых. Но на следующий день ничего не произошло. Обрадовался синоптик, и коллеги к нему подобрели. Даже киллеру дали отбой.

После работы он помчался домой и был избит своими соседями за то, что затопил все пять этажей под своей квартирой, забыв закрыть кран над раковиной, полной посуды. Когда его били, он улыбался и плакал... от радости.

Клоун

Жил-был клоун. И что бы он ни делал на арене, люди не смеялись. Сидели с каменными лицами – и все тут. И тогда случилось страшное: клоун возненавидел своих зрителей. Когда это произошло, он вышел на арену без грима, в домашнем халате, сел в кресло и стал парить больные ноги в тазике с горячей водой, выражая зрителям свое презрение. И тут в зале загорелась одна маленькая улыбка. Она мелькнула раз, другой и затем полыхнула смешком. Смешок рос и стремительно охватывал зрительный зал... и вот! наконец! все зрители взорвались хохотом. Клоун вскочил, разбрызгивая воду, и гневно вскричал: «Да эти негодяи просто смеются надо мной!» Новый взрыв хохота

был ему ответом. Тогда клоун окатил людей грязной водой из тазика и ушел за кулисы, но и там его продолжал преследовать этот громовой издевательский хохот. Так к нему пришла слава. С тех пор клоун вытворял на арене все, что хотел. Плевал на зрителей, засыпал их опилками, бросал в них тухлые яйца и поливал холодной водой из брандспойта. А они смеялись и смеялись день ото дня все громче и невыносимей.

Наконец, клоун решил уничтожить своих зрителей. Он установил на арене крупнокалиберный пулемет и, когда отгремел туш, принялся методично выкашивать зрителей ряд за рядом. Когда один ряд замолкал, на другом не прекращался истерический хохот. Клоун перебил даже подсадных. И вот среди изуродованных пулями тел остался только один живой зритель. Он не смеялся. Перешагивая через трупы, клоун подошел к нему. Человек достал блокнот и, что-то написав в нем, протянул клоуну. «Я не могу смеяться – я глухонемой. Но мне тоже ужасно смешно. Ха-ха-ха!» – было написано там.

Клоун вернулся на арену и застрелился.

Поэт

На одной очаровательной лесной полянке росло великолепное дерево. Случайно туда забрел поэт. Увидев дерево, он восхитился и запечатлел его в своих стихах. Приехав в город, он решил издать эти стихи...

На полянку пришли рабочие. Срубили дерево и на фабрике из него сделали бумагу. На этой-то бумаге поэт и напечатал свои стихи о дереве.

Политик-пацифист

На полном скаку и с криком «Даешь разоружение!» пацифист Потапов шашкой разрубил надвое майора танковых войск.

Критик

Будучи девственным импотентом, он всю жизнь учил ловеласов, как надо любить женщин.

Истории из жизни предметов

* * *

Она была великолепна. Почти прозрачная, вся светившаяся первозданной чистотой. Ее стенки вибрировали от малейших звуков. Казалось, она вобрала в себя всю красоту и утонченность императорского двора. Лучший фуцзяньский мастер изваял и расписал ее специально для величайшего в мире солнцеподобного императора. Даже ветка яблони на этой чашке источала тонкий аромат, и император, прежде чем глотнуть чаю, всегда подолгу любовался своей любимой чашкой.

Прошли годы, наступила эпоха перемен. Все сестры прекрасной чашки погибли или канули в небытие. Лишь она одна чудом сохранилась, но жестокая судьба занесла ее в далекий и неудобный северный город, где она долгие годы пылилась в лавке антиквара. Невежественные покупатели не могли оценить ее красоты, поэтому не покупали. А неловкий слуга антиквара как-то, протирая пыль, сломал ей ручку. Наконец, ее купили за очень скромную цену и...

подарили котенку. Чашка была глубоко оскорблена, когда в нее налили молока и поставили на пол. Унижение было настолько невыносимым, что она даже хотела умереть. Но вот к ней приблизился на своих мягких лапках прелестный котенок, и чашка тонко зазвенела от счастья, увидев его. В маленьком забавном котенке она узнала бессмертную душу своего первого хозяина – солнцеподобного императора Китая.

* * *

Он был красив и опасен. Его берегли. Им гордились. За ним тщательно ухаживали. Его именем клялись, и, бывало, только упоминание о нем заставляло врагов трепетать. Часто он изменял обстоятельства жизни и даже судьбы людей. Он видел их насквозь, со всеми потрохами. Да и неудивительно. Ведь это был отличный кинжал.

* * *

Одной простой шариковой ручке удалось выйти замуж за «Паркера» с золотым пером. Но «Паркер» оказался с дефектом: был запрограммирован отечественными чернилами. И от этого у них рождались одни чернильные карандаши, которыми уже никто не пишет. «Паркер» закомплексовал и смылся за бугор. А ручка с горя пошла по рукам. Но одному из их детей все же удалось выбиться в люди. Им полюбил ковырять в носу один очень большой человек.

* * *

Она заканчивалась на втором этаже грязной и скучной конторы. А мечтала быть лестницей в небо...

* * *

Ядерная Кнопка долгие годы мечтала, глядя в потолок своего дома-чемоданчика, что однажды придет он... Палец. Она любила его с каждым годом все сильнее, а он приходил так редко, порхал над кнопкой, иногда слегка к ней притрагивался, но никогда не нажимал! А она так мечтала об этом! Пальцы время от времени менялись, но она любила всех. И каждый был единственным в ее одинокой жизни. Как она завидовала другим кнопкам, на которые нажимали иногда десятки раз в день! Как она мечтала стать кнопкой на каком-нибудь дистанционном пульте от телевизора! Но годы шли, а Кнопка по-прежнему несла тяжелую ношу своей девственности, веря, что ее возлюбленный Палец однажды нажмет на нее, и они будут вместе вечно. До сих пор верит... А вы верите в свои мечты?

ЕГО ЮМОР БУДЕТ ЖИТЬ ВЕЧНО

Очерк

Мамурходжа ХОДЖАЕВ

Сложный и противоречивый минувший XX век ознаменован не только открытиями в научно-технической сфере, но и ярким всплеском культуры и искусства. В нашей Республике XX век можно с уверенностью назвать Золотым веком узбекского театра и киноискусства.

Перелистывая страницы истории, оглядываясь на истоки создания и становления театра и кино в Узбекистане, хочется отметить в яркой плеяде выдающихся деятелей культуры и искусства нашей страны уникального артиста, человека с огромным дарованием и потрясающим обаянием Сайиба Ходжаева. Почти 55 лет своей жизни он отдал искусству театра, создав более сотни запоминающихся образов в различных жанрах. Диапазон его репертуара включает образы из произведений многих классиков мировой драматургии: Шекспира, Лопе де Вега, Шиллера, Гольдони, А. Навои, Ж. Б. Мольера, Н. Гоголя, К. Яшена, Хуршида.

Сайиб Ходжаев родился 5 декабря 1910г в местечке Хонабад, недалеко от Андижана. Его сценическая биография началась в 1927 году, когда он был зачислен в труппу Кокандского театра и практически сразу привлек к себе внимание не только зрителей, но и видных деятелей культуры. Уже через год он был переведен в Андижанский театр, в котором играл в «Принцессе Турандот» Карла Гоцци, в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». В 1939 году в Ташкенте был создан театр Музыкальной драмы и комедии имени Мукими, куда были приглашены самые талантливые актеры, среди которых был и С. Ходжаев.

Каждая роль Сайиба Ходжаева – это частичка его сердца, его души. Художественное чутье, кропотливая работа над каждым образом, требующая психологического проникновения, достоверности и пристального аналитического взгляда на мир, обусловили народное признание артиста, заслуженную любовь и уважение не только в нашей республике, но и во всей Центральной Азии.

Совместная работа с актерами Украинского театра имени И. Франко и выступления в спектаклях «Наталка-Полтавка», «Сорочинская ярмарка», «Свадьба в Малиновке» расширили границы популярности Сайиба Ходжаева.

Мамурходжа ХОДЖАЕВ. Кандидат физико-математических наук, доцент Академического лицея «Нефти и газа» при Российском Университете «Нефти и газа» имени Губкина.

За заслуги в деле развития национального театрального искусства еще молодому актеру было присвоено высокое звание «Народный артист Республики».

Коллектив театра принимал участие в творческих смотрах 1957 и 1964 годов в Москве, и здесь талант С. Ходжаева был высоко оценен.

Начиная с 1940 г., С. Ходжаев начинает работать и в кино, внося неоценимый вклад в развитие киноискусства и телевидения нашей страны. Началом его кинобиографии стала роль журналиста в фильме «Обыкновенное дело» режиссера З. Сабитова. В период Второй мировой войны многие деятели искусства и кино союзных республик были эвакуированы в Ташкент, где в 1943 году был снят фильм «Подарок Родине» с участием самых талантливых актеров: Камила Ярматова, Шукура Бурханова, Наби Рахимова, Сайиба Ходжаева. Картина имела большой успех, и сегодня, спустя семьдесят пять лет, зрители с удовольствием смотрят этот фильм о вкладе лучших сынов узбекского народа в общую победу над фашизмом.

В 60-70 годы С.Ходжаев плодотворно снимается в сатирическом киножурнале «Наштар», участвует в телевизионных постановках. В этот период на киноэкраны страны с его участием выходят фильмы: «Великолепный мечтатель», «Туйлар муборак», «Встречи и расставания», «Седьмой джин», «Дуэль под чинарой», «Белые-белые аисты», «Плюс единица» и «Где ты, моя Зульфия?»

Кинорежисёр Али Хамраев и Сайиб Ходжаев во время съемок фильма «Где ты, моя, Зульфия?»

По мотивам романа Шарафа Рашидова «Могучая волна» на Ленфильме была снята картина «Ее имя Весна», в которой партнером С. Ходжаева был Ефим Капелян. «Вы, Сайиб-ака, по праву являетесь хранителем богатейшего фольклорного наследия и юмора своего народа. Я очень рад, что в Узбекистане приобрел такого друга. Ваш уникальный талант необходимо беречь! Это – достояние Республики», – сказал Е. Капелян после съемок фильма.

В 1959 году произошла судьбоносная встреча С. Ходжаева с известным писателем и драматургом Хамидом Гулямом, которая впоследствии переросла в настоящую дружбу. Результатом их дружбы стали известные пьесы из цикла «Ферганские рассказы»: «Женитьба сына»; «Ажаб савдолар»; «Влюбленный Тошболта». Позже Хамид Гулям скажет, что в успехе его произведений есть большая заслуга С. Ходжаева. Не случайно, отдельная страница в истории театра Муками – это яркое дарование С. Ходжаева, его видение, талантливое исполнение и трактовка драматургических образов. В летопись театра вошли созданные С. Ходжаевым неповторимые образы: сэра Тоббииз из «Двенадцатой ночи» В. Шекспира, образ Наполеона у И. Кальмана, Бобчинского в «Ревизоре» Гоголя, Тристана у Лопе де Веги. С. Ходжаев мог с блеском играть любые роли как юмористические, так и трагические, сатирические, что свидетельствует о многогранности его таланта. Как истинный Мастер, он вносил в образ свою изюминку, собственное видение, раскрывая неповторимый внутренний мир своего героя. Спектакль «Тошболта ошик» («Влюбленный Тошболта»)

во многом благодаря игре и трактовке центрального образа Тошболты Сайибом Ходжаевым, исполнялся почти полторы тысячи раз – чрезвычайно редкий случай в истории театра. Во время проведения декады культуры и искусства Узбекистана в Москве было высоко отмечено исполнительное мастерство С. Ходжаева, свидетельством чего явилось вручение ему высокой награды ордена «Трудового Красного Знамени».

*Кадр из фильма "Её имя Весна"
Ефим Капелян и Сайиб Ходжаев*

Известный поэт и драматург Хайдар Мухаммад в своей книге «Сойиб Ходжаев Хангомалари» писал, что С. Ходжаев для узбекского народа так же значим, как Ходжа Насреддин. Безусловно, С. Ходжаев сочетал в себе многие ипостаси яркой неординарной личности: был не просто талантливым актером, ярким сатириком, но и заботливым наставником, искренним другом, замечательным человеком, благодаря чему память о нем до сих пор жива в народе.

Сайиб Ходжаев в обычной жизни, вне театра, был необыкновенным человеком, создающим атмосферу уюта, тепла, настоящего счастья, любви и покоя. Будучи многодетным отцом, он прекрасно понимал значимость личного примера и ответственность за воспитание своих детей. Его трепетное отношение к супруге стало поведенческим примером в их семьях.

Дети в определенной степени стали продолжателями дела своего отца: Артыкходжи в качестве кинооператора киностудии Узбекфильм, Шухрат как кинорежиссер Узбектелефильма. Отец внимательно следил за их развитием в профессии и в беседах с ними часто повторял, что талант, данный природой, нужно подпитывать, неустанно и много работая: «Вы должны быть в постоянном поиске, иначе талант постепенно сойдет на нет, и вы будете потеряны для искусства как творческая личность».

Почти 40 лет прошло с тех пор, как его не стало... Но его имя не забыто. На родине талантливого комедийного актера, импровизатора, внимательного и терпеливого учителя с 1989 г. каждый год 5 мая односельчане при поддержке областного хокимията Андижана проводят дни памяти Народного артиста.

Созданные им художественные образы вошли в золотой фонд нашей культуры, являясь предметом гордости.

В 2020 году замечательным деятелям узбекской культуры XX в. Сайибу Ходжаеву, Шукуру Бурханову, Олиму Ходжаеву, Раззоку Хамраеву, Аббосу Бакирову, Амину Турдиеву исполняется 110 лет со дня рождения.

Оценивая по достоинству яркую плеяду наших замечательных актеров, отдавая долг их таланту, хочется еще раз подчеркнуть необходимость продолжения традиций узбекского театрального и киноискусства, их значение для формирования духовности новых поколений.

Мне всё равно...

СЕРГЕЙ ГОРДИН

* * *

Прожил десять лет,
 Как медведь в берлоге,
 И когда попытался приподнять завесу,
 Оказалось, что все земные дороги
 Нас ведут к тому же угрюмому лесу.

Что не дробью больней пробивает шкуру,
 Не капканы ножом отсекают лапы,
 Что не самое страшное – слезы боли,
 А страшнее всего ворожба и знаки.

Что подвижны не воды,
 А слов замесы,
 И нельзя по словам
 Расстояния мерить,
 Что в чашобе лесной
 Ты Иисуса знаешь,
 А в чашобе людской
 Ему только веришь.

За кольцо одиночества
 Руки ловят,
 И смеются...
 Соплями измазав пальцы,

И рванув свое мясо,
 Ты вновь уходишь
 От словоблудства,
 Как от святотатства.

Сергей ГОРДИН. Родился в 1954 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Работал в Гостелерадио. Публиковался в периодических изданиях и альманахах.

* * *

Меня поцеловала женщина,
И я заплакал, как ребенок.
Я думал – превратился в айсберг,
А лед-то оказался – тонок.

Давно я понимаю с горечью,
Что больше не имею права,
Все позади: и сладость полночи,
И даже (странно вспомнить) слава.

Я жив случайно. Божьей милостью.
И скоро этого не будет,
Вы тоже про меня забудете,
И вас совсем другой полюбит.

Совсем другой, наверно, правильный,
Я знаю это фото в рамке,
И, видит Бог, мне даже завидно,
Живущему всегда с изнанки.

Вот этого пространства дальнего,
Где свет сменяется дождями,
Вы больше про меня не вспомните,
А я и там ведь буду с вами.

И никому уж не завидую,
И никому не прекословлю.
Мне тоже выпадали радости,
Теперь засыпанные болью.

Мне и любовь была дарована,
И до сих пор со мной осталась,
Пускай судьба была разорвана,
И мы негаданно расстались.

Но все на миг. Одно мгновение
На вспышку, названную жизнью.
Вы многого еще не знаете
Про то, как бритвой режут листья.

Про то, как умирают мальчики
И девочки ложатся рядом,
Да минет вас судьба военная,
Да не завалит снегопадом!

Да будет вам во всем гармония,
И не изрежит диссонансом
Вдруг истончившегося времени
Бескомпромиссное коварство.

А я не знаю как там, на небе,
Кого там обжигает зноем,
Там одиноки все пришедшие,
С каким-то очень личным горем.

Я верю, что добро свершается
Благословенной божьей милостью,
А здесь со всем, со всем прощаешься
в такой понятной, вечной сырости.

И этот поцелуй порхающий,
И этот вечер в желтых звездах,
Мы все когда-нибудь встречаемся,
Но очень рано
Или...
Поздно.

* * *

Книги пишет любовь,
В этом нет сожаленья,
У несчастной любви
Новой книги рожденье.

Столько было стихов,
Столько было поэтов,
Для несчастной любви
Книга – тоже приметя,

Если в ней волшебство,
Бег, движение, страсти,
Значит, тот, кто писал,
Нахлебался несчастий,

Это то, что должно
А не то, что здесь было,
Это сжатый кулак,
Вдохновенье и сила.

Нету времени на
Описания, если
Ты живешь не один,
А с любимую вместе,

Наблюдение ведь
Порождение скуки,
Что-то грустное есть
В каждой точной науке.

Книга – вечная весть,
А не вечные муки.
Книга, в общем, и честь,
И надежные руки.

Не всегда доброта,
Часто точность и трезвость,
Но в них скрыты всегда,
И надежда, и нежность.

И звучат голоса
В их листах не смолкая,
Ах, но в нем иногда
Есть калитка от рая.

* * *

Трава муравая, ключи ледяные,
Как еще недавно мы были молодые!
Были мы веселыми,
Стали вдруг смурными,
Многие головушки
По пути сложили.
Камушки да галечки
Путь до дома метяют.
На пороге стареньком
Нас никто не встретит.
Улетела горлинка,
Убежала кошка,
Лишь один платанушка
Шелестит немножко.
Помню слишком многое.
Знаю слишком мало.
Отлетела молодость,
Отгорела слава.
Церковь наша старая
В прошлый год сгорела,
И уехал батюшка –
Вот какое дело...
Для чего по-прежнему
Воздух я вдыхаю?
Перемены новые
ведь не понимаю,
Перемены новые,
Только люди старые,
Все они ученые
И без права правые...
Я пойду стороночкой,
Прислонившись к стеночке,
Пальцами пошелкаю
Птичке, серой пеночке.

Упаду я на спину,
Тихо замирая...
Ах, трава муравая,
Вода ледяная...

И за окном горел октябрь

За далью поднимались горы
И в чистом воздухе росли
Мы все предвосхишали холод
И ждали перемен в любви.

Ярился воин малорослый,
Зрачок его огнем горел,
Он злобился легко и просто,
Глаголил, шурился, кипел...

А я – не знаю, не умею,
Встречаюсь только иногда,
Как с откровением, как с чудом,
С великим таинством стиха,

Нельзя ведь научить молиться,
А нужно попросту прийти,
Всю кожу ободрав о спицы
И пресловутые пеньки.

Увидев солнышко в тумане,
Чуть в дымке, чуть с голубизной,
не жить, как принято, в дурмане,
А только с трезвой головой.

Все принимать, за все казниться,
И все отдав, разжиться всем,
Вот и с татаринцом сцепиться,
Совсем уж не пойму зачем...

А он – погас, он как-то мигом
На руку голову сложил...
Перегорал в желудке тихо
Его неодолимый пыл,

Потом встряхнулся, как Акакий,
И приоткрыл свои глаза...
Светилась в них, как у собаки,
Одна любовь и доброта.

И долго ждали мы трамвая,
Татарин был спокоен, мил,
И плыл над нами, чуть мерцаая
И замирая, целый мир...

И звезда великая поэма
Горела в черной высоте,
А я стоял, не понимая
Зачем случился на земле.

* * *

Бьется колоколов
В воздухе чистом медь,
Птицы кричат далеко,
Женщина топит печь.

Мышь в дошатой стене
Что-то скребет, скребет,
Словно в чужой душе
Роет подземный ход.

К этим заборам худым
Я прикипел давно,
Каждый готов предать,
А мне вот не все равно...

Выпадут ли дожди,
Тронутся ль роши в рост,

Чьей мне в глаза земли,
Будет брошена горсть.

Лишь бы мне не чужой
Женщины дрожь испить,
В этот суглинок родной
Голову положить.

Мать, голубя дитя,
Притянет его к груди,
И будут падать снега,
И зарядят дожди.

Не обо мне далеко
Колокол станет бить,
Стакан поднимет старик,
Чтобы воды попить.

БАЙКИ СТАРОГО МЕЛЬНИКА

Рассказы

Александр ПЕТРЕНКО

ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ

198... год. Министерство хлебопродуктов одной из среднеазиатских республик СССР. Главное управление мукомольно-крупяной промышленности. Отдел перспективного развития.

Люди моего поколения и старше помнят, как в те далекие времена в конторах стояли такие аппараты односторонней связи без диска номеронабирателя: на них позвонить можно, а с них нет. Они, как правило, были ярко-красного цвета, и в центре аппарата красовался золотой герб. Обладатели таких аппаратов очень гордились ими: наличие сего агрегата подчеркивало статус владельца.

Не знаю уж почему, но эти устройства связи обладали очень скверным тембром звонка. И мой организм со временем выработал стойкую антипатию к мелодиям этого агрегата. Если то, что раздавалось из-под красного пластика, вообще можно назвать мелодией. Короче – он зазвонил. В трубке раздался раскатистый бас нашего министра.

– Зайди.

Трубка противно загудела сигналами отбоя. Почти бегом спускаясь со своего четвертого этажа на покрытый хивинским ковром второй, где располагался кабинет министра, я мысленно прокручивал в уме все возможные прегрешения, за которые меня следовало вызвать на ковер. Таковых не обнаруживалось: так, мелкие шалости, не более.

Понятное дело, хозяин кабинета сесть мне не предложил. Но смотрел по-отечески добро.

– Напомни, сколько у тебя было командировочных дней в прошлом году? – пробасил он.

– Триста. Примерно, – потупившись, ответил я. – Точно не считал, не до того было.

Александр ПЕТРЕНКО (псевдоним Александр РАЛОТ). Краснодарский прозаик, публицист и краевед. Автор 20-ти электронных и 15-ти бумажных книг. Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях. Член Союза писателей России. Победитель многих международных и российских литературных конкурсов. Лауреат литературной премии имени Олега Бишарева.

– Да. Многовато выходит. Ну, сам понимаешь, надо, значит надо. Что там комсомол отвечает на призыв партии? Я запомятовал...

– Есть, – буркнул я, старясь понять, к чему это высокое начальство клонит?

– Ну, есть, так есть. Поедешь еще в одну. На целый месяц. Радуйся.

– Матлабудин Раджапович, можно вместо меня кто-то другой, того, на месяц? У меня тут семейное положение намечается...

– Не понял! Это что за манера у тебя такая, не дослушав старших, перечить?! Ишь что удумал, семейное положение у него! Тоже мне, уважительная причина! Я же тебя на этот раз не в Голодную степь посылаю и даже не в Кызылкумы. В столицу полетишь, в саму Москву, да еще на целых тридцать дней! Учиться! Квалификацию повышать. Так уж и быть, танцуй. Разрешаю. Государственная награда тебе ни по чину, ни по возрасту еще не полагается. Бери то, что дают, и дуй на первый этаж, в хозотдел, заказывай себе билет. Ну, чего стоишь, как высохшая чинара? Топай, куда велено!

Я не уходил, молча переминаясь с ноги на ногу.

– Тысяча дивов! Вы посмотрите на этого умника! Ступай немедленно с глаз долой, иначе передумаю...

– Ага. Матлабудин Раджапович, передумайте, пожалуйста. Очень прошу. Ну, не могу я сейчас в Москву. Я и так невесту свою почти год не видел.

Министр от моей наглости даже приподнялся с места.

– Ты что сейчас сказал? Ты сам понимаешь, что вот эти уши услышали? Нет, ну вы посмотрите на этого малохольного дервиша. Ты кому сейчас перечишь? Ты самому министру возражаешь! Да такого даже члены коллегии себе не позволяют. Уважаемые, между прочим, люди. Ой, что я сейчас с тобой сделаю!.. Ой, что сделаю! – он помолчал с минуту. Встал и подошел ко мне вплотную.

– Красивая?

– Кто? – не понял я.

– Ну, твоя, которая может сбежать от тебя, если опять исчезнешь на целый месяц.

Я кивнул головой.

– Ты чего киваешь, как осел взнузданный? Тебя сам министр лично спрашивает. Красивая, очень? Где работает? В каком министерстве или ведомстве?

– В нашем. То есть, в вашем.

– Так чего же ты меня, старика, в заблуждение вводишь? Сын шайтана и гюрзы, – хозяин кабинета нажал кнопку селектора.

– Салам, Карим Насырович. Тут такое дело, этот наш мельник, кобылица его лягни, не хочет один в Москву отправляться. Говорит, только с невестой, никак иначе. Давай там, быстренько оформи документы и на нее. У нас, кажется, разнарядка на двоих поступила. Ну и что – на другого уже оформлена? Значит, этот другой в следующий раз в Москву поедет, дурака тридцать дней валять. Переделывай! Людям через неделю вылетать. Как это ты не знаешь, кто невеста мельника? А за что тебе государство зарплату платит? Кто у нас в министерстве кадрами заведует? Ну и что – в личном деле нет графы невеста, а есть только жена? Сначала невеста, потом жена. Наоборот никогда не бывает... Короче, если через десять минут не узнаешь эту страшную тайну, поедешь в командировку в Голодную степь. Не только мельникам там месяцами трудиться, иногда и кадровикам полезно тоже...

* * *

Я крутил в руках два заветных листка с министерскими печатями.

– Дорогая, пойдем в ЗАГС. Распишемся, наконец.

– Это ты что? Мне предложение делаешь? На колено даже и не подумал опуститься. Вместо коробочки с колечком какие-то цветные бумажки суешь. Что это вообще?

– Понимаешь, это наше свадебное путешествие за государственный счет. В белокаменную, на целый месяц.

– Вот уж никогда не думала, что командировка на курсы повышения квалификации – достаточное основание для заключения законного брака. В конце концов, можешь толком объяснить, почему ты решил, что в эту самую белокаменную мы должны лететь как законные супруги? Жили же до этого без штампа в паспорте. Не спорю, регулярно нарушали моральный кодекс... но тебя этот факт не слишком тревожил. И нате, побежали в ЗАГС. А ты у моих родителей согласия спросил? И вообще! – на глазах у нее заблестели слезинки. – Я СОГЛАСНА! СОГЛАСНА! Дождалась-таки! Только у меня одно условие.

– Любимая, заранее согласен на твое условие!

– Это ты зря, – она вытерла глаза, взяв себя в руки. – Вот так опротивело соглашаешься, даже не выслушав. Так уж и быть, я принимаю твое необдуманное и скороспелое предложение, но только фамилию менять не буду. Мне своя, девичья, даже нравится.

* * *

В районном ЗАГСе дородная дама приняла наше заявление. Долго вчитывалась в листки.

– Вы, невеста, точно фамилию менять не будете? И вы, жених, согласны с этим?

Мы синхронно кивнули в знак согласия. Редкий случай, ну да ладно. Закон это не запрещает. Она шлепнула синим штампом и убрала бумаги в стол.

– Жду вас ровно через месяц, со свидетелями, шампанским... Как полагается.

– Как через месяц? Нам через месяц нельзя. Нам нужно прямо сейчас, – с вызовом произнес я. – Мы! Мы уже давно муж и жена, только без штампа.

– Жених, вы тут мне не того... Если вы без штампа, так у нас в городе многие так, потому как Азия у нас здесь, средняя. И вообще это не по моей части. Вот если бы вы, молодой человек, были военным, ну, там скажем, офицером, и срочно отбывали к месту назначения, тогда, оно конечно. А иначе никак.

– А если мы вам письмо на министерском бланке принесем, что отбываем к месту повышения квалификации, тогда можно?

– Несите, – устало ответила дама. – Поглядим.

* * *

– Дорогой. Нельзя так. Вернемся из Москвы и распишемся. Может быть, и родители приехать смогут. Чего ты переживаешь?

– Ну как ты не понимаешь такую простую вещь? Мне уже тридцатник стукнул. Раз нет штампа в паспорте, значит, тебя поселят в женском

обшежитии, меня, соответственно, в мужском. Возраст, понимаешь ли, уже не тот, чтобы к своей даме по водосточной трубе и балконам добираться, от бдительных вахтерш бегать.

– Я поняла, я все поняла. Коварный ты тип. Жениться решил ради своего, комфортна... Двухспальная кровать в семейном общежитии гарантирована. А ты обо мне подумал? Может, твоей девушке романтики хочется? Может быть, я много лет мечтаю, чтобы ухажер ко мне по водосточной трубе добирался, или, на худой конец, серенады внизу пел?! – она повернулась и чмокнула меня. – Подготовь текст письма, я завтра напечатаю на фирменном бланке. Ну, а на подпись к министру сам потопоешь, раз тебе так хочется комфортной семейной жизни.

– Мельник! Я знал, что ты у нас самый нахальный сотрудник, но что до такой степени!.. – Матлабуди́н Раджапович снял огромные очки в роговой оправе. – Сколько я за этим столом работаю... – он постучал по столешнице из массива красного дерева, – но подобного письма подписывать не доводилось! Надо же! «Убедительно прошу расписать в связи с острой производственной необходимостью!»

Министр с минутой поколебался и поставил размашистую подпись в левом углу.

– На. Держи. Еще вот что: сходи,ними мне копию. Покажу друзьям на ближайшем совете министров. Пусть позабавятся.

Я радостно схватил бумагу и рванул к выходу.

– Стой. Куда помчался? – он подошел к сейфу. Достал пухлый конверт. – Возьми, это вам от меня подарок, так сказать, свадебный. Совет вам да любовь. И с детишками не тяните. Командировки, оно конечно, но семья – это святое.

Спустя два года я готовил справки для «выездного дела». Меня направляли в Монгольскую Народную Республику для оказания международной помощи соседнему братскому народу.

Собирал невероятное количество подписей и согласований.

Секретарь парторганизации министерства, начальник первого (секретного) отдела вертела в руках наше свидетельство о браке.

– Это еще что такое? Оба не члены партии, живут под разными фамилиями!.. Сдается мне, что брак у вас не настоящий, а фиктивный. Проживаете вместе? Так, может быть, вы с этой женщиной спите в разных комнатах, я же не проверяла! Короче, ваше персональное дело я выношу на общее партийное собрание. Сомневаюсь, что вам и вашей, так сказать, жене будет доверено представлять нашу страну за рубежом. Убеждена, что в нашем министерстве найдутся более достойные люди, живущие под одной общей фамилией.

Я еле сдерживал себя, чтобы не вырвать у нее папку и не послать даму по всем известному адресу.

– Идите, мельник, язык не поворачивается назвать вас товарищем. И хорошенько подумайте над своим поведением и моральным обликом. О времени и месте собрания я вас извещу.

В нашей конторе слухи распространяются мгновенно, даже из первого

(секретного) отдела. Понятное дело, услышала их и моя половинка. Не мудрствуя лукаво, супруга быстренько переделала все документы. Рассталась со всей девичьей фамилией. А в это время секретарю нашей парторганизации позвонили из очень вышестоящей организации. Популярно объяснили, что командируют за границу прежде всего квалифицированного и опытного специалиста, моральный облик которого, конечно, интересуют соответствующие компетентные органы, но далеко не в первую очередь.

* * *

Через несколько дней бюстительница морали ходила по этажам и срывала объявления о внеочередном собрании. О выражении лица этой женщины и разговорах за ее спиной я вам, конечно, расскажу, но как-нибудь в другой раз...

БОГАРНЫЕ ДЫНИ ИЗ СУРХАНДАРЬИ

Прочитав эти строки, читатель, наверное, опять возмутится, и будет прав, потому что с первого раза понятно только слово «дыни». Все, дорогой читатель, незамедлительно поясню. Богарные земли – это те, которые искусственно не поливались, только дождичком, ну или снежком талым... А поскольку речь далее пойдет о самом юге Узбекистана, то со снегом там всегда большие проблемы. Есть в этой стране область с центром в Термезе, что стоит на реке Амударья на границе с Афганистаном и зовется Сурхандарьинской. Кроме жаркого и сухого полупустынного климата, особенностью этого района было то, что там долгое время не было мельничного комплекса. Население, понятное дело, растет, а мука для лепешек завозная. Вот и было принято судьбоносное решение: построить там современное предприятие по переработке зерна. О том, как вагоны с дорогостоящим оборудованием выгружали в чистом поле, так как склады для его хранения числились во второй очереди строительства, я рассказывать не буду. И о маленьком местном аэропортике, уютно расположившемся в кишлаке с названием Сары-Асия – тоже. А расскажу об удивительных людях, которые совершили чудо. Таких спецов мало, но они есть. Какое самое распространённое растение в пустыне? Саксаул! Длина корней этого растения может достигать 60 метров, чтобы брать из глубин чистую артезианскую воду! Местные жители смогли скрестить саксаул с дыней! Получился сладкий (еще бы на артезианской воде!) и большой плод. Визитная карточка Сурхандарьи.

* * *

В те далекие годы я оказался в свите заместителя министра хлебопродуктов. Как пишут в газетах, «и другие официальные лица»... Сопровождал его в поездках, готовил документы и речи.

Если кто помнит, в те годы было повальное увлечение – собирать собственную библиотеку. Желательно из дефицитных книг.

Приехав в любой город, поселок или кишлак командированные, включая нашего шефа, бежали в «Китоблар» (в книжный магазин), где на пыльных полках можно было найти, что-то интересное по смешным советским ценам.

Сурхандарья была клондайком, местом, куда еще не ступала нога книголюба. Поэтому, приехав на строительство мелькомбината, наша команда затарилась книжным дефицитом под самое не могу.

Пара дней на разбор полетов с нерадивыми строителями, обязательный в таких случаях партхозактив, обход территории по часовой стрелке и против. Все. Пора домой. До цивилизованного Ташкента можно добраться двумя способами: поездом через три республики (часов этак тридцать по жаре) или самолетом минут за сорок.

Замминистра в душном поезде, пусть даже в СВ... Можете себе такое представить?! Я лично – нет.

Аэропорт в местечке Сыры-Ассия

Пока регистрировали билеты, какой-то человек, согнувшись в три погибели, втолкнул-таки тяжеленный мешок в багажное отделение трудяги «АН-24». Директор строящегося комплекса протянул нашему боссу мятый квиток со словами: «Это вам, дорогой наш руководитель, от благодарного сурхандарьинского народа».

– Что это такое? – как и полагается, возмутился замминистра. – Зачем это! Наверное, что-то дорогое. Уберите немедленно!

– Убрать, увы, не получится, – спокойно ответил директор.

– Багаж уже в самолете и оформлен по всем правилам. И вообще... это дыни. Всего три богарные дыни. Витамины.

* * *

В салоне мое место оказалось рядом с боссом.

– Саша, а давай их оставим. Не будем получать багаж. Забудем. Видел, какие они тяжелые.

Конечно, я пытался шефа отговорить. Обещал помочь. Дотащить мешок до такси, тем более, что в Ташкентском аэропорту есть рольганг.

Багаж самого замминистра составлял один модный дипломат, набитый купленными дефицитными книгами, который он, конечно, взял с собой в салон.

Посему, выйдя на трап, шеф шепнул на ухо:

– Я тебе эти дыни дарю, делай с ними, что хочешь! – И, помахав на прощание, растворился в толпе.

Как я пер тяжеленный мешок на четвертый этаж своего дома без лифта – отдельный сказ.

Мы с супругой выташили все, что было можно из нашего старенького «ОРСК»а, разрезали дыни и только так смогли их там уложить. Самая маленькая – весила пуд!

Всем нашим подъездом неделю пили чай с душистым, ароматным и удивительно сладким чудом. С благодарностью вспоминая жителей далекой Сурхандарьи и щедрость нашего замминистра, конечно!

АМУДАРЬИНСКИЙ ВОЯЖ

Затерялась где-то в Средней Азии маленькая республика со странным названием Каракалпакия.

С юго-запада к ней вплотную подступает пустыня Каракумы, на севере она граничит с плато Устюрт, а на востоке – уже ее величество Кызылкум. Есть там и река Амударья. Когда-то она была вполне судоходная.

* * *

В жаркое лето тысяча девятьсот восемьдесят, впрочем, не важно какого года занесло нас с товарищем в столицу этой Каракалпакии, в Нукус. Трудились там, и настало время покидать славный уголок, убраться восвояси в Ташкент. Убраться из Нукуса можно двумя способами. На поезде через вышеупомянутые пустыни часов за 35-40, или самолетом за полтора. Поскольку выбор средства передвижения напрашивался сам собой, то отправил я напарника, кстати, звали его Акбор, в местное отделение единственной в то время авиакомпании с гордым названием «Аэрофлот».

Не было его долго, под вечер-таки появился, радостный, сияющий, как медный пятак.

– Выстоял! Купил! – Устало произнес он и протянул два заветных зеленых листка бумаги.

Сейчас мало кто помнит, но в те далекие годы, авиабилеты были такого цвета и кассирша ножницами вырезала напечатанную на них цифровую сетку, тем самым отмечая для покупателя, а в основном для его бухгалтерии, сколько десятков рублей и копеек гражданин за это заплатил.

Взглянул я на эти билеты и обомлел. Кроме изрезанной сетки на них ничего обозначено не было. Ни номера рейса, ни даты и времени вылета, ни даже фамилии пассажира, впрочем, последнее для жителей Каракалпакии значения не имело.

– Акбор! – С ужасом в голосе воскликнул я. – Как же мы полетим? По этим билетам кто нас на борт пустит?

– Да запросто – успокоил товарищ. Здесь люди добрые. Билеты всем желающим продают. Не улетим завтра, значит, послезавтра или через неделю. Зачем людей тревожить, бегать в кассу переоформлять. Главное – в самолет попасть, в него, как в автобус, всех впускают, а уже потом наличие билетов проверяют.

На следующее утро мы поняли, что ни сегодня, ни завтра и никогда из этого Нукуса не улетим.

Старенький лайнер брали штурмом, с баулами, орущими чадами и даже с домашним скотом. Портить межнациональные отношения и вступать в боевые действия с численно превосходящим контингентом, коренной национальности мы никак не хотели, а посему, понуриив головы, поплелись из аэропорта куда глаза глядят.

С горя пошли на речку, чтоб охладить пыл и морально подготовить себя к переезду в душном поезде через пустыни. Понятное дело, что тогда о кондиционерах в вагонах еще и слыхом никто не слыхивал.

И тут меня осенило. Шандарахнуло по башке, я даже обомлел от посетившей мысли. А что, если пароходом?! Искушенный читатель, прочтя эти строки тотчас же покрутит пальцем у виска, и будет прав. Амударья через Ташкент не течет. Зато течет через закрытый город Термез. Почему закрытый? Потому, что там мост, соединяющий две страны. И вообще руководству лучше знать, почему этот город закрытый. У нас в то время не то что города, области были закрыты, например, Сахалинская. Закрытость города заключалась в том, что въезд, «влет» или «вплыв» в него возможен только при наличии специального разрешения. Тем не менее, по той же схеме, что и авиабилеты, нам «квиточки» на «пропływ» по маршруту «Нукус – Термез» на пароход имени какого-то партсъезда продали. Ни даты, ни времени отплытия, ни номера каюты, понятное дело, в билетах традиционно указано не было.

Но главное! На пристани не было никакой очереди, то есть добираться двое суток до закрытого Термеза желающих не наблюдалось. В командировочных удостоверениях мы нагло дописали еще один город, на это раз областного значения и без помех взошли на палубу не белоснежного, но все же лайнера.

Красота. С одной стороны, афганская пустыня, с другой – наша. Услужливые стюарты в белых униформах, тьфу черт! Размечтался. Короче... матросы приглашали нас в кубрик на чай и макароны по-флотски, дружески хлопали по плечу, приговаривали.

– Суд у нас гуманный, не то что в былые времена! За незаконное проникновение в закрытый город много не дадут, год-другой не больше. Опять же, если повезет, сидеть будете под Ташкентом, почти дома.

Забыл сообщить тебе, читатель, что числился я тогда по Министерству Хлебопродуктов УзССР, которое имело в каждом областном центре, в том числе и в Термезе, собственное «Управление...» Вот на помощь товарищей из этого ведомства я и рассчитывал.

Как и полагается, по прибытию в главный город Сурхандарьинской области бдительные пограничники нас, мягко скажем, задержали и препроводили, нет, не в кутузку, а в «Областное управление...» Тамошние товарищи наш статус подтвердили, хоть и без энтузиазма. Кому нужны незнамо как появившиеся люди из столичного главка. Быстренько вручили кипу документов для передачи министерскому начальству и милостиво попросили пограничников, отправить гостей первым рейсом в столицу, так как переданные бумаги были материалами особой важности и должны были как можно быстрее попасть наверх...

Аэропорт Термеза в те времена представлял собой летное поле и будочку на краю.

Ни очередей, ни давки, ничего! Под бдительным оком пограничников окошечко в будке отворилось и нам продали билеты на рейс Термез – Ташкент, как и в Нукусе, без даты вылета и номера рейса. Но коротать время в обществе двух бравых ребят из местной погранзаставы было много приятней, чем в жарком и душном Нукусском аэровокзале, да и самолет прилетел удивительно быстро.

Самое страшное ждало в родном министерстве. Нет, не нагоняй от начальства. Это дело привычное. А удивленный взгляд любимой бухгалтерши Анны Петровны.

– Я тридцать лет командировочные принимаю, но еще ни разу таких билетов не видывала. – Она внимательно рассматривала серые клочки бумаги с большим якорем по центру. – Вас куда посылали? В Каракалпакию, в Нукус! Там кругом пустыня, откуда море взялось? Нет, как хотите, но я эти «якоря» никак принять не могу.

* * *

В купе с несданными авиабилетами по маршруту Нукус – Ташкент финансовые потери были ощутимы. Зато путешествовали мы с Акбором с комфортом, без толчеи.

Жизни и Смерти страницы

Раим ФАРХАДИ

Последняя фотография

На фото различаю лица
Бойшов, сестричек той войны.
И не тускнеет, свет струится
Сквозь ветви и цветы весны.

Сжимали крепко автоматы,
Пять лет вдыхали горький смог,
Чтоб сад, цветением объятый,
Их встретил после всех дорог.

Смущённо лепестков касаясь,
Как будто видят детства сны:
Над крышей дома – белый аист
И слышен голос тишины.

Цвет майский, ласковый, душистый –
С небес нисходит Благодать.
И до счастливой, мирной жизни,
Им кажется, рукой подать...

С мечтой о светлом и красивом,
Неведомо, по чьей вине,
Накрытые последним взрывом,
Они остались на войне.

Время – жестокое пламя.
В нём исчезают деревья и птицы.
Память народа – священная память
Жизни и Смерти листает страницы.

Раим ФАРХАДИ. Заслуженный деятель культуры Узбекистана, кавалер ордена «Дустлик» родился в 1942 г. Популярный поэт, сказочник, переводчик, журналист. Член творческого объединения Академии художеств и член СП Узбекистана, главный редактор экологического журнала «Родничок» («Булоқча»).

Песни грозových лет

Ветераны пели в школьном зале
 Песни лет военных, грозových.
 Голоса негромкие звучали...
 Грянет час: не будет рядом их.
 Завешали жить, не отменяя,
 Что на свете Родина одна.
 Внуки к ним придут с цветами мая,
 Помня дорогие имена.
 Песням не стихать про День победный,
 Об огне в печурке, о мечте...
 О свершивших подвиг свой бессмертный,
 О последней взятой высоте...
 В школе выступали ветераны,
 Пели, вспоминая о былом.
 И скупые слёзы вытирали
 За красивым праздничным столом.
 Ветераны, собираясь вместе,
 Рубежей заветных не сдают,
 Потому что правнуки их песни
 Голосами звонкими поют!

Образ матери

Почему у берёзы душа моей мамы?
 Напоит она соком целебным весной,
 Прячет ситцевым платьем недавние шрамы,
 Тихо шепчет молитву зелёной листвою.

Отчего у берёзы такие же слёзы,
 Будто капли-росинки блестят на щеке...
 Помнят чуткие ветки военные грозы
 И ладони отца где-то там вдалеке...

Обещал он вернуться в день солнечный самый.
 Без него сорок лет горевала она.
 Отчего у берёзы душа моей мамы,
 И ствола белизна, что её седина?

Сокрушают на месте боев монументы,
 Гаснет Вечный Огонь у гранитной плиты.
 Но берёзы стоят на просторах планеты,
 Поднимая над миром живые кресты!

Во имя победы

На фронт уходили колонны
По тысячам трудных дорог.
Гудели в ночи эшелоны.
Был путь до Победы далёк.
А тыл принимал обожженных
Войной матерей и детей.
Стояли на вахтах бессонных
Во имя Победы своей.

Какая жила богатырская сила
В цеху у подруги, в строю у бойца:
Линия фронта – она проходила
Через наши сердца!!!

Не встав ни пред кем на колени,
Шагали сквозь огненный шквал.
Мы были в одном наступленье –
И час долгожданный настал.
То братство, скреплённое кровью,
Стол щедрый, накрытый друзьями.
И мирное небо святое –
Навек дочерям и сынам.

Народная память хранит все, что было.
Нам жить на Земле, не теряя лица:
Линия фронта – она проходила
Через наши сердца!

Герой той войны

*Памяти отца, майора
медицинской службы Хакима Фархади*

Утром домой воротился солдат.
На гимнастёрке медали блестят
За Сталинград, за Москву, за Берлин.
Раненый дважды, пришёл невредим.
Только прибавили годы войны
Пару морщин и снежок седины.
К дому он шёл, задыхаясь от слёз,
Славных трофеев боев не принёс:
Хлеб да консервы, да книжку сынку,
Жёнушке верность, любовь и тоску.
А по соседству не счесть матерей,
Им не увидеть родных сыновей...
Праздник не праздник для вдов молодых,
Кто им вернёт самых близких, родных?..
Ох, не привыкнуть бы горькую пить,
В мирное время себя загубить...
Стол в День Победы пора накрывать,
Станут все вместе плясать, пировать.
Топают рядом сыночек ногой
И повторяет: «Мой папа – герой!»

ШАРОФАТ

*Повесть**

Нарзулло БАТИРОВ

Все началось в тот злополучный день, когда 1 Мая было еще праздником. Во всех парках, зонах отдыха города шли концерты: выступали студенты, певцы-любители, а в летнем театре на Комсомольском озере должны были выступить учащиеся консерватории. Я, Шарофат и Гульноза вышли из общезнания и отправились в парк. Студенты Института культуры готовились к концерту. Ко мне подошел Равшан, как всегда, немного навеселе. Он сказал, что у него два выступления, а потом он пригласит меня кое-куда. Соберутся «сливки» молодежи, будут и девушки, он представит меня как талантливого журналиста и писателя. Я сослался на отсутствие времени.

– Знаю, не можете отлучиться от Шарофат. Не привязывайтесь к ней так! Говорят, красивые верными не бывают, – изрек он многозначительно.

Я хотел было ответить Равшану, но его позвали, и он умчался. От его слов у меня испортилось настроение.

Начался концерт. Равшан пел свои песни так громко, что от натуги на шее у него вздулись вены и исказилось лицо. Громкое пение вызывало раздражение. Пришла очередь студентов консерватории. Первой на сцену поднялась Шарофат. Восточный наряд был ей очень к лицу, делал ее еще красивее. Невозможно было отвести глаз от девушки! Сердце затрепетало. Пела она с душой. Исполнив сначала «Чаман ичра» («На лугу»), затем «Сабо келтир хабар» («Утренний ветерок, принеси мне восточку»), Шарофат спустилась со сцены и села рядом со мной. Раздались аплодисменты. Маленькая девочка преподнесла Шарофат букет. Поцеловав девочку, та передала цветы мне.

– Как эти цветы прекрасны, Шарофат!

Она нежно улыбнулась. Тут ее позвал преподаватель консерватории, режиссер концерта. Вернулась Шарофат в подавленном настроении.

– Что случилось? – спросил я.

– Мне велели спеть дуэтом с вчерашним нахалом – его партнерша не явилась. Я отказывалась, но преподаватель настоял, сказал, что справлюсь, потому что на репетиции хорошо исполняла этот дуэт, – сказала Шарофат,

Нарзулло БАТИРОВ. Родился в Самаркандской области в 1947 г. Окончил ТашПИ (ныне ТГТУ) и Высшую школу милиции. Работал в ОВД. Публиковался в периодической печати, в журналах «Звезда Востока», «Шарк юлдузи», «Гулхан», «Ёшлик».

* Журнальный вариант

растерянно глядя на меня.

Первым порывом было взять девушку за руку и сказать: «Идем отсюда!», но, поразмыслив, я решил, что это будет воспринято как неуважение к руководству института, вдобавок будет нарушена концертная программа.

– Раз все так складывается, ты должна... – с трудом пересилив себя, произнес я.

– Видеть даже не хочу этого наглеца, не то что петь с ним!

Расстроенная, Шарофат все же направилась к сцене. Надо было подготовиться к выступлению. Конферансье объявил, что Шарофат и Сабир исполнят дуэт из оперы Верди «Травиата». Я занервничал, представив их вместе на сцене. Какая-то внутренняя дрожь охватила меня. Вспомнились мамины слова и то, что сказал сегодня Равшан. На душе прямо кошки скребли.

От звонкого, словно колокольчик, голоса Шарофат я понемногу приходил в себя: слушая ее пение, забывал обо всем на свете. Она пела, как соловей, глядя не на стоящего рядом парня, а на меня. После исполнения раздались аплодисменты и крики «Браво!».

После концерта мы с Шарофат уходили совершенно счастливыми, взявшись за руки. Шарофат вполголоса напевала, время от времени останавливалась и смотрела на меня, и я забыл свои недавние переживания.

Неожиданно навстречу попала группа молодых людей. Увидев их, Шарофат сказала:

– Похоже, они пьяные. Давайте вернемся!

Я посчитал, что это будет трусостью.

Парни приближались. Шедший посередине громко произнес:

– Вот это да! Красавица! Эй, красавица!

Один из друзей одернул его:

– Уймись, рядом с ней парень.

– Ну и что?! Мне безразлично! – сказал тот и выругался по-русски. – Сейчас я поцелую эту девушку! – он вразвалочку подошел, преградив путь, и, нагло уставившись на Шарофат, настойчиво произнес: – Девушка хорошая, как вас зовут?

Друзья старались урезонить его:

– Хватит, Талиб! Талиб, да угомонись же, наконец!

Парни отошли, и мы двинулись дальше, но наглец, тяжело дыша, злобно спросил:

– Что ты сказал?

– Я ничего не говорил, – сдерживаясь из последних сил, ответил я.

– Ну-ка, отойдем в сторонку, поговорим, – не унимался он, схватив меня за руку.

– Мне не о чем с тобой говорить, – ответил я, отходя в сторону.

– Да ты мужик или нет? Куда убегаешь? – усмехнулся Талиб и, схватив меня за ворот рубашки, потянул к себе.

– Давай по-мирному разойдемся, приятель, – все еще надеясь избежать драки, предложил я.

– Отойти в сторону! Нам надо поговорить, – еле ворочая языком, повторял тот и тряс меня за воротник.

С рубашки посыпались пуговицы. Не сдержавшись, я с силой толкнул его в грудь – он отлетел на край тротуара. Его подельники стояли в стороне, наблюдая за происходящим. Самый рослый из них, ругаясь, набросился на меня:

– Что ты сделал с моим братом?

Не успел я и рта раскрыть, как он лихо заломил мне руку и начал пинать по ногам, пытаясь свалить. Еле удержавшись, я высвободил руку, желая только одного: благополучно, без скандала уйти с Шарофат из парка. Поэтому я был предельно сдержан. Это взбесило его еще больше, и он набросился на меня. Шарофат закричала и встала между нами. Парень выругавшись, схватил за волосы и оттолкнул ее в сторону и снова набросился на меня. Надо сказать, два с половиной года в Новосибирске я тренировался с десантниками и овладел искусством рукопашного боя. Быстро отступив назад, я развернулся и в прыжке пнул его в живот. Он грохнулся спиной на тротуар. Я подбежал к Шарофат.

– Мурад-ака! Бегите! – вдруг истошно закричала Шарофат.

Я обернулся: на меня с ножом в руке бежал братишка Талиба.левой рукой перехватив руку с ножом, ребром правой я нанес ему удар по шее. Он упал лицом вниз на асфальт и затих.

– Он убил моего братишку! Убил моего братишку! – завопил Талиб, обращаясь к своим спутникам.

Мне и самому стало страшно, я бросился поднимать Насима (как выяснилось позже, так звали брата Талиба). Он, по-видимому, сильно ударился головой об асфальт: кровь текла у него изо рта и носа, он едва держался на ногах. Тем временем на крики сбегались люди, откуда-то появилась милиция, дружинники, студенты из общежития Шарофат, гулявшие после концерта по парку. Среди них были и очевидцы драки, они рассказали милиции о произошедшем. Мне майор велел следовать за ним, двое других под мышки подхватили Насима. Талиб, весь в пыли, сидел на краю дорожки, осыпая меня бранью и грозясь убить. Подняв его, дружинники велели следовать за ними, но он, оскорбляя их, упорно сопротивлялся. Тогда ему заломили руки и волоком приташили в отделение милиции. Насима на скорой отправили в больницу.

Сокурсники Шарофат и студенты из общежития пришли поддержать нас. Майор грозно приказал им разойтись. Но ребята, настаивая на моей невиновности, отказывались уходить до тех пор, пока меня не отпустят. Майор стал кричать на меня:

– Хулиган! Сейчас вызову группу. Скажи своим друзьям, чтобы они разошлись!

Я попросил ребят уйти, но они не двинулись с места.

Тогда майор приказал написать объяснительную.

Я подробно описал случившееся. Прочитав, майор потребовал у меня документы. Я протянул ему студенческий билет. Он положил объяснительную в папку и приказал после праздника явиться в районное отделение милиции, взяв с меня подписку. Ребята и Шарофат ждали меня. Глаза Шарофат припухли от слез. Меня мучили угрызения совести: я испортил праздник, не послушав Шарофат, когда она просила вернуться, чтоб избежать встречи с пьяными.

После праздника я пошел в милицию. Майор сообщил, что Насим все еще в больнице, у него сломан нос, дело передано в следственные органы. Вышел я совершенно подавленным. В трамвае встретил Равшана.

– Почему ты такой грустный? – спросил он. – Слышал, из-за Шарофат произошел скандал. Надо же! Избил бешагачских паханов!

На душе стало еще отвратительней – Равшан, оказывается, винит в случившемся Шарофат!

– Шарофат в этом совсем не виновата. Кто сказал, что драка произошла

из-за нее? – зло спросил я.

Равшан почувствовал мое состояние.

– От ребят слышал. Твое дело в милиции. Если нужна помощь – скажи. Есть связи, знакомые. Подключим. Но потребуются деньги, – сказал он, явно важничая.

Не глядя на Равшана, я выпрыгнул из трамвая и отправился в общежитие.

Против меня возбудили уголовное дело. В ходе следствия и Талиб, и его младший брат Насим настаивали, что драку начал я. Следователь не принимал во внимание мои возражения. Он не включил в материалы следствия показания однокурсников Шарофат и других свидетелей. Позже я узнал, что один из родственников Талиба занимает высокую должность в городской прокуратуре. Талиб с Насимом были оправданы, а я признан виновным в осознанном нанесении тяжких телесных повреждений.

Суд состоялся в середине июля. Я рассказал всю правду, мол, только защищался, и просил суд принять справедливое решение.

Мой адвокат заявил в своем выступлении, что Насим напал на меня с ножом, угрожая убить, вынудив меня защищаться, настаивал на виновности Талиба и Насима, которых следует привлечь к уголовной ответственности, и указал также, что в ходе расследования были допущены процессуальные нарушения: ни один из свидетелей инцидента не был допрошен. В связи с этим адвокат просил судью пересмотреть дело, но тот, не приняв во внимание ни мои показания, ни заявление адвоката, счел меня виновным в хулиганстве, умышленном нанесении тяжких телесных повреждений и приговорил к трем с половиной годам лишения свободы.

Меня арестовали в зале суда. Присутствующие на суде Шарофат, Аваз и Саера были ошеломлены. Не предполагая даже, что меня арестуют, я ни о чем не рассказал родителям, чтобы не тревожить понапрасну.

Когда на меня надели наручники, Шарофат побледнела и разрыдалась. Я не думал ни о своем положении, ни о родителях, все мысли были только о Шарофат...

* * *

Отбывать наказание меня отправили в исправительно-трудовую колонию в городе Навои. Я подал в Ташкентский городской суд апелляцию, но там оставили в силе решение районного суда. Адвокат обратился в вышестоящие судебные инстанции с просьбой в порядке надзора рассмотреть кассационную жалобу. Через десять месяцев Президиум Верховного суда, рассмотрев дело, признал меня невиновным и освободил из заключения. В начале мая я вернулся домой.

Узнав, что после ареста моя мама пошла в дом Шарофат и устроила там скандал, оскорбив ее родителей, опозорив перед соседями, заявив, что сына посадили в тюрьму из-за их дочери-артистки, я был в шоке. Это было хуже приговора суда! Когда я спросил маму, зачем она это сделала, она ответила: «Твое сердце все еще во власти этой колдуньи? Забудь, выбрось ее из головы!» В ответ я сказал, что, если не женюсь на ней, домой не вернусь. Если бы не вмешался отец, не знаю, чем бы закончилась наша ссора.

Я думал о Шарофат. Как она, бедняжка, справилась с такими обвинениями? Родители уговаривали отдохнуть несколько дней, но я уже

на следующий день уехал в Ташкент под предлогом восстановления в институте. Мне не терпелось увидеть Шарофат, я чувствовал себя виноватым перед ней. Подойдя к общежитию, я никак не решался войти, в голове роились сомнения. Неожиданно из здания вышел Сабир. Поприветствовав меня, он пылливо, с улыбкой, как бы сочувствуя, спросил:

– Вы совсем уже освободились?

Я рассказал, что оправдан и признан невиновным. Он кивнул головой, как бы сочувствуя, а затем многозначительно произнес:

– Да, судимость, тюремное заключение – очень плохо. Это клеймо на всю жизнь. Вы, такой талантливый, оказались в тюрьме из-за девушки, разрушили свою карьеру. Наверное, вас исключили из института. А эта девушка продолжает петь.

Его слова пронзили меня. Зачем он сказал такое о Шарофат? Ведь в консерватории, когда готовились к новогодней вечеринке, он рассыпался в адрес Шарофат комплиментами! А теперь... что он имеет в виду? Будь у него хоть немного человечности, разве стал бы говорить мне в лицо о судимости, тюремном заключении? Я покраснел от злости, с трудом сдерживаясь. Почувствовав мое состояние, он сказал:

– Не расстраивайтесь! Я сказал это, поскольку хорошо знаю вас и считаю близким человеком.

– Спасибо, приятель. Ты очень хороший человек, – подчеркнуто фамильярно обращаясь к нему на «ты», ответил я.

Он хотел еще что-то добавить, но я, увидев подъехавший автобус, посоветовал:

– Поспеси, а то уедет без тебя!

Покраснев, он нехотя поплелся к автобусу. Войдя в общежитие, я увидел в фойе вахтера тетю Тамару. Та обрадовалась:

– Ой, Мурад, ты в порядке? Освободился? Я слышала, что тебя несправедливо осудили. Тебя оправдали? Вот видишь? Бог есть! Истина восторжествовала!

Она рассказала, что Шарофат, очень страдала, похудела. На душе было тревожно: как я посмотрю Шарофат в лицо после скандала, учиненного моей матерью? Подойдя к двери ее комнаты, я услышал грустную музыку и печальный голос Шарофат. Она исполняла арию из какой-то оперы.

Остановившись у двери, прислушался: мелодия и неповторимый голос Шарофат звучали завораживающе. Я не решался прервать песню. Пение прекратилось. Собравшись с духом, я постучал в приоткрытую дверь и заглянул в комнату. На стуле у пианино сидел молодой человек, Шарофат стояла позади, положив руки ему на плечи и склонившись к его голове. Я остолбенел. Господи! Кто этот человек? В глазах потемнело. Вспомнились слова мамы, Равшана... Я с силой распахнул дверь. Шарофат и молодой человек, сидевший перед пианино, вздрогнули. Шарофат стремительно бросилась ко мне:

– Мурад-ака!

Меня жгла ревность, била нервная дрожь, хотелось задушить Шарофат. Я решительно двинулся к ней. Шарофат застыла на месте. Я подошел так близко, что почувствовал ее дыхание. Выдохнув ей в лицо «неверная!», я выбежал из комнаты и помчался, задыхаясь от слез, на берег канала. Я плакал. Нет, плакало мое сердце. Ноги сами привели к тому месту, где мы с Шарофат гуляли прошлой весной. Сел на камень, на котором сидела тогда Шарофат. Я не понимал, ненавижу Шарофат или люблю...

– Шарофат, неужели ты способна на измену? Не могла подождать даже год?! Никогда не поверил бы, если бы не увидел своими глазами! Нет, я не вынесу этого! – рыдая, стонал я.

Жить не хотелось. Зайдя в столовую на берегу канала, я велел официанту принести бутылку водки. Не знаю, как долго там просидел ... Вдребезги пьяный, долго бродил по парку, сидел на скамейке и тихо плакал. Понемногу придя в себя, вышел из парка и на ближайшей почте, взяв конверт и лист бумаги, написал Шарофат письмо. Не помню, что писал, но закончил крупно написанными словами: «Прощай, неверная Шарофат! Я все равно тебя люблю!» Запечатав письмо, опустил его в почтовый ящик.

Стоя в тени дерева в полном отчаянии, вдруг услышал голоса. Молодой человек, сильно жестикулируя, громко обвинял девушку в неверности, а она молчала, понуро склонив голову. Молодой человек грубо кричал:

– Что, все они твои братья или братишки? Почему ты мне не отвечаешь?

Схватив за локоть, он резко повернул ее к себе. Девушка плакала.

– Говори! Кто он такой? – угрожающе пытал ее молодой человек.

– Шерзод-ака, вы меня совсем измучили, ревнуете ко всем. По-вашему, я теперь не должна разговаривать ни с кем из однокурсников или родственников? Я же сказала, что Мансур – мой двоюродный брат, сын дяди!

– А целоваться с сыном дяди при встрече обязательно? – зло спросил молодой человек.

– Что здесь плохого? Почему вы не подошли к нам, не спросили, кто это? Я бы вас познакомила, и вы бы успокоились. Шерзод-ака! Я устала от ваших скандалов, от беспочвенной ревности. Почему вы не верите мне? – глядя парню в глаза, сказала девушка и горько заплакала.

То ли поверив ей, то ли слезы так подействовали, парень взял ее за руку, прислонился головой к ее голове и умоляюще произнес:

– Гули, прости! Я так люблю тебя!

Я стал невольным свидетелем «разборки» влюбленных, и в голове мелькнуло: «Тот парень в комнате, может, родственник Шарофат? Почему, ничего не спросив, я выскочил за дверь? Тем более что парень показался знакомым... Сейчас же пойду и спрошу, кто он такой. А что, если это не родственник? Вернуться сюда, чтобы повеситься?»

С этими мыслями я возвратился в общежитие, не решаясь войти в комнату Шарофат. Почему парень показался мне знакомым? Может, ее однокурсник? Может, я видел его, когда приходил в общежитие или консерваторию? Голова гудела, как пчелиный рой, мысли путались. Не помню, как долго я стоял. Из оцепенения меня вывела выезжающая со двора скорая, сердце дрогнуло. Потом из общежития вышел какой-то парень, высокий, стройный, лица его я не разглядел. Он же спустя некоторое время с пакетом в руке поспешно зашел в общежитие. Стемнело. Посмотрел на часы – девятый час. Я так и не осмелился пойти к Шарофат...

Куда идти? Может, к Авазу?.. Аваз жил на съемной квартире возле Бешагача. Дверь открыла Саера с ребенком на руках. Увидев меня, она обрадовалась, пригласила в дом, позвала мужа:

– Аваз! Аваз! Смотрите, кто пришел!

Увидев меня, Аваз раскрыл объятия. Саера спросила, был ли я у Шарофат. Рассказала, что Шарофат думала и беспокоилась обо мне, переживала. Я сказал, что не был у Шарофат.

– Почему же? Она с таким нетерпением ждет вашего приезда!

Ничего вразумительного я ответить не мог. И с Авазом разговор не заладился. Он догадался, что я не в настроении, и сказал:

– Ты устал. Отдыхай. Утром поговорим.

Но и утром я был подавленным, односложно отвечал на вопросы Аваза.

Когда уходил, Аваз спросил:

– Почему ты грустный? Ты здоров?

– Как конь, – ответил я.

– Тогда почему унылый? – допытывался он. – Что-то произошло у вас с Шарофат?

– Наверное, мы теперь не будем встречаться, – сказал я.

– Да что ты такое говоришь? – вскричал Аваз.

Я, склонив голову, молчал.

– Не дури, Мурад. Иди к ней прямо сейчас, – посоветовал Аваз.

Мне не хотелось ни с кем разговаривать, никого видеть. Попрошавшись, я вышел.

Хотелось оказаться там, где меня никто не знает, не видит и не слышит.

Я сел в троллейбус и приехал к памятнику.

С утра было душно. По небу плыли клочья облаков, горячий ветер усугублял отвратительное состояние. Голова гудела.

Вспомнилось, что здесь после мандатной комиссии при поступлении в университет я познакомился с Саёрой и Назокат. В тот день я был самым счастливым человеком на свете. Голуби, воркующие у ног, будто поздравляли меня, сегодня же птицы, будто сочувствуя, утешая, семенили вокруг. Вот и продавщица мороженого та же самая. Почти не изменилась. Разве что пополнила немного. Словно уловив, что творится в моей душе, она сочувственно посмотрела на меня.

Я отправился куда глаза глядят и очутился перед консерваторией, остановившись, долго стоял в тени деревьев. В глубине души теплилась надежда, что выйдет Шарофат. Но она не появилась. Значит, сегодня ее не было на занятиях. Почему?

От консерватории я дошел до курантов. В глаза бросился рекламный щит: «17-й геологической экспедиции срочно требуются рабочие. Обращаться по адресу: Ташкент, ул. Т. Шевченко, д. 34. Ориентир – здание министерства». Внезапно в голову пришла мысль: «Уеду с геологами! Может, там, в горах, я забуду Шарофат». По указанному в объявлении адресу я встретился с руководителем экспедиции, узнал, что нанимают сезонных рабочих, что участники экспедиции выезжают поездом сегодня вечером. Оформившись, уже вечером я уехал поездом «Ташкент – Душанбе». В Сарыасии мы сошли с поезда и поехали на попутной машине к реке Тупаланг. Там нас ждал с лошадьми загорелый среднего роста мужчина лет 30-35, по имени Мирза. Наскоро перекусив в чайхане, мы погрузили привезенные из Ташкента вещи на лошадей и отправились верхом в лагерь геологов. Никогда прежде я не ездил на лошади и побаивался, не переставая при этом думать о Шарофат и об увиденном в ее комнате. «О неверная Шарофат! Твоя любовь – сплошное лицемерие. Все ложь!», – хотелось кричать мне.

* * *

Наступал вечер, солнце наполовину спряталось за горой, другая его половина, ярко-красная, словно от натуги в желании удержаться, еще не покинула это удивительно красивое место. Не только от него, но и от сверкающих

на вершинах величественных гор ледников исходило багровое сияние. Но вот зарево заката постепенно стало гаснуть. Казалось, природа сочувствует мне и готова заплакать. Мне тоже хотелось плакать. Что-то смутное терзало и печалило. Ненависть к Шарофат необъяснимо сменилась чувством тоски по ней. Я ошущал себя беспомощным, опустошенным и одиноким.

Холодный ветер из ущелья ударил в лицо, заставив поежиться. Не терпелось покинуть седло. Вскоре показались палатки. Услышав конское ржание, из палатки вышел человек с фонариком.

– Прибыли, Юрий Борисович? Почему так припозднились? – спросил он нашего руководителя.

Тот объяснил, что мы поздно выехали из райцентра. На онемевших ногах, как калека, еле передвигаясь, я вошел в палатку, опустился на кровать, но тут же вскочил, будто сел на костер. Юрий Борисович, заметив мое состояние, сказал со смехом: «Я дам тебе мазь, вотри ее. До утра пройдет».

В лагере нас уже ждал ужин, а я мечтал лишь поскорее лечь. В палатке на раскладушках – шерстяные одеяла и спальные мешки, в один из которых я и влез. Мазь, видимо, подействовала, потому что жжение прекратилось, и я крепко уснул.

Когда я открыл глаза, в палатке было светло. Раскладушка моя стояла напротив входа, и солнечный свет падал прямо на меня. Накрыв голову краем спального мешка, я еще некоторое время лежал с закрытыми глазами, но уснуть больше не смог: перед глазами возникла комната Шарофат, ее руки на плечах незнакомца... Повернулся на другой бок, но снова увидел ту же картину. Я поднялся и сел на кровати – видение продолжало стоять перед глазами.

В палатке было тесно и душно. Я вышел. За ночь ветер утих, но было свежо. Капли росы холодно блестели на траве. Ветер из ущелья пошипывал лицо. Сон совсем не взбодрил, голова была как чугунная. Глубоко вдыхая холодный воздух, я бродил вокруг палаток. Увидев пустой деревянный ящик, уселся на него. Медленно всходило солнце, и неожиданно на душе полегчало. Мои мысли о Шарофат, казалось, растворялись. Замерзнув, я вернулся в палатку. Мужчина в спальном мешке на соседней раскладушке открыл «молнию» и высунул голову. Это был наш вчерашний проводник Мирза. Он посмотрел на часы:

– Ого, уже семь! – взглянув на меня, он со смехом сказал: – Вы так сильно устали вчера. Сразу уснули. Я хотел поговорить, окликнул пару раз, но вы не услышали.

– Я никогда раньше не ездил на лошади. Эта тряска вконец измотала меня, – ответил я, вспоминая, как у меня все болело. – Хорошо, что Юрий Борисович дал мазь. Иначе бы я не заснул.

– Вы научитесь ездить за неделю, – уверил он.

– Где вы привязали лошадей? – спросил я, потому что вблизи палаток их не было видно.

– Мы их стреножили. Они пасутся внизу.

– А не сбегут? – удивился я.

– Куда они денутся? Придут сейчас. Стоит позвать и показать ведро, они тут же прибегут, – поспешно встав, он добавил: – Нужно покормить лошадей. Они как дети: не накормишь, не напоишь вовремя – обидятся.

Вчера всю дорогу он говорил без умолку, не давая никому и слова вставить, вот и с утра опять затараторил, расспрашивая, откуда я родом, сколько мне лет, чем занимаюсь, кто родители. Ни один следователь не смог бы так

быстро допросить. Когда я уже собрался выйти, он задал очередной вопрос, больно царапнувший сердце:

– А невеста есть?

Перед глазами вновь возникла утренняя картина, я с трудом сдержался, чтобы не застонать:

– Я еще не женат.

Продолжая «расследование», он с улыбкой спросил:

– Но ведь есть кто-то на примете? Студенты без этого не живут.

Я отвернулся, будто не слышал его вопроса. Не дождавшись ответа, он вышел.

Я облегченно вздохнул. Но не успел я отдышаться, как он вернулся. Я боялся, что вопросы начнутся снова.

– Мурад, вы спрашивали о лошадях. Идите посмотрите! Покормим их.

От наших голосов, по-видимому, проснулся еще один мужчина, который, сдвинув с головы одеяло, несколько раз кашлянул.

Мой собеседник повернулся к нему и сказал:

– Сергей Петрович, подъем!

– Давно встал, Мирза? Который час? – поднимаясь, спросил Сергей Петрович.

– Уже семь, – ответил Мирза.

Я надел спортивный костюм, натянув капюшон, и вышел с Мирзой из палатки, чтобы дать лошадям корм.

Когда, накормив лошадей, мы вернулись в лагерь, Сергей Петрович и остальные делали зарядку. Юрий Борисович, несмотря на внушительные габариты, бегал вокруг лагеря. Мирза разжигал огонь в печи. Из стоявшей чуть поодаль палатки вышли две девушки и стали что-то готовить. Одну из них звали Нина, другую – Света, обе, студентки геологического факультета ташкентского политеха, были направлены для прохождения учебной практики. По собственному желанию девушки отправились в длительную горную геологоразведочную экспедицию. Сопровождавший нас Мирза, выпускник российского геологоразведочного техникума, был уроженцем соседнего кишлака и работал младшим геологом в Термезской экспедиции при Министерстве геологии. В его обязанности входило складывать найденные в зоне поиска образцы в специальные мешочки, завязывать их шпагатом, нумеровать и записывать, где была взята порода. Кроме того, Мирза должен был ухаживать за лошадьми, а когда члены экспедиции отправлялись на поисково-разведывательные работы, следить за лагерем, чистотой, готовить завтраки и через день привозить из сельского магазина хлеб, масло и другие продукты. Девушки помогали ему. Отряд состоял из десяти человек: трое сезонных рабочих, пятеро геологов и две практикантки – Нина и Света. Нам, рабочим, приходилось в указанных геологами местах брать пробы, отбивая их кирками и большими тяжелыми молотками, или прорывать в расщелинах скал ямы и бороздки.

Геологи отбирали из камней нужные, внимательно разглядывая каждый, в случае необходимости разбивали их молотком, изучали через лупу.

Нужные образцы укладывали в мешочки, записывая на клочке бумаги породу камня или минерала. Работа была тяжелой. Когда темнело, мы складывали собранные образцы в переметную суму, грузили на лошадей и возвращались в лагерь. В горах было прохладно, но к полудню солнце припекало, и мы, периодически увлажняя одежду водой, продолжали работать. Время от времени с высоких ледников задувал холодный ветер,

и тогда мы мерзли. Панорама гор была чарующей. Под нами – изумрудные заросли можжевельника, стремительная вода в ручье сверкала на солнце, рассыпаясь голубыми искрами. Несмотря на утомительную работу, вечером мы возвращались в лагерь в хорошем настроении. Войдя в палатку и буквально распластавшись на раскладушке, испытывали ни с чем не сравнимое блаженство. Все косточки ныли, мышцы расслаблялись... После короткого отдыха силы возвращались вновь.

Уже через неделю все сроднились, перешли на «ты», шутили, в субботу и воскресенье после завтрака играли на площадке возле лагеря в волейбол, по вечерам сидели у костра и разговаривали. Фархад играл на гитаре, девушки пели.

Но воспоминания, связанные с Шарофат, продолжали беспокоить. Иногда, даже сильно устав за день, я не мог уснуть, вспоминая увиденное в ее комнате. И тогда весь следующий день шумело в голове, словно меня оглушили.

Я часто помогал Мирзе привозить продукты из сельского магазина. Однажды он сказал: «Мурад, вот ты не женат. Посмотри, какие красивые Света и Нина! Выбери кого-нибудь из них. Особенно Нина – красивая, жизнерадостная!» Я промолчал. «Как жаль, что я немолод! Будь на твоём месте, закрутил бы роман с Ниной», – Мирза засмеялся и хлопнул меня по плечу. Его слова разозлили меня. Странно, мужчина, каждый день говорящий, что скучает по жене и детям, с вождением поглядывает на Нину. Однажды, возвращаясь из магазина, мы увидели Свету и Фархада, идущих к ручью, держась за руки. Мирза не преминул крикнуть: «Фархад, береги Свету! Ты за нее головой отвечаешь!» Фархад отмахнулся от него: «Не волнуйся!» Света засмеялась, и они, так и держась за руки, побежали к ручью.

– Видел? – Мирза указал на Фархада. – Сразу охомутил Свету. А ты рохля. Окрути Нину, а то ее подцепит Султан!

Фархад и Султан, как и я, наемные сезонные рабочие. Фархад, студент института физкультуры, подрабатывал во время летних каникул. Ташкентец. Высокий, веснушчатый. Баскетболист. Султан – из Чирчика, он после первого курса геолфака устроился в экспедицию на время каникул под предлогом получения навыков будущей профессии, на самом же деле – чтобы подзаработать. Рабочим геологоразведки хорошо платили, да еще на питание и за пустынные условия была надбавка. Султан – стройный, образованный, воспитанный.

В тот день, когда мы вернулись из магазина, Нина читала книгу за длинным столом под навесом, Султан тоже был чем-то занят.

– Видишь? Завлекает ее, – подмигнул мне Мирза.

Увидев нас, Султан подошел.

– Ну как, получается? Не лучше ли вам прогуляться в сторону ручья? – подмигнул Мирза, кивая головой на Нину.

– Не соглашается, – с легким вздохом произнес Султан. – У нее есть парень.

– Какая досада! – деланно посочувствовал Султану Мирза. – Не расстраивайся, в Ташкенте много девушек. Найдешь себе.

Я спросил Нину, что она читает.

– «Собор Парижской богородицы» Гюго.

– Ну и как, нравится? – поинтересовался я.

– Тяжелая, печальная, – вздохнула она.

– Я тоже читал. Хорошее произведение, – сказал я.

Я спросил, не привезла ли она еще что-нибудь, на что Нина ответила, что в ее чемодане книги Александра Ширванзаде, «Американская трагедия» Драйзера и другие.

– Здорово! Целая библиотека! И когда ты успеешь все это прочитать?

– Я быстро читаю, – ответила она.

– Дай и мне что-нибудь, я ничего не захватил.

Она вынесла из своей палатки «Американскую трагедию» и «Избранные произведения» А. Ширванзаде. Первую я уже читал, поэтому выбрал Ширванзаде. Султан бросил на меня недобрый взгляд.

Я, не отрываясь, увлеченно читал, когда меня окликнул Сергей Петрович:

– Эй, читатель! Уже стемнело. Глаза испортишь!

– Немножко осталось. Дочитаю, – сказал я.

Заканчивая читать повесть «Намус», я почувствовал, что настроение портится: описанная в произведении трагедия, произошедшая из-за лжи, расстрожила меня. Вспомнилась Шарофат. Снова нахлынули сомнения. В памяти вновь всплывали язвительные замечания Равшана и намеки Сабира... Во сне я увидел Шарофат и резко проснулся. Поняв, что не засну больше, вышел из палатки. Вокруг тишина. В небе плывет полная луна. Где-то ухает сова, вдали слышится ржание лошадей, внизу журчит ручей... «Что сейчас делает Шарофат? Почему приснилась? Здорова ли?» – терзался я.

С Ниной мы разговаривали о книгах, о героях произведений. Я чувствовал, что это злит Султана. Однажды я сказал Нине:

– Султан неравнодушен к тебе.

Нина, пожав плечами, засмеялась:

– Ничем не могу помочь.

– Почему? Он хороший парень. Симпатичный. Будущий геолог, как и ты.

– Я не говорю, что он плохой. Но у меня есть парень, – сказала она со свойственной русским людям прямоотой. Оказывается, она учится в одной группе со своим другом Николаем. Сейчас он проходит практику в Байсунском отряде. Перед практикой они поссорились, и Нина перешла в другой отряд, но каждый день ждала Колю, злилась, что не приезжает.

Перед окончанием практики Коля, наконец, приехал, чтобы забрать Нину. Это было в воскресенье. Мы, прогуливаясь, разговаривали с Ниной о Николае, она клялась, что даже не взглянет на него, если тот приедет. Когда мирно беседуя, мы спустились с холма, вдалеке показались два человека. Вглядевшись, Нина залилась краской, глаза ее засияли, она вскрикнула:

– Он идет! – Нина вскинула руку и изо всех сил закричала: – Коля!

Шедшие остановились. Один из них замахал руками:

– Ни-на!

Они бросились навстречу друг другу...

Нина прильнула к Коле. Лица их пылали, глаза искрились радостью.

– Познакомьтесь. Это Коля, – представила друга Нина. – А это Мурад. Мы работаем вместе, он журналист.

– Рад познакомиться, – искренне сказал Коля, протягивая руку.

– Я слышан о вас, – пожал я предложенную руку. – Почему вы заставили Нину скучать?

– Она же сама сказала: «Не приходи! Видеть тебя не хочу»! Даже сегодня я шел с опаской, боясь, что прогонит», – засмеялся он. – Слава Богу, хорошо встретила.

Нина была вне себя от радости. Когда, собрав вещи, она вышла из

палатки, я передал ей рукописи четырех написанных здесь рассказов для редакции газеты «Вечерний Ташкент».

После отъезда девушек лагерь опустел. Я испытывал глубокое уважение к Нине. Султан расстроился, ходил мрачнее тучи, несколько дней ни с кем не разговаривал. Мирза сказал, что парень ранен в самое сердце.

Дни шли за днями, начался сентябрь. «Наверное, Шарофат уже приступила к учебе! Чем она сейчас занимается? Почему я все время думаю о ней? Почему не могу забыть неверную? Я ведь собственными глазами видел, как она прильнула к плечу постороннего парня!» – постоянно размышлял я. Мои грустные мысли развеял разговор с Юрием Борисовичем.

Юрий Борисович съездил в Ташкент, в министерство, по делам. На следующее утро после завтрака он отозвал меня в сторонку и протянул лист бумаги: «Это твое. Ты оставил в отделе кадров». Это была выписка из судебного решения о снятии судимости, я забыл ее в отделе кадров, оформляясь на работу. Я поблагодарил начальника экспедиции, а он спросил:

– Может, расскажешь, что случилось? Не верится, что ты сидел в тюрьме.

Не зная почему, я рассказал Юрию Борисовичу обо всем случившемся, не скрывая истории с Шарофат, почувствовав после этого некоторое облегчение.

Услышав о моих злоключениях, Юрий Борисович помолчал, затем пристально посмотрел мне в глаза:

– Мурад, по твоим словам, Шарофат неплохая девушка. Смотри не ошибись! Молодой человек, которого ты видел, мог быть ее близким родственником, к примеру, братишкой или другом. Раз она учится в консерватории, то, естественно, должна петь, в том числе и дуэтом. Она должна репетировать. Почему ты думаешь о плохом? Ты ведь видел только, как они поют вдвоем. И что? Справедливо ли обвинять Шарофат, ни в чем не разобравшись? Почему не спросил ее, кто этот парень? Убежав, ты поступил неправильно. Те, кто дурно говорил о Шарофат, может, просто наговаривают. Я не прав?

Он ждал ответа, а я, уставившись в землю, размышлял. Не дождавшись реакции, он сам ответил на свой вопрос:

– Такие вещи случаются в жизни. Вот посмотри на Сергея Петровича! Поверив клевете, он ранил ножом жену. Два года отсидел. А жена была не виновата. Выписавшись из больницы, она сразу стала бегать по судам и с трудом вытасила мужа из тюрьмы. Куда она только не обращалась, каких только унижений не вынесла!

Рассказ Юрия Борисовича озадачил меня. Может, я тоже клевете поверил? Смутное беспокойство усилилось, сердце терзали противоречивые мысли: с одной стороны, хотелось думать, что Шарофат невиновна. С другой – я ведь видел все своими глазами, и слова Сабира и Равшана о том, что артисты редко бывают верными, тоже справедливы! «Это не клевета! Шарофат – неверная! Шарофат – неверная! Неверная!» – стучало в голове.

А потом я вдруг возражал себе: «Но ведь Коля верит Нине, хотя она работала в отряде среди мужчин? Она не сделала ничего недостойного, ни на кого не заглядывалась... Тот же Султан разве плохой парень? Сколько он бегал за ней?! Даже не взглянула на него! Не предала Колю. Когда он пришел, мы с Ниной прогуливались. Он же не приревновал ее ко мне!? Почему же я не верю Шарофат?» Но на смену попыткам оправдать Шарофат вновь приходили сомнения: «Не сравнивай себя с Колей. У русских по-другому, они прощают друг друга... Да, но за какие грехи нужно было прощать Нину? Однако, сколько бы

я ни думал, проклятая ревность не отпускала, но и Шарофат из сердца вырвать я тоже не мог...

Султан тоже вернулся в Ташкент.

В отряде нас оставалось шестеро, работали же за десятерых. Дни стали короче, производительность труда снизилась. К концу сентября заметно похолодало. Юрий Борисович и Гафур Салимович привезли с термезской базы треста геологии теплую одежду, кошму для утепления палаток, ватные одеяла, обувь и чугунную печку. Мы поставили ее в большой палатке и переселились туда. Из-за холодов не удалось завершить даже половину запланированного.

Так прошла и зима. В середине апреля Юрий Борисович отправил нас с Мирзой в Термез, чтобы привезти с базы кирки, молотки и другие инструменты. Когда мы уже собирались сесть в автобус, на остановке я увидел Фариду. Он, как всегда, куда-то спешил, держа в руках свой большой портфель.

– Кого я вижу! Мурад, ты ли это? – обнял он меня. Рассказал, что приехал в Термез по заданию редакции, спросил, почему так давно меня не видно, сообщил, что читал мои рассказы.

– Неужели опубликовали? – не мог скрыть я радости.

– Зухра-опа подготовила к публикации. А ты до сих пор не видел?

– Нет. А какие?

– «В отрогах Гиссара» и еще два других коротких рассказа, – он обнял меня за плечи. – Эх, дружище! Что ты здесь делаешь? В Ташкенте все ищут тебя. Девушки спрашивают, совсем Зухре-опе голову заморочили.

Я очень обрадовался встрече с Фаридом, от новостей, которые он поведал, словно светлее стало, я воспрял духом и стал гадать, какие же девушки спрашивали обо мне. «Это Шарофат! Безусловно, Шарофат! Неужели?» Радость переполняла меня.

– Ты не очень спешишь? Давай посидим, поговорим, – не хотелось расставаться с Фаридом, хотя мне казалось, что он, как обычно, торопится. Но он засмеялся в ответ:

– Я же нашел тебя! Куда теперь спешить?

Мы отправились в чайхану рядом с остановкой. Был только апрель, но воздух основательно прогрелся. Фарид отер носовым платком пот с лица:

– В Ташкенте прохладнее. А в Термезе настоящее пекло.

Я рассказал Фариду обо всем, что пришлось пережить. Он слышал, что я был в тюрьме, но деталей не знал. Осенью прошлого года, по словам Фариды, в газете «Вечерний Ташкент» вышел мой большой рассказ «В отрогах Гиссара», намеревались опубликовать в следующем номере еще два небольших. Стали меня искать, позвонили Зухре-опе, но она знала лишь то, что рассказы принесли в приемную две девушки-студентки. После публикации рассказов несколько человек приходили в редакцию и спрашивали обо мне. Выслушав мою любовную историю, Фарид не без иронии заключил:

– Значит, решил уйти из мирской жизни? – и, сделав глоток чая из пиалы, продолжил: – По-моему, ты поступил по отношению к Шарофату несправедливо. Ну и что из того, что она пела? Певица и должна петь, – сказал он, повторяя слова Юрия Борисовича, будто он слышал его. – Тебе как можно скорее надо вернуться в Ташкент и восстановиться в университете.

По пути в Термез я захватил с собой написанные в экспедиции рассказы и статьи о горных впечатлениях, чтобы Фарид передал их Зухре-опе. Фарид сказал, что сначала прочитает сам, а затем уж доставит, если надо будет, в издательство. Мы тепло попрощались. Он повторил, что я должен как можно

скорее вернуться в Ташкент и обязательно помириться с Шарофат.

В Ташкент я решил вернуться в конце лета. В Термезе, в тресте, меня ждали несколько писем от отца. Он был обижен, обвинял меня в том, что я долго не давал о себе знать, писал, что я должен поскорее вернуться домой, что мама каждый день плачет, ждет меня и согласна, чтобы я женился на ком угодно. В толстом конверте от Фариды были газетные вырезки с моими рассказами и гонорарные квитанции. Фарид шутивно писал, что в Ташкенте все с нетерпением ждут моего возвращения. Два длинных письма было от Аваза. Он обвинял меня в глупости, в отсталых феодальных взглядах, в том, что заставил Шарофат страдать. Рассказал, что Шарофат потеряла сознание, когда я назвал ее «неверной», а в комнате тогда у нее был племянник Анвар, который учился в музыкальной школе.

Я вспомнил о скорой, стоявшей в ту ночь у общежития.

Аваз сообщал, что у Шарофат после того случая пошаливает сердце. «Шарофат, прости меня, дурака!» – хотелось кричать мне. Вот бы полететь к ней прямо сейчас! Если бы в этот момент она была рядом, я бы кинулся ей в ноги и умолял о прощении. Простит ли она меня?

Я бросился на железнодорожный вокзал, потому что до отправки поезда оставалось совсем немного времени. Перебегая улицу, вдруг почувствовал, что на меня что-то обрушилось...

* * *

Открыв глаза, увидел, что лежу на кровати в просторной комнате с большими окнами и белыми стенами. Левая нога подвешена к каким-то креплениям.

Все тело ломило, локти саднило. Я начал вспоминать, что случилось. Почему-то показалось, что у меня сломана правая нога. С опаской пощупал, пошевелил ею. Все, слава Богу, на месте. До февраля пролежал в травматологии Термезской областной больницы: перелом левой ноги в двух местах. Первая операция была неудачной, кости сместились. Вызванный из Ташкента врач провел операцию вторично. Выздоровливал долго. Домой приехал только в конце февраля. Кость еще не совсем срослась, время от времени напоминал о себе болью вставленный в место перелома металлический стержень. Поэтому, передвигался на костылях, стараясь оберегать больную ногу.

На улицу я выходил редко, стесняясь людских пересудов: «Смотрите, отсидел, вернулся калекой, исключен из института, где-то бродяжничал»...

Однажды мать завела разговор: «Ты, сынок, до сих пор один. Твои сверстники уже женаты, с детьми. Я тоже хочу увидеть внуков. Женись на ком хочешь, я согласна, – и, чуть помолчав, добавила: – А твоя колдунья, с тех пор как ты пропал, в кишлаке не появлялась. Может, уже замуж выскочила?» Ее слова, словно стрела, пронзили сердце... Каждый день, каждый час я ждал весточки от Шарофат. Кто бы ни зашел к нам, я жадно внимал каждому слову: а вдруг сообщит что-нибудь о Шарофат? Но Аваз и Саера в это время учились в аспирантуре в Москве, а больше о Шарофат спросить было не у кого.

Однажды, мама печально сообщила:

– Твой друг Равшан умер.

– Равшан?! – переспросил я, пораженный. – Когда? Как?

– В Ташкенте пьяным попал под машину.

– Неужели?

– Люди говорят. У бедняги молодая жена и трое детей остались, –

сочувственно сказала мама.

Какую бы неприязнь я ни испытывал к Равшану, новость меня огорчила. Я представил, каково сейчас его жене с малолетними детишками!

Когда потеплело, я стал ходить, опираясь на палку. Временный протез на колене мешал сгибать ногу, а металлический стержень не позволял свободно двигаться. Их нужно было удалять. В первый же день, как я отложил костыли, в сумерки, опираясь на палку, скрываясь от односельчан на темной стороне улицы, я отправился к дому Шарофат.

Перед воротами ее дома сердце бешено заколотилось. Заперто. Но над воротами горит фонарь. Я уселся под деревом на противоположной стороне улицы и долго сидел, размышляя: «Где сейчас Шарофат? Она закончила учебу в прошлом году. Интересно, чем она теперь занимается? Может, уже замужем? – от этой мысли я даже вздрогнул. – Нет, не может быть!»

Во дворе пиллахоны¹ неподалеку из громкоговорителя на столбе раздавалось душераздирающее пение.

Песня о страданиях израненного сердца отозвалась в потаенных уголках души. Я вновь направился к воротам дома Шарофат. Фонарь уже не горел. Спят, наверное... Я подошел к воротам и заглянул в шель, потянул дверную ручку – заперто. Погасли уличные фонари, кишлак погрузился в темноту. А на душе было еще темнее, хотелось навзрыд плакать. Возвратившись домой, я потихоньку прошел в свою комнату, бросился на кровать, закутался в одеяло и крепко закрыл глаза, изо всех сил призывая спасительный сон, но... сна ни в одном глазу... Вместо него я погрузился в бескрайний океан воспоминаний. Вспомнились детство, то счастливое время, когда я узнал Шарофат...

Перевод с узбекского Галины Рахматуллаевой.

Галина РАХМАТУЛЛАЕВА. Родилась в 1946 г. Окончила ТашГУ (ныне НУУз). Кандидат исторических наук, доцент кафедры узбекского и русского языков УМЭД. Автор ряда учебников, учебных пособий для школ, лицеев и вузов, научных и публицистических статей, стихотворений и рассказов. Член-корреспондент АПСН (Москва).

¹ Пиллахона – приемный пункт коконов.

ПОМНИШЬ, БРАТ?

Борис ГОЛЕНДЕР

Год тысяча девятьсот семнадцатый выдался в Ташкенте чрезвычайно богатым на самые разные большие и малые события. Кто бы мог еще недавно подумать, что такое вообще возможно: ташкентцы жгут жандармское управление...

Нельзя сказать, чтобы в столице Туркестана когда-нибудь особо свирепствовали ненавистные народу «синие мундиры». Но либеральная дальняя окраина Российской империи хорошо помнила смелые слова Константина Петровича фон Кауфмана, сказанные Его Императорскому Величеству в угловом кабинете Зимнего дворца: «Я могу согласиться принять пост начальника создаваемого Туркестанского края, если в крае не будет охраны». И император пошел навстречу категорическому требованию заслуженного боевого генерала. Туркестан стал чуть ли не единственным местом в России, где не было жандармов. Только через сорок лет после исторической беседы Александра II с первым туркестанским генерал-губернатором «синие мундиры» все-таки обосновались в Ташкенте, да и то это случилось исключительно из-за напугавших правительство событий 1905 года.

А через десять лет пьянящий ветер свободы уже картинно раздувал огонь в подоженном митингующими горожанами здании Туркестанского жандармского управления на углу Кауфманского проспекта и Жуковской улицы. В пламени пожара горели многочисленные доносы филеров, журналы негласного наблюдения за инакомыслящими, картотеки и личные дела, заведенные здесь на нелояльных жителей Ташкента. Часть этих бумаг разбросана вокруг, любопытствующие подбирают и читают секретные листки – всю ту бумажную дребедень, которая очень даже могла исковеркать судьбы многих людей...

Длительное отсутствие охраны, надо отметить, вовсе не повлияло на превращение Туркестанского края в важнейшее место ссылки всех недовольных режимом, тем более что отсюда убежать практически было невозможно, не то, что, скажем, из Сибири. Как метко отметила популярная современная

Борис ГОЛЕНДЕР. Краевед, писатель. Автор книг по истории и культуре Центральной Азии («Окно в прошлое», «Мои господа ташкентцы», «Ташкент. Шедевры Центральной Азии», «В этом городе камня и солнца», «Вечный свет куполов», «Polonia Turkestaniana», «Немецкий след в Узбекистане XV–XX вв.»), многочисленных сценариев научно-популярных фильмов.

писательница в своем романе о Ташкенте, этот город стал настоящим «прибежищем для озябших, голодных и гонимых, для усталых разбойников, для раскаявшихся губителей, для затаившихся палачей, для доживающих жертв». Этот многоликий Ташкент всегда интересовал меня, десятилетиями я выискивал свидетельства и документы, проливающие свет на сложную, неоднозначную и малоизвестную историю становления Туркестанского края, в которой были замешаны разные судьбы и разные народы.

Из чудом уцелевшей пачки полицейских документов сожженного Туркестанского жандармского управления, взятых кем-то на память, попало неисповедимым путем в мою коллекцию «Ташкентская старина» несколько документов, в том числе любопытная учетная карточка «политически неблагонадежного» за №21.

На картоне строго стандартного размера вклеен портрет молодого человека с одухотворенным лицом, подписанный «Жолондз Боня», здесь же образец почерка, агентурная отметка: *«находился в тесной связи с Борисом Першиным»*. Известно, что Першины играли важную роль в нелегальных кружках социалистов дореволюционного Ташкента. Следовательно, Боня Жолондз был под постоянным негласным наблюдением жандармов.

Жолондз, Жолондз... Я уже где-то встречал такую запоминающуюся фамилию, может, среди многочисленных авторов литературных произведений, печатавшихся в ташкентской прессе двадцатых-тридцатых годов XX века?

Вы обращались когда-нибудь к оригиналам наших газет и журналов того времени? Совершенно незабываемое впечатление! Дух эпохи, особенно выпукло проступающий во времена полного перехода прессы под надзор революционного бескомпромиссного государства, молодость нашей журналистики, графики и фотоискусства, новаторские рисунки С. Мальта и Усто Мумина, фотографии М. Пенсона, очерки Леонида Соловьева... Да, я не ошибся. Безусловно, заинтересовавшую меня фамилию следовало искать на пожелтевших и истрепанных страницах узбекистанской прессы двадцатых годов. Вот только занятие это весьма трудное. Наши библиотеки, даже самые лучшие, «национальные и фундаментальные», до ужаса скудны, сохранили очень мало подобного рода печатных материалов. Оставалось надеяться на частные собрания и на удачу. И мой поиск затянулся на много лет. Но однажды...

Прелестная владелица чиланзарского букинистического магазина «Алифбо-зиё» со звучным арабским именем Хабиба знала, что меня интересует старая узбекистанская пресса, и всегда вызывала меня, если магазину предлагали соответствующий материал. Так мне достался десяток разрозненных номеров журнала «Семь дней», что в конце двадцатых годов XX века выходил в качестве еженедельного иллюстрированного приложения к газете «Правда Востока». Там я и нашел, наконец, искомую странную фамилию Жолондз. В одном из журналов «Семь дней» (№12 за 1929 год) был помещен большой критический очерк о литераторах Ташкента «Молодняк растет». Автор очерка – член совета ТАПП (Ташкентской ассоциации пролетарских писателей) Е. Резцова выделяет среди своих современников – молодых поэтов – всего несколько имен, в первую очередь, некоего Марка Жолондза и Светлану Сомову, известную впоследствии ташкентскую поэтессу. Е. Резцова в обстоятельном обзоре творчества молодых поэтов отмечает:

«Стихи Жолондза интересны прежде всего своеобразным подходом к теме. В сущности, основная тема у него одна: будни нашего строительства. Но не о "социалистическом строительстве вообще", а о маленьких участках

этой стройки говорит Жолондз. И в этом его сила. Радио, рабкорство, ликбез, оборона страны – все эти линии нашего роста Жолондзом показаны на мелких жизненных примерах, на живых людях...

Жолондзу грозит некоторая опасность; способный к быстрому и легкому оформлению взятой темы, но имея за плечами совсем еще скромный литературный багаж, он уже теперь порой позволяет себе роскошь небрежности в литературной работе. Неудачное выражение, “нескладная” строка, для исправления которой следовало бы, в сущности, только лишние пять минут подумать; перепев и повторение отдельных выражений, словечек, рифм – из своих собственных вещей; однообразии в ритме – все это тревожные симптомы, на которые поэту необходимо обратить серьезное внимание, если он хочет творчески расти. Данных же для дальнейшего роста у него, несомненно, предостаточно».

Удалось мне разыскать и напечатанное в одном из последующих номеров еженедельника «Семь дней» стихотворение Марка Жолондза «Мирные окопы», которое стоит того, чтобы процитировать его полностью.

Небо свесило черные кудри,
Наклоило серьезно лицо.
Очень пыльной известкой пудрить
Хочет месяц резьбу над крыльцом.

Я жалею, конечно, и очень,
Как, пожалуй, не всякий бы смог,
Что тогда, в пулеметные ночи,
Жил мальчишеский год восьмой.

Это нынче так просто-спокойно,
Это нынче улыбка в глазах...
Помнишь, брат, как циклоном конным
Стаи пух отгоняли назад?

Только знай, – наши дни не тише,
Наши дни – это выстрелы вновь.
Можно новые битвы слышать
В клубах, в школах и у станков.

Помнишь студень простуженных глоток,
Промороженный кашель и вдох,
Напружинивавшийся клетчат,
Пух летающих холодок?

Были битвы – и ты пружинил
Крепость мускулов и зрачков.
В наших битвах пера и машины
Повториться опять готов.

Прошумело. Застыло. Недаром
Без «вчера» и «сегодня» нет!
Без проснеженного загара
Не пришли бы к спокойной весне.

Нет охрипших простуженных глоток
И в душе вечно юный пыл:
И романтика пулеметов,
И пера, и машины быть.

Небо свесило черные кудри,
Наклоило серьезно лицо.
Очень пыльной известкой пудрить
Хочет месяц резьбу над крыльцом...

Вот такой красноречивый поэтический документ эпохи. И перед нами два Жолондза, два ташкентца с такой редкой фамилией, несомненно они из одной семьи. Марк и Боня Жолондзы – два участника причудливой истории Ташкента XX столетия, один – политически неблагонадежный гражданин на окраине Российской империи, другой – даровитый поэт, успешно создающий стихи на русском языке в русле литературных течений и веяний своего времени.

Но фамилия Жолондз, конечно же, не русская, а польская.

Откуда поляки в Туркестане? О, это давняя история.

Ко времени присоединения Туркестана правительство Российской империи не доверяло полякам, своим подданным в западных губерниях – особенно после восстания 1863 года. Множество поляков тогда было репрессировано, даже лояльных граждан польского происхождения, в том числе обер-офицеров, генералов, крупных чиновников старались чаще всего удалить, направляли служить куда подальше, например, в туркестанские владения. Так в Туркестане во второй половине XIX века образовалась значительная польская католическая община. Городской ирригацией в Ташкенте заведовал некто Юрий Бонч-Осмоловский, директором коммерческого училища был Валериан Дунин-Барковский, Туркестанским таможенным округом руководил Антон Губаревич-Радобыльский, а главную почтовую контору возглавлял Болеслав Закржевский, математику в реальном училище преподавал Ярослав-Мариан Аугулис-Аугулевич – и так, одна за другой, – множество польских фамилий. Среди заслуженных туркестанских генералов и обер-офицеров фамилии Ржепешких, Повало-Швейковских, Можай-Можаровских. В Ташкенте служил судья из прославленного рода Чарторижских, а в туркестанском управлении земледелия и государственных имуществ можно было видеть некоторые документы, подписанные чиновником с именем последнего польского короля – Станислав Понятовский!

Завидуя видному положению поляков в туркестанском обществе, некоторые великодержавные националисты, пытались на их счет вводить в заблуждение власть имущих. В числе других ложных обвинений известный авантюрист, ташкентский купец первой гильдии Александр Громов, в своем доносе 1892 года так писал военному министру, пытаясь очернить сосланного в Туркестан члена царствовавшей династии великого князя Николая Константиновича:

«...По проискам поляков, которые в Туркестане устроили себе новую отчизну, меня постигло несчастье; им удалось добиться объявления моей несостоятельности и захватить даром по отмеченным и безденежным документам мое и моей жены имущество. Этим постигшим меня несчастьем хитро воспользовался великий князь Николай Константинович, чтобы завербовать меня к себе на службу.

Его Высочество стоит во главе всей польской партии, к которой принадлежит и немалая часть русских, и эта партия вскоре сломит все существующие ныне порядки в России... Каковы бы ни были мои взгляды на верность службы Престолу и Отечеству, подобно тому как они завербовали многих других лиц, они хотели проделать это тем же путем и со мной...»

Вздорные обвинения не подтвердились. Наоборот, была отмечена положительная роль польской диаспоры в деле развития Туркестанского края. И кто знает, не послужило ли это в дальнейшем выдаче правительственного разрешения на католическое богослужение в Ташкенте, а затем и на строительство костела?

ПОРТРЕТ

Рассказ

Александр БИРШТЕЙН

Дождь колотил в окно так, словно его рогатка сделана из родительских подтяжек. Да-да, когда-то в Одессе все толстые папы носили подтяжки. Почему нет? Да, и еще раз да, если все так носят. Но я не о подтяжках, а о дожде, хотя о подтяжках тоже хочется. Какие из них рогатки получались! Такая рогатка добивала из подъезда до окон мадам Берсон, которая аж с третьего этажа. Если попасть, конечно. Но с нашей квалификацией... Мы ж тренировались, правда, не очень долго на портрете лично первого секретаря обкома товарища Синицы. Портрет с палкой, чтоб его нести на демонстрации, оставил кто-то сознательный у входа в винарку типа бodega (винный погребок) прямо около двора. Ну, чтоб нам далеко его не тащить. Я вам скажу, что на чердаке портрет смотрелся куда лучше, чем в колонне празднующих на всю голову солидарность после двух стаканов смеси и одной конфеты-подушечки.

Надо сказать, что мы ничего против товарища Синицы не имели. Почти наш человек. Летом любил сидеть у себя на балконе в домике на Приморском бульваре и балабонить с прохожими о международном положении с точки зрения марксизма и нехороших слов. Прикинут он всегда был в полосатые пижамные штаны, с подтяжками, конечно, и майку сеточку.

На портрете, правда, он был в пиджаке и галстуке. Мы даже засомневались, он ли? Короче, доставили мы портрет на чердак и устроили себе международные соревнования по стрельбе. Спортсмены, болельщики – все на чердаке, короче, во дворе наступил тихий час, да такой, что граждане испугались. С непривычки, конечно. Ну, и начали выступать на тему «Где наши цветы жизни?» Это мамыши. А папаши обсуждали шкурную тему «Где наши подтяжки?»

И только бывший фронтовой разведчик, наш участковый, оценив повальную миграцию котов и голубей с чердака, повел родительскую коду

Александр БИРШТЕЙН. Автор более десяти книг прозы и двух книг стихов. Его пьесы идут в театрах. Лауреат премий «Сетевой Дюк» и «им. К.Г. Паустовского». Имеет шесть дипломов международной книжной ярмарки. С 1978 по 1996 гг. работал на газопроводах Средней Азии, в основном, в Хорезме.

за собой на чердак. А там...

К тому времени портрет Синицы напоминал дуршлаг. Расстрелянный из рогатки первый секретарь обкома... Политический процесс обещал стать крупнейшим событием года. Но...

Ой, вспомнил, я же о дожде! О сильном, мощном дожде, который колотил в окно... Да-да-да, как выстрелы из рогаток, сделанных из отцовских подтяжек.

А папа мой был худой-прехудой. И подтяжек у него не было. Был ремень. Славный ремень, который надежно держал на месте папины брюки и никогда – ей-богу, не вру! – не касался моей попы. Только, умоляю, не подумайте, что я был пай-мальчиком и не давал ремню никакого шанса. Увы, даже ради внуков я не совру, что это было так. Поводов хватало. Но когда-то, придя, наверное, в умиление от маленького, полненького херувима с золотыми кудряшками, папа постановил: воспитывать только разговорами!

Как часто он жалел о некстати вырвавшихся словах! А как страдала мама, соприкасавшаяся с соседскими жалобами гораздо чаще! И я гордо стоял в углу, расколотив вдребезги нелюбимой соседке все три окна, причем не из рогатки, как положено, а камнями. И это была не потеря квалификации, а суровая доля обделенного судьбой человека. Дело в том, что у меня не было рогатки. Нет, проволочные уродцы, стрелявшие пулями, имелись, но что это за оружие? Птиц и котов пугать, и то не сильно. Была среднемошная рогатка с резинкой от авиамодели. Но она могла разбить стекло максимум в бельэтаже. А настоящего, боевого, инструмента не имелось. Позор и унижение гнали бы меня по жизни, если бы... Если бы не нашлась девочка дивной красоты и ума. И если бы не спросила меня она:

– А почему ты не стреляешь?

– Нечем! – грубо ответил я. А потом посмотрел в ее полные слез глаза и добавил: – У моего папы нет подтяжек!

Это было трудное признание в нищете и убогости нашего дома. Но я не мог, понимаете, не мог солгать девочке с такими глазами!

– А у моего есть! Я тебе принесу! – произнесла она и бросила на меня торопливый взгляд. И это было больше, чем признание в любви! Ее слова прозвучали, как звонок на перемену.

Где та девочка? Вроде, в Америке...

О чем я? О чем? Все перепуталось в моей полуседой голове. Дожделивень, стрельба по мишени, красивая девочка, рогатка и участковый...

Хотя нет, участковый не перепутался. Вот он стоит перед глазами – участковый дядя Ваня – и решает труднейшую задачу: как отмазать десяток пацанов всего лишь младшего и среднего школьного возраста от колонии? Как отмазать, если вокруг столько народу? Как?

Мы стояли поодаль, как раз напротив окаменевших родителей. Стояли и ненавидели этого мента поганого, сорвавшего такие состязания. Но что-то и до нас стало доходить. Или мне кажется. Столько лет прошло...

Тишина стояла такая, что осмелевшие коты на мягких лапах стали пробираться на прежнюю вотчину.

Все застыло в неподвижности, и только пылинки, проникая через чердачное окно, веселились и танцевали.

Сколько это продолжалось? Может, всю жизнь? Да, именно, ибо и сейчас, когда жизнь пройдена далеко за половину, я помню, всем собою помню эти мгновения.

А дождь ослабел. Толстые, крупные капли шмякают по карнизу: шмяк, шмяк... Точно так же роняют свою радость на тротуар и прохожих грачи, облепившие все деревья на нашем квартале. Шмяк, шмяк и... негодующий крик пострадавшего.

Крик участкового был грозен и внезапен:

– Где, где взяли вы это дырявое чучело? – он сорвал нижнюю часть портрета, смял ее так, что никто и никогда не разглядел бы, не узнал пострадавшего.

– Вам бы уроки делать! Знания копить! А вы своими рогатками портите чердак и, возможно, крышу! Родителей оштрафую, рогатки конфискую! – яростно грозил он, словно не замечая светлеющие лица уже постаревших было родителей.

Но я же о дожде... Хотя... Где тот дождь? Он давно закончился. И можно накинуть на плечи старомодные подтяжки, пока спущенные по бокам, надеть крепкие, тяжеловатые, правда, осенние башмаки, взять зонтик и пойти гулять. Огорченно ловить свое отражение в лужах, слегка шаркать ногами и грозить зонтиком грачам, облепившим деревья на нашей улице и по-прежнему готовым осчастливить всех-всех прохожих.

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В БАЛЕТНОМ ИСКУССТВЕ

Инна ГОРЛИНА

Искусство – само по себе является могучим орудием сближения народов, так как оно обладает неограниченными возможностями познания и отражения психологии людей. Развитие национального искусства тесно связано с глубинным постижением национального характера, формирующегося под воздействием особенностей исторического развития нации, ее экономического строя, культуры, быта, обычаев и традиций, географической среды. Особенности национального характера, его психики проявляются специфически, преимущественно в эмоциональной и моторной реакциях на события и явления объективного мира.

Национальный психический склад отличается большой устойчивостью, однако на него активно воздействуют не только традиции и обычаи, но и новые явления, современный быт, не только историческое прошлое народа, но и его роль в современном мире. Эта закономерность отражает возникновение новых национальных качеств. Новые черты сочетаются с традиционными, образуя особенный, подверженный изменениям, сплав. Постоянное и широкое общение приводит к тому, что народы всё глубже узнают и лучше начинают понимать друг друга, активно взаимовлияя специфику восприятия и понимания мира.

Этот процесс взаимоотношений национального и общечеловеческого развивался и в хореографическом искусстве. За сравнительно короткий исторический период – восемь-девять десятилетий – произошло формирование и становление балетного театра в республиках, развитие и взаимообогащение многонациональной хореографии.

Хочется остановиться на двух спектаклях из репертуара балетного театра, в которых национальная тема за счет широкого обобщения перерастает в общечеловеческую. Анализ таких спектаклей, как «Горянка» и «Материнское поле», созданных разными национальными балетными театрами, вызывает интерес балетного искусства к раскрытию социально значимых тем, к инациональному материалу. Язык танца поистине общечеловеческий способ коммуникации: здесь нет языкового барьера, поэтому хореография –

Инна ГОРЛИНА. Балетмейстер, доцент Государственной академии хореографии, член Международного Совета по танцу CID - UNESCO. Автор многочисленных публикаций по вопросам балетного искусства.

один из самых интернациональных видов искусства.

Балет вышел за пределы господствовавшей некогда любовной тематики, обратился к социальной теме, потянулся к героике и патетике, вторгся в реальную жизнь, что естественным образом обусловило обращение балета к произведениям литературы. Так, в творчестве Расула Гамзатова, Народного поэта Дагестана, деятелей балетного искусства привлекла поэма «Горянка».

В «Горянке» драматически сталкиваются настоящее и прошлое. В горном Дагестане еще сильны законы адата. Против вековых обычаев, горького удела горской женщины восстает вчерашняя школьница Асият, бросая вызов старому миру, она хочет вырваться из него, пусть даже ценой собственной жизни. Музыка к балету, очень живописную по своему национальному колориту, с ярко выраженным драматизмом, с глубоким симфоническим развитием, изобретательной, оригинальной инструментовкой, написал дагестанский композитор Мурад Кажлаев. В основу партитуры были положены национальные мелодии различных народностей края, которых в Дагестане более сорока.

«Билет» в жизнь балет «Горянка» получил в постановке балетмейстера Олега Виноградова на сцене Кировского (ныне Мариинского) театра оперы и балета. Судьба горянки была близка и понятна женщинам Средней Азии, поэтому не случайно, что второе рождение балета состоялось на сцене Самаркандского театра оперы и балета¹.

Готовясь к постановке, балетмейстер дважды ездила в Дагестан, встречалась и беседовала с авторами Р. Гамзатовым и М. Кажлаевым, изучала танцевальное искусство Дагестана, знакомилась с этнографией этого сурового края, с его бытом, с искусством ремесел, которыми так славится Дагестан, встречалась с людьми, которые рассказывали о жизни и традициях края, гордясь тем, что к их Дагестану проявляют живой интерес и в России, и в Узбекистане, близком по своим традициям и обычаям. В Дагестане балетмейстер изучала фольклор, отыскивая в нем специфические образы, стараясь взять из жизни характеры, интонации, манеру народной пляски и претворить их в формы театрального танца.

Удачей спектакля явился образ Османа. Осман – внешне современный человек, но живет по законам прошлого. Пластически динамично раскрывается этот национальный характер, воплощающий точные национальные черточки: поворот головы, быстрый и острый взгляд, проходки Османа, его остановки, позы, его стремительные прыжки, когда он, как хищная птица, взлетал в воздух и внезапно падал. Этот настоящий горец – горячий и мужественный, самолюбивый и вспыльчивый. Он фанатически жаждал самодержавия, желая подняться над самим собой. И Осман не одинок, что подтверждают потрясающие сцены свадьбы с дивертисментом национальных плясок. Национальные танцы здесь не только дивертисмент, они несут смысловую и эмоциональную нагрузку, они нагнетают атмосферу насилия над человеческим достоинством и подводят к кульминации акта: бросая вызов старым законам, Асият на глазах всего аула срывает свадебные украшения, бросает к ногам Османа и бежит со своей свадьбой...

¹ Постановку этого балета осуществила балетмейстер Инна Горлина. Дирижер был Николай Кыличик, художник – Даврон Сафоев. Исполнители: Асият – С. Куватова, Осман – П. Филипповский, Юсуп – А. Геворгян, Али – И. Зуев, Салман – Ю. Кулов.

Наибольшую трудность представляло воплощение характера героини. Она вся в будущем (то есть тот тип человека, которой складывался в новом Дагестане), жаждет принести в горы радость новой жизни, чтобы женщины распрямились, стали людьми, получили профессию и знания – к этому направлены мечты и стремления Асият, за это она борется. Но суровы законы адата, законы гор: «только кровью можно смыть позор». Осман не смог подняться над этими дикими законами, он убивает Асият. Но Асият с её мечтами и стремлением к новой жизни – это сегодняшний день, его нельзя убить, потому что это и день завтрашний.

Национальное в спектакле – это не простой перенос обычаев и обрядов на сцену, а раскрытие внутреннего мира героев, их национального характера, своеобразия, воплощенное и в содержании, и в форме произведения. Поэтому понять, уловить, передать в художественном образе чудо проявления индивидуальности национального характера – задача подлинного искусства. И только сохраняя национальную неповторимость, искусство становится общепонятным, общезначимым, общечеловеческим. Отражение национального в искусстве динамично, оно изменяется, как сама жизнь, обуславливающая его.

Часто драматургия становится уязвимым звеном в балете. Но хорошая, высокохудожественная драматургия наделяет балет реализмом трактовки событий, насыщает социальным смыслом человеческие судьбы, позволяет воссоздать своеобразие характеров героев, способствуя созданию предпосылок для многолинейности действия и показа характеров в движении.

Другим показательным спектаклем является балет-оратория «Материнское поле» по повести Чингиза Айтматова – работа Киргизского театра оперы и балета. Прозу Ч. Айтматова роднит с балетом огромная сила обобщения, свойственная его произведениям: балет – едва ли не самый условный жанр, стремящийся к обобщениям без детализации. Пластические образы, как и музыкальные, носят обобщенный характер.

Очевидно, что для воплощения новых тем и образов, нового, современного, содержания необходимы и новые формы. Поэтому авторам балета-оратории «Материнское поле» стало тесно в рамках одного жанра. Чтобы развернуть эпическое полотно Ч. Айтматова, они прибегли к синтезу и создали новый жанр – балет-ораторию. И получился весьма удачный сплав танца, вокала и слова.¹

В «Материнском поле» «во весь голос» прозвучала тема подвига человека, идущего на любые лишения и жертвы во имя спасения Родины, во имя спасения Жизни. Весь балет – это гимн женщине-труженице, чьё мужество и труд приближали Победу. Поэтому жизнь киргизской женщины-матери предстает как обобщение всей человеческой жизни с её драматическими контрастами, со всей сложностью и вечной красотой, она близка и понятна людям.

Для дарования Ч. Айтматова характерна какая-то пронзительная всеобъемлющая сила; это свойство таланта сохранилось и в балете; среди действующих лиц спектакля не только люди, но и Млечный путь и сама Земля.

¹ Балет-оратория «Материнское поле» был создан на музыку киргизского композитора и дирижера К. Молдобасанова. Поставлен балетмейстером Ураном Сарбагишевым, оформлен художником Н. Золотарёвым.

Каждый акт начинается встречей и разговором скорбящей Матери Толгонай с Матерью Землём. Монолог Матери: «Сегодня ведь день поминовения, и я должна рассказать людям о времени, и о тебе, мое поле, и о себе, и о всей нашей жизни, и о судьбах человеческих.

Рассказать, ничего не скрывая и ничего не прибавляя ... Жизнь замесила всех нас в одно тесто, завязала в один узел. А история такая, что не всякий разберется в ней. Пережить её надо, душой понять. Трудно припомнить, сколько воды утекло с тех пор...»

Это героико-патриотический спектакль. Глубоко трагична судьба героев балета. И авторы, отказавшись от бытовых подробностей, исключительно средствами танца рассказывают о них, дают им музыкально-пластическую характеристику. Партитура К. Молдобасанова отличается драматической насыщенностью, в ней разнообразно и широко используются выразительные краски современного оркестра. В музыке балета-оратории ощущается стремление выйти за узконациональные рамки и в столкновении контрастных тем воплотить обобщенные образы человеческой трагедии и человеческого счастья.

Хореографическое решение спектакля отличается органичной музыкальностью пластической речи. Хореографию У. Сарбагишева отличает поиск новых форм, приёмов выражения жизни его современника на сцене. Важное место в балете занимают массовые сцены. Образ поля, на фоне которого происходит действие балета-оратории, доминирует над всем. Высокого художественного обобщения достигает танцевальная сцена «Жатва».

Одна из сильнейших по эмоциональному звучанию сцен – «Возвращение солдат с фронта». Радостно, трепетно ждут женщины своих дорогих воинов. Но в их аил возвращается лишь... один солдат. Три сына Толгонай и муж её погибли, остались на поле брани. Происходит страшная смена чувств – от радостных надежд – к зловещей очевидности горя, потерь. Трагической выразительностью человеческих рук, лица, всего тела передает кордебалет это неизбывное горе. И этот единственный солдат в своем пламенном монологе обращается к женщинам, призывая их к жизни, в которую ещё вернутся мир, счастье, любовь... Сквозь все трагические перипетии спектакль идет к мужественному, оптимистическому финалу.

Содержание этих балетов не только переживание и настроение, но и серьёзные раздумья о жизни...

Современная высококачественная, истинно художественная литература (поэзия Р. Гамзатова, проза Ч. Айтматова), обогащая не только национальное балетное искусство, но и весь балет в целом, принесла немало творческой радости и вдохновения хореографической сцене, обусловив стремление к постижению глубин национального характера, национального мировоззрения и мировосприятия, стремление передать все это в балетных образах. Бережное отношение к национальной хореографии в сочетании с высоким профессионализмом и овладением достижениями школы академического классического танца, обуславливает более высокий по духу уровень балетного искусства – общеинтересного, общечеловеческого.

РЕЦЕПЦИЯ КОМИЧЕСКОГО ПОЛИОБРАЗА У Ф. ДОСТОЕВСКОГО И М. ЗОЩЕНКО

Наталья ПЕТРУХИНА

В сложном и противоречивом историко-литературном процессе XX в. комическое приобретает значение универсального способа постижения мира и человека. Критики отмечают, что оно «актуализирует отношения между мышлением и действительностью». Рассматривая эстетический идеал в контексте общекультурного идеала, правомерно утверждать, что он становится фактором формирования «фонда преемственности» в мировой литературе и частью общекультурной системы развития того или иного культурного/литературного явления. Несомненно, полиобраз Достоевского как фактор формирования общекультурной системы феномена «юродства» в русской литературе XX века не мог не спровоцировать становления рецептивного поля для дальнейшего функционирования традиции. Особенно ярко специфика данного полиобраза «юродствующего сознания» с акцентацией на психотипе «маленького человека» представлена в творчестве такого самобытного писателя, как М. Зощенко, для которого комическое мышление становится концептуальным в познании действительности и в Личности, как призме познания действительности. Психологическое развертывание образа у М. Зощенко осуществляется как у Достоевского – в основе комизма лежит философия «игры», проявленная в поливариантной системе «масочных» разоблачений героя, раскрывающих множественность его психологических составляющих: шут/юродивый/игрок/маленький человек. Так выявляется истинность и ложность характеров героев. «Перевернутость» масочных проявлений образов передается на уровне психологических состояний героя при помощи метафорической образности, речевого портрета, сценических форм самопрезентации героя (фиглярство, каламбур, пародии, мимическая игра, пародирование и т.д.). «Карнавальная мир», как правило, обнажает реальный мир и тем самым вскрывает противоречия действительности.

Говоря о героях своих произведений как о «бедных людях», Зощенко, продолжая лучшие традиции русской литературы, имел в виду в первую очередь тип «маленького человека», открытый классиками (А. Пушкиным,

Наталья ПЕТРУХИНА. Доцент кафедры УзГУМЯ. Родилась в 1960 г. в Ташкенте. Окончила РПРЯиЛ (ныне УзГУМЯ) и аспирантуру при нем. Автор многочисленных литературоведческих статей и трех монографий по русской классической литературе и методике ее преподавания в вузе.

Н. Гоголем, Ф. Достоевским). В начале XX в. тип «маленького человека» трансформируется в результате общего эпохального духовного сдвига, отражающего нравственно-психологический кризис. Обозначенная Достоевским и выведенная как доминантная А. Чеховым как характерологическая черта, «мелкость» духовно-этического плана, по сути, становится основой для формирования на рубеже веков нового типа героя. На первый план выходит проблема «обывательщины», измельчания духа «маленького человека», потеря былых душевных качеств – умения сострадать ближнему, любить, творить добро, быть терпимым, способным к самопожертвованию. В творчестве М. Зощенко «маленький человек» обретает новые черты. Становясь синонимом понятию «обыватель», герои рассказов Зощенко занимаются устройством сносного быта, дерутся из-за ершика для чистки примуса, толпятся за номерками в баню, нервничают в магазинной очереди, трамвае, коммунальной квартире, судятся с соседями и родственниками. «Маленький человек» утрачивает «доброе сердце» и окончательно трансформируется в «мелкого человека», и критерием его оценки становится духовное обмельчание, а не социальная детерминация.

Развивая особое качество «карнавальности» Достоевского – создание «кризисного» хронотопа, в котором проявлено противостояние «маленького/мелкого человека» и толпы/мира (чаще это сценическое пространство залы, комнаты, площади с большим количеством зрителей /обвинителей/ смеющихся над «комизмом» одинокого шута), М. Зощенко концентрирует хронотоп в системе социума XX века (коммунальная квартира с присущими только ей способами выживания) особой системой мироощущения. Свообразие этого хронотопа разрушает традиционные понятия «дома» как особого места мира для души. В коммунальной квартире формируется ключевой концепт «совместного дома/жития» как прообраза новой идеологии века. Пространство, ориентированное на невозможность одиночества, гипертрофируется до духовного одиночества «в толпе». Эстетическая детализация этого пространства до уровня «бытовухи» создает его особую эмоциональную наполненность в чеховском ключе, раскрывающую психологию «сокровенного» или «асокровенного» в героях. Например, комнатка с занавесочкой, цветочком герани на окне определяет благоговейно-любовное отношение к каждой детали, что характеризует не мелочность героя, а особое эмоциональное состояние.

Портрет центрального героя рассказов М. Зощенко собирателен и выстраивается почти всегда с помощью диалога, который отличается от диалога в творчестве Достоевского, более ориентированного на «исповедальность», нежели на коммуникативную диалогичность. Например, в рассказе «Жених» использование приема диалогизации (М. Бахтин) позволяет автору создать яркую образную картину: «Вылезает бабочка с телеги. Да смотрю, как-то неинтересно вылезает – боком и вроде бы хромает на обе ноги. Фу-ты, думаю, глупость какая!

– Что вы, – говорю, – бабочка, вроде бы хромаете?

– Да нет, – говорит, – это я так, кокетничаю.

– Да как же, помилуйте, так? Дело это серьезное, ежели хромаете. Мне, – говорю, – в хозяйстве хромать не требуется.

– Да нет, – говорит, – это маленько на левую ногу. Полвершка,

говорит, всего и нехватка.

– Пол, – говорю, – вершка или вершок, – это, – говорю, – не речь. Время, – говорю, – горячее – мерить не приходится. Но, – говорю, – это немисливо. Это и воду понесете – расплескаете. Извините, – говорю, – обмишурился»¹.

В этом раннем рассказе использован основной прием писателя – сказовая форма повествования, позволяющая через комическое раскрыть трагическое. Сказ М. Зошенко, по определению Ю. Тынянова, «делает слово физиологически осязаемым – весь рассказ становится монологом с двойным адресатом, т.е. монологом, произнесенным с оглядкой на читателя при обращении к прямому адресату. Читатель входит в рассказ, начинает интонировать, улыбаться, он не читает рассказ, а играет его. Сказ вводит в прозу не героя, а читателя... Юмор живет словом, которое богато жестовой силой, которое апеллирует к физиологии, – навязчивым словом»². Сказ выполняет функцию срывания маски и способствует созданию портрета «изнутри», поскольку сказовая форма апеллирует к адресату/читателю как к единственному слушателю, для которого и ведется только это «сакральное» повествование. Сакрализация комического очень важный прием в творчестве и Достоевского, и Зошенко.

Поэтика М. Зошенко достаточно многогранна, но в рассказах преобладает комическое: непритязательный сюжет с обыгрыванием нелепой коллизии, «курьезность» в осмыслении героя. Таковы принципы сюжетно-фабульной организации рассказов и у Достоевского. Некоторая примитивизация сюжета призвана подчеркнуть «карнавальную» балаганность и сценичность: представление героя публике акцентируется в системе «курьезности», с тем чтобы акцентировать внимание не на действии, а на образе. Так, у Достоевского в «Ползункове» или «Сне смешного человека» действие представлено в системе «рассказ в рассказе», фабульная же основа – исповедь героя. На наш взгляд, такой подход обусловлен важностью «самосрывания» маски с героя в процессе исповеди, что акцентирует шутовской прием – саморазоблачение посредством самоиронии. Таковы рассказы М. Зошенко «Веселая жизнь», цикл «Рассказы Синебрюхова». Герой этих рассказов – человек обычный живущий в многонаселенной коммунальной квартире, стоящий в магазинной очереди, идущий в толпе зевак на улице.

Рассказывая о своем герое, писатель высмеивает не только его, но и то бескультурье, душевную мелочность, которые ежедневно ставят его в неловкое положение, не всегда им осознаваемое.

«Раньше, граждане, было куда как проще», – начинается один из рассказов М. Зошенко «Брак по расчету»: «А которые женихи – тем было все как на ладони. Вот, скажем, невеста, вот ее мама, а вот приданое. А если приданое, то опять-таки какое это приданое: деньгами или, может быть, домик на фундаменте»³, – продолжает рассказывать герой трагическую историю своей женитьбы на невесте с приданным.

Решив устроить себе безбедную жизнь за счет супруги, герой находит себе невесту-служашую. Однако через некоторое время благосостоянию

1 Зошенко М. Избранное. - М., 1981. - С. 46.

2 Цитируется по статье: Томашевский Ю. Смех Михаила Зошенко // М. Зошенко. Избранное. - М., 1981. - С. 3-12.

3 Зошенко М. Избранное. - М., 1981. - С. 41.

героя приходит конец – супругу как замужнюю женщину сокращают с работы, и он вынужден искать себе другое доходное место. На наш взгляд, сюжетная организация рассказа Зошенко может рассматриваться как сюжетная рецепция по отношению к рассказу «Ползунков», герой которого рассказывает смешную историю о том, как он чуть не женился. Зошенко вслед за Достоевским поднимает одну из самых распространенных ситуаций «балаганного» карнавального представления – осмеянный муж/жених. Комическая ситуация становится психологической призмой для рассмотрения героя не только в «смешной», но и в «трагической» роли. Смешная исповедь воспринимается как театральное представление и не вызывает у «адресата» сострадания, сочувствия, а только иронию и смех. Так психологически акцентируется то трагическое одиночество и непонимание, которые детерминируют истинную трагедию «маленького/мелкого» человека.

Для Зошенко, как и для Достоевского, очень важно использовать разоблачительную психологическую функцию речевого портрета. В рассказе «Брак по расчету» иллюзия живой речи создается использованием просторечий «нуте-ка», «сунься», «обмишуриться», «тары да бары», нарушением морфологической формы слов («кинематографы посещать»), использованием тавтологий («пролежни пролежишь»), намеренным сочетанием просторечных выражений с канцеляризмами и книжной лексикой («я на службу ориентировался», «длится эта дискуссия два месяца», «ультиматум я ей ставлю: вводите, говорю, в дом»). Лингвостилистические особенности работают на психологический портрет рассказчика, подчеркивают его индивидуальность.

Рассказчик в произведениях М. Зошенко – будь это просто средний человек («Брак по расчету», «Медик»), мешанин («Муж», «Жених»), простой рабочий («Мелкий случай», «Рабочий человек»), бывший работник транспорта, бывший старый революционер с пятого года («Шапка», «Брак по расчету») – по большей части совершенно серьезен, но события, о которых он повествует, нелепые, утрированные. Именно в этой диспропорции заключено сатирическое заострение в рассказах М. Зошенко, рецептивно соотносимое с психологическими приемами, присущими «комическим рассказам» Достоевского. У обоих авторов сюжетная ирония дополняется языковой, устанавливая дистанцию между автором и рассказчиком и разрушая идентичность их взглядов.

Это позволяет говорить не только о рецептивном соотношении Зошенко и Достоевского, но и об их глубинном родстве с мировой комической традицией, постулировавшей эти черты комического в литературном тексте.

Юрий ФЛЫГИН

ВЕХИ ИСТОРИИ

28 июня 2020 года (15.06 по старому стилю) исполнилось 155 лет со дня завоевания Ташкента российским военным отрядом под командованием генерала Михаила Григорьевича Черняева. Это событие положило начало интеграции Туркестана в состав Российской империи, что, в свою очередь, оказало гигантское цивилизационное влияние на модернизацию всех сторон жизни коренных народов Средней Азии, способствовало формированию совершенно нового цивилизационного уклада, сочетающего как традиционные элементы, так и заимствованные русские, европейские. При всей неоднозначности возможных оценок, особенно свойственных современной узбекской историографии и общественному мнению, однозначно можно заявить, что и упомянутое событие, и последовавшие процессы самым радикальным образом изменили ход местной истории. Как раз в свете нынешних оценок интересно посмотреть, как присоединение Средней Азии к России оценивали джаиды, истинные патриоты узбекского народа. В 1915 году в Туркестане отмечалось пятидесятилетие взятия Ташкента. Конечно, начавшаяся немного менее года до этого мировая война повлияла на торжества, они проходили очень скромно и лишь в Ташкенте. Городская дума на все юбилейные дела выделила лишь 2000 рублей. Правда, потом добавили еще 500 рублей, но все равно, сумма была более чем скромная. Устроители праздника вычеркнули из программы даже фейерверк – он стоил бы нескольких сот дополнительных рублей. На торжества приглашалась вдова Черняева – Антонина Александровна. Правда, приехать она не смогла, но прислала поздравительную телеграмму. Из числа непосредственных участников штурма Ташкента в живых к тому времени осталось всего четыре человека – двое рядовых и два офицера, понятно, что давно уже бывших. В торжествах участвовала также большая делегация от мусульманского населения. От ее имени авторитетный местный деятель Сеид Карим Сеидазимбаев выразил «благодарность... за те блага правопорядка и культуры, которые местное население познало только

Юрий ФЛЫГИН. Родился в 1950 г. в Ташкенте. Окончил исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Историк, публицист, общественный деятель. Автор многочисленных научных, научно-популярных статей и книг, преимущественно по проблематике российско-среднеазиатских связей. Член президиума Русского культурного центра Узбекистана.

со времени прихода в край русских». Немного ранее, в апреле 1915 года, джадидская газета «Садои Туркестон» писала в передовой статье: «Жаль, что в связи с войной отложены праздничные мероприятия в связи с 50-летием присоединения Туркестанского края и такое событие ничем не знаменуется и коренные туркестанцы об этом ничего не знают. Тогда как они должны более чем кто-либо радоваться свершившимся событиям. Так как русские со своим приходом принесли туркестанцам просвещение и открыли им дорогу к дальнейшему развитию». В издании газеты «Садои Туркестон» принимали участие, в частности, такие столпы джадидизма, как Абдулла Авлони, Мунаввар Абдурашитханов, Тавалло. Редактором был Убайдулла Асадуллаходжаев. То есть буквально все апостолы современной узбекской национальной идеологии.

*Небольшая информационная статья Ю. С. Флыгина, опубликованная на ФБ 29 июня 2020 года, вызвала множество комментариев, по-видимому, обусловленных периодически возникающими в интернете русофобскими публикациями. Один из них, комментарий известного ташкентского журналиста и публициста **Султанова Рахимжона**, аргументированный, призывающий к размышлениям, предлагаем читателям журнала:*

«Какие-то странные колонизаторы-модернизаторы были эти отряды М. Г. Черняева и его верные последователи...

С их приходом сошли на нет междусобищи между кланами и группировками, прекращены были противоборства между Кокандом, Бухарой и Хивой, прекращена работорговля, бачабозлик, отменены многие виды налогов и сборов.

Началось восстановление памятников древности, сильно пострадавших от землетрясения во второй половине XVII века, начался ремонт действующих медресе и мечетей. На ремонт мечети Ходжи Ахрара в Ташкенте русский император Александр III выделил из своих личных средств 125 тыс. рублей.

В край пришла качественная, по меркам того времени, медицина, детей местной знати стали принимать в русские гимназии, а затем были организованы русско-туземные школы.

Не был захвачен ни один дом местного населения, ни один объект недвижимого имущества, принадлежавшие местному населению.

Местных купцов стали приглашать на торговые ярмарки в Казань и Нижний Новгород без взимания пошлин на ввозимый/вывозимый товар.

Зачем это надо было империи? Ведь можно было вести себя как англичане в Индии, захватывая всё на своем пути и нещадно эксплуатируя местное население».

Садиржон ЯКУБОВ

НЕМЕЦКИЕ ПЕРЕВОДЫ РОМАНОВ АБДУЛЛЫ КАДЫРИ

Общеизвестно и бесспорно, что продуктивная ценность литературного произведения зависит от его функционирования не только как художественного текста в конкретном автономном литературном пространстве, но и от того, как оно включается в контекст социальных, культурных и литературных факторов мира, отражает социокультурные ориентиры, именно эту включенность в мировой литературный процесс и обеспечивает перевод. Посредством перевода обеспечивается функционирование всякой национальной литературы в мировом литературном пространстве. Особую значимость и актуальность получил перевод с обретением Узбекистаном государственной независимости, поскольку появилась явная необходимость идентификации узбекской литературы и культуры в мировом культурном пространстве, т. к. изменился их статус: из одного из субъектов полилитературной и поликультурной системы «советская многонациональная культура и литература» они стали самостоятельными субъектами в системах «мировая культура», «мировая литература». Возникла необходимость обозначить национальную литературу как сложную, оригинальную, многоуровневую, художественную систему со своей историей, закономерностями, исканиями и тенденциями развития, синтезировавшую многовековой опыт национальной литературы, показать ее национальное и художественное своеобразие, вклад в мировое культурное пространство, взаимодействие с другими литературами, место в системе межлитературных общностей, литературно-художественные традиции, что, в первую очередь, обусловило острую актуальность переводческой деятельности, усиление интереса к переведенным с национальных языков художественным текстам, обращение к ранее переведенным произведениям, изучение истории и динамики развития перевода. Именно это, как справедливо отмечают известные переводчики и литературоведы, «способствует росту данной национальной литературы, укреплению ее авторитета в мировом литературном пространстве, помогает занять достойное место, определить вклад национальной литературы в мировой литературный процесс».

Садиржон ЯКУБОВ. Родился в 1952 году, В 1975 году окончил факультет романогерманской филологии ТашГУ (ныне НУУз), кандидат филологических наук, литературовед, имеет 30 научных и научно-публицистических работ. Автор монографии «Адабий ва маданият алоқалари».

В свете сказанного вполне целесообразно и продуктивно обращение к изучению ранее сделанных переводов произведений узбекских классиков на иностранные языки, в частности, произведений талантливого узбекского писателя Абдуллы Кадыри на немецкий язык. Это, безусловно, поможет проследить динамику развития и процесс совершенствования переводных текстов, полноценно отражающих художественную действительность подлинника (органического единства его формы и содержания) средствами языка перевода, глубинное постижение не только творческого замысла автора оригинала, но проникновение во второй и третий лингвистический слой памяти, в авторскую творческую манеру оригинала, воспроизведение национальных особенностей, ритма, тональности, стилистики – всех художественных компонентов произведения.

Первый перевод Абдуллы Кадыри (роман «Минувшие дни») вышел в свет в Германии в 1968 году. Осуществлен он был в издательстве «Kultur und Fortschritt» в Берлине немецкой переводчицей Ньотой Тун. Второй роман Абдуллы Кадыри «Скорпион из алтаря» был переведен Арно Шпехтом. Перевод вышел в Берлинском издательстве «Volk und Welt» в 1969 г. Внимание к романам А. Кадыри свидетельствует о популярности творчества узбекского писателя за рубежом.

Знаменитый роман «Минувшие дни» на родине стал известен узбекскому читателю сначала в отрывках, опубликованных в 1922 г. в сборнике «Инкиляб» («Революция»). Полностью, отдельной книгой он вышел в 1925 г.

Автор знаменитого романа обращается к множеству животрепещущих вопросов из жизни представителей всех социальных слоев узбекского общества, подвергая критике жестокость и бессмысленность социальных порядков, невыносимые условия жизни народа в эпоху феодализма. Бичующая критика феодализма, разоблачение роли мусульманского духовенства – один из принципов утверждения реализма в узбекской литературе.

Сам писатель, характеризуя время создания романа, называет его «самыми грязными и черными днями», впоследствии это время было названо «последними ханскими временами».

Немецкий литературовед и переводчик Ньота Тун подчеркивает роль романов Абдулла Кадыри, отмечая, что «оба его исторических романа – “Минувшие дни” и “Скорпион из алтаря” – существенно наполнили и возвысили молодую узбекскую прозу».

В романе «Минувшие дни» отображена жизнь узбекского общества середины XIX века.

Главные герои романа – Отабек и Кумуш, преследуемые правящей феодальной верхушкой, воплощающей тёмные силы эпохи.

Основой сюжета романа является история прекрасной, искренней, светлой любви Отабека и его жены Кумуш, которая завершается трагедией: оба героя становятся жертвами деспотизма и коварства.

Через историю жизни главных героев произведения – Отабека и Кумуш – немецкий читатель познаёт тяготы жизни народа и жестокость, бесчеловечность феодальной эпохи, являющейся тормозом в общественном развитии.

Немецкий перевод осуществлялся с русских переводов романов (через язык-посредник).

Вот как характеризует эпоху автор:

Оригинал:

А. Қодирий. «Ўткан кунлар». *Гафур Фулом номидаги адабиёт ва санъат нашириёти*. Т. 1974 й.

«– Аммо бизнинг кундан-кунга орқага кетишимизга ўзаро низойимиз сабаб бўлмоқда, деб ўйлайман, бошиқа хил айтганда, Зиё амакимнинг фикрлари қисман тўғри. Орамизда бу қўрқинч ҳолатга ба ҳаққи тушунадиган яхши одамлар йўқ, билакс бузгунчи ва низоси унсурлар томир ёйиб, ҳар замон содда халқни ҳалокат чуқурига қараб тортадирлар».

Перевод на русский язык:

А. Кадыри. «Минувшие дни». «ГИХЛ», М. 1961 г.

«– У нас вечная междоусобица, вот почему мы отстаем с каждым днем все больше и больше. Почтенный Зия-шахичи прав – мало у нас хороших людей, которые понимали бы, какая грозит опасность нашему народу».

В этих словах Отабека заключается идея произведения. Они переведены на немецкий язык точно и адекватно, с соблюдением лексических и синтаксических соответствий, воспроизводящих дух произведения и мироощущение автора.

Перевод на немецкий язык:

Abdulla Kodiri. *Die Liebenden von Taschkent*. Berlin, 1968.

«Bei uns herrscht ewige innere Fehde, und so bleiben wir von Tag zu Tag weiter zurück. Der Ehrenwerte Sijo-Schohische hat recht. Es gibt bei uns zu wenig seelbtlose Menschen die erkennen, welche Gefahr unserem Volke droht. Überall dringen Friedensstörer ein und führen unser Volk in immer tieferes Unglück».

Достаточно выразительно и красочно воссоздает немецкий переводчик образ Кумуш, тонко и уместно передавая традиционное описание прелестной женщины и красоты природы, ее окружающей.

Оригинал:

«Кумушибиби ариқ бўйидаги бир ўринни кўзладида, сакраб нариги юзига ўтди ва чўнқайди. Унинг кўзлари мулоиймгина сув остига огдилар, ариқнинг мусаффо тиниқ суви ёввошигина оқиб келар, Кумушибибининг қаршисига етганда гўёки унинг таъзими учун секингина чарх уриб кўяр, ўз устида ўтирган соҳиранинг сеҳрига мусахар бўлган каби тагин бир каттароқ доирада айлангач, оҳистагина кўприк остига оқиб кетар эди. Ариқ сувининг ноҳоятсиз бу ҳаракатини узоқ кўздан кечириб ўтиргач, қўл узатиб сувдан олди ва юзини ювди».

Перевод на русский язык:

«Кумуш перепрыгнула на другую сторону арыка и присела на корточ-ки. Взгляд ее нежных глаз был прикован к воде: тихо текла прозрачная вода, но в том месте, где сидела Кумуш, она, как бы приветствуя девушку, делала небольшой круг и затем, словно замороженная чарами волшебницы, склонившейся над нею, делала круг побольше и уходила под мостик. Глядя на чудесное движение воды, Кумуш зачерпнула ее рукой и умыла лицо. Капли, поцеловав ее, упали обратно в арык, и вода в нем всколыхнулась, в глубине произошло какое-то смятение. После второй и третьей горсти, которые Кумуш плеснула себе в лицо, волнение в арыке увеличилось».

Наконец, у Кумуш, видно, затекли ноги. Она пополоскала раза два рот, сверкавший белыми, как перламутр, зубами, встала и ушла».

Перевод на немецкий язык:

«Sie ging die Stufen der Terasse hinab zum Aryk. Sie sprang auf die andere Seite und hockte sich nieder. Ihr zärtlicher Blick ruhte starr auf dem Still dahinströmenden Wasser, das hier einen kleinen Kreis beschrieb und ein paar Meter weiter, vom Blick der Jungen Fee gleichsam verzaubert, wirbelnd unter der Brücke verschwand mit der hohlen Hand schöpfte das Mädchen Wasser und wusch sich das Gesicht. Die niederfallenden Tropfen schienen das Wasser auf dem Grund in Aufruhr zu bringen».

В этом эпизоде, несмотря на то что перевод осуществлен не с оригинала, а с русского издания, чувствуется, что немецкий переводчик, насколько это возможно, бережно сохранил творческую манеру, художественный стиль узбекского писателя, понимая его как исторически, социально, культурно и ментально обусловленное, оригинальное явление. Для узбекских текстов характерна цветистая метафоричность, зачастую скрывающая подлинное содержание описания. Для воссоздания авторского стиля и подлинного смысла описываемого необходимы не только знание конкретного материала (исторического, этнического, географического и пр.), но и проникновение в смысловые пласты текста-оригинала, особое писательское мастерство, художественное чутье, чтоб избежать нелепых оплошностей.

Сумев живо и красочно передать великолепие природы, немецкий переводчик весьма удачно передал обаяние и характер Кумуш, ее красоту и человеческое достоинство. В переводном тексте сохранен национальный колорит и тончайшие нюансы творческой манеры Абдуллы Кадыри.

Определенную сложность для переводчика представлял образ Отабека, т. к. через психологический, личный портрет необходимо бы-ло воссоздать социальную сущность героя, противоречивость его убеждений, вслед за автором показать его двоякую сущность: личные достоинства и несостоятельность его политических взглядов.

Оригинал:

«– Сенинг арзингни хонлар эшитадими, шу беклар ижро этадими?»

Перевод на русский язык:

«– И ты думаешь, что хан станет слушать тебя, а беки будут исполнять подобные приказы?»

Эта фраза несет большую смысловую нагрузку, исподволь давая неискушенному читателю представление о несправедливости, беспределе и жестокости, царящих в стране. Эти слова Отабека очень адекватно переведены на немецкий язык, причем переводчик сумел передать и подоплеку высказывания Отабека.

Перевод на немецкий язык:

«– Und du glaubst wirklich, dass der Khan die Gehör schenkt und dass die Beks solchen Befehlen gehorchen?»

Немецкой перевод доказывает, что оригинал был правильно понят и достаточно точно передан.

Важным действующим лицом в произведении, несомненно, является Хасанали, дополняющий, уточняющий, делающий убедительным образ Отабека. Изображая своих положительных героев, выходцев из высших эксплуататорских классов, стоящих, вроде, на прогрессивных позициях, он все же, не отрываясь от реальной действительности, показывает их

классовую ограниченность. Все эти нюансы нашли свое воплощение и в немецком переводном тексте.

Приведем фрагмент беседы с Хасанали.

Оригинал:

«– *Айтингиз-чи, мен сизнинг кимингиз?*

Отабек Хасаналининг мақсадига тушуна олмай уйга назар ташлади:

– *Сизми? – деб кулимсиради. – Отам бўлмасангиз ҳам, мени оталик муҳаббати билан севган содиқ ва меҳрибон бир кишимсиз, яъни маънавий отам».*

Перевод на русский язык:

«– Скажите, кто я вам?

Отабек бросил на старика недоуменный взгляд и улыбнулся:

– *Вы? Хотя вы и не родной мне отец, но, поскольку меня любите, преданы мне, я считаю вас своим отцом духовным».*

Перевод на немецкий язык.

«– *Sagt mir, was ich Euch bin? Sagt mir? Was ich Euch bin. Otabek blickte den Alten verwundert an und sagte lachend:*

– *Ihr? Zwar seid ihr nicht mein leiblicher Vater aber ihr hebt mich ebenso wie er und ihr seid mir so treu ergeben, dass ich Euch als meinen vaterlichen Freund betrachte».*

Легко убедиться, что немецкий переводчик Ньота Тун сумела передать основной смысл фрагмента оригинала (отрывок из беседы с Хасанали), в этом ее несомненная заслуга.

Однако необходимо отметить один важный просчет, допущенный при переводе этого диалога. Словосочетание «маънавий отам» дается в немецком варианте как «друг отца», а не как «духовный отец», что, безусловно, неверно передает действительный смысл сказанного. Но этот просчет не умаляет заслуг немецкой переводчицы в понимании и адекватной передаче сложного художественного материала.

Перевод романа «Минувшие дни» на немецкий язык осуществлен тоже через русский перевод-посредник (переводчики Л. Бать и В. Смирнова). В русском переводе сохранены не только национальный колорит, но и специфика узбекского литературного письма, своеобразие стиля, именно благодаря этому стал возможен адекватный перевод романа на немецкий язык. Достаточно сложной для переводчика задачей является адекватная передача диалектизмов, жаргонизмов, фразеологизмов, фольклорных элементов, языковых синтаксических фигур, национально-специфических языковых единиц и вокативов.

Здесь не всегда оправдано стремление к точной передаче, необходима смысловая точность. Для этого используются либо адекватные единицы другого языка (языка перевода), либо просто передача смысла использованной лексической единицы.

Оригинал:

«*Ҳа, айланай қуда... қарс икки қўлдан чиқади, деганлар... Бузоқ яхиши бўлса икки онани эмар экан...»*

Перевод на русский язык:

«*Ласковый теленок двух маток сосёт».*

Перевод на немецкий язык:

«*Ja, ja, ein zartliches Kalbehen darf bei niehreren Muttern saugen».*

В русском переводе использована русская пословица, точно передающая смысл высказывания.

Эту пословицу немецкая переводчица адекватно перевела на немецкий язык. В подобных случаях переводчик обращается либо к аналогичному фольклорному материалу языка перевода, либо описательно передает смысл пословицы.

Оригинал:

«Соқоли узун, ақли қисқа».

Перевод на русский язык:

«Люди небольшого ума высоко летают».

Перевод на немецкий язык:

«Langer Bart, kurrer Verstand».

Перевод, как всякий творческий процесс, всегда отмечен творческой индивидуальностью переводчика, однако главная задача перевода – сохранить творческую индивидуальность автора текста-оригинала. Именно такие переводы дают возможность полностью войти в «культурное поле» произведения, органически сосуществовать со временем и пространством оригинала, способствуют популяризации текста-оригинала и содействуют включению национальной литературы в мировой литературный процесс. Необходимые и целесообразные условные изменения, к которым иногда прибегают переводчики, не умаляют качества перевода, если целью переводчика является создание аналогичного оригиналу структурно-содержательного единства.

Приведенные немецкие переводы – свидетельство того, что Ньота Тун, понимая смысл оригинала, сумела точно передать смысл пословиц, справилась с нелегкой задачей.

Переводы на немецкий язык романов Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» (Ньота Тун) и «Скорпион из алтаря» (Арно Шпехт) служат литературному взаимообогащению и развитию творческого сотрудничества Узбекистана и Германии.

Как отмечал профессор Иззат Султанов, «исторические романы Абдуллы Кадыри – прекрасные памятники развития реалистической прозы в Узбекистане, до сих пор не потерявшие своей художественной ценности», и они должны занять достойное место в мировом литературном пространстве.

СВЕТЛЫЕ НОЧИ ХУДОЖНИКА

Абдунаби БОЙКУЗИЕВ

Несколько лет назад мы с писателем Шодмоном Отабеком, поэтами Мирпулатом Мирзо, Турсуном Али и некоторыми другими друзьями (это вошло в привычку) в определенный день каждого месяца устраивали культпоходы в музеи и на выставки. Здесь, как правило, мы встречались с известными художниками, искусствоведами, писателями, здесь обязательно случались интересные беседы...

Увиденное мы зачастую обсуждали за пиалушкой чая в какой-нибудь чайхане или закусочной, обменивались мнениями, спорили.

Если не было выставок, мы отправлялись в «Голубые купола» или кафе Мирзахалила около Театра оперы и балета.

Мирзахалил, повидавший мир, один из лучших поваров Ташкента, старался распространить в Узбекистане кулинарное искусство всего мира, человек решительный, предприимчивый, он не жалел ни слова, ни соли ради национальной культуры и духовности. Самое главное, он страстный почитатель живописи, поклонник великого художника Рузы Чарыева.

В свое время он купил много картин Рузы-аки (некоторые ему подарил сам художник). В своем кафе он устроил своеобразный выставочный зал: развесил на стенах картины и хранил их как зеницу ока, буквально сдувая с них пылинки.

Здесь всякий, расположившись за столом или полулёжа на топчане, не только ест, но и отдыхает душой, наслаждается.

Желающие попробовать какое-нибудь изысканное заморское блюдо, пока готовят заказ, любуются картинами и прекрасными работами знаменитых гончаров и ремесленников.

Здесь я впервые увидел некоторые не выставлявшиеся ранее картины Рузы-аки.

У кафе Мирзахалила было очень много поклонников, которые не ленились приходить сюда, не считаясь с расстоянием. Шли не только поесть, но и насладиться созерцанием произведений искусства.

Мирпулат-ака работал заместителем главного редактора журнала

Абдунаби БОЙКУЗИЕВ. Поэт, писатель, публицист. Родился в 1954 г. в Андижанской области. Окончил Национальный университет Узбекистана. Опубликовал множество стихотворных, прозаических, сатирико-юмористических и публицистических книг. Член Союза писателей Узбекистана.

«Жаҳон адабиети» («Мировая литература»). Фотокопии взятых во время наших «походов» на примету картин он помещал на обложки и страницы своего журнала.

К сожалению, человек смертен. Вот и Мирпулат-ака, всегда с улыбкой встречавший нас, и прекрасный писатель Нодир Нормат, работавший главным редактором журнала «Санъат» («Искусство»), покинули этот мир. Шодмонбек-ака переселился в свой дом в районе ТашГЭС. Поэт Турсун Али переехал в Дурмень и лишь изредка навещается в город...

Да ладно, пусть все будет здорово!

Сегодня душа время от времени жаждет тех «походов», знаменитый Центральный выставочный зал зовет, тем более что в этом здании находится Академия художеств. Вот о творчестве талантливого художника Акмаля Нура, руководителя академии, и хочется рассказать.

Знаю, он с головой погружен в работу. У него тысячи забот... С одной стороны – строительство современного нового комплекса, с другой – повседневные заботы академии, местные и международные мероприятия, встречи, посетители, ожидающие в приемной, поручения правительства и многое другое.

А время для творческой работы?

Если и есть, то, наверное, только ночью. В те короткие ночи, когда человек должен спать и набираться сил для следующего дня!

Иногда думаю, может быть, поэтому в творчестве художника так часто встречается тема сна: «Уйқу» («Сон»), «Зухро» («Венера»), «Ширин уйқу» («Сладкий сон»), «Бедор тунларим» («Мои бессонные ночи») и др.

* * *

Несмотря на такую занятость Акмаля Нура, нам все же удается иногда встретиться.

Вглядываюсь в его лицо. Глаза живые, улыбка мягкая, бодрый, полный энергии, доброжелательный, всегда встречает с искренней благосклонностью.

Но... замечаешь в нем и какую-то скрытую боль. Может, это тоска по самому драгоценному – упущенному времени, которое безжалостно поглощает конторская и общественная работа, а многие творческие планы остаются только мечтой?

Иногда во время бесед эта боль невольно обнаруживает себя.

Но художник Акмаль Нур, хоть и бессонными ночами, все же воплощает свои творческие планы, создавая оригинальные, яркие полотна. При этом на страницах газет и журналов регулярно появляются статьи о его активной общественной работе. И тогда ловишь себя на мысли, что он одинаково продуктивно работает и как руководитель, и как художник. Но ведь главное назначение художника – это писать картины! Как же успевает он при такой напряженной общественной создавать свои прекрасные живописные полотна?

Думаем, что именно в те бессонные НОЧИ!

Как-то у меня возникло желание посмотреть на те мгновения, когда художник работает кистью... Я позвонил ему.

– Можете подойти в мастерскую завтра в такое же время?

Я посмотрел на часы – около восьми вечера...

– Конечно, конечно! – безмерно обрадовался я.

Оказалось, что мастерская художника находится на самом верху многоэтажного дома на станции метро Максима Горького, на чердаке, окруженном железным каркасом ночного публиколора, передающего рекламу на пол-Ташкента.

* * *

В ту первую нашу встречу я обратил внимание на одно качество художника. Когда встречаешься с ним, приходишь навестить (где бы это ни случилось – на улице, в офисе, в мастерской), он встречает искренней, светлой улыбкой в глазах, свойственной только ему...

Это придает какую-то уверенность, смелость. Чувствуешь, будто близко знаешь его многие годы.

Поверьте, эта искренняя сердечность лучше многих царских угощений!

* * *

Знаю, что жизнь художников в мастерской совершенно отличается от повседневной бытовой, офисной. Но никак не мог подумать, что Акмаль-ака (хоть разница в возрасте всего два-три года, мы привыкли почтительно обращаться друг к другу «ака») встретит меня в рабочем комбинезоне.

На руках следы красок. Значит, как только в дверь постучали, он наспех вытер руки и открыл. Задумавшись, наверное, непроизвольно дотронулся до лица – около левого уха следы красноватой краски.

«Кажется, отвлек от работы», – подумал я.

– Знаете, что я делаю перед началом работы? – поздоровавшись, задал вопрос художник. И, сам отвечая на него, продолжил: – Пишу текст картины. Текст эскиза...

– Что за текст эскиза картины? – удивился я.

Он разложил передо мной стопку исписанных белых листов:

– Вот, прочтите это. Это словесное изображение каждой из моих картин, – пояснил он, указывая на картины, аккуратно развешанные на стенах.

– Сначала, подобно писателю, записываю на бумаге свои мысли. Потом они перемешаются на полотне...

– А бывает, когда что-то не воплощается на полотне? – спрашиваю я, чтобы поддержать беседу.

– Да, бывает, что-то переставляется с места на место и в конце концов теряется.

– Произведения, которым не суждено родиться! – бросаю я реплику.

Собеседник улыбается. В глазах появляется странное выражение: улыбка и скорбь одновременно.

Он кладет мелкие кусочки сахара в две чашки, заливает их кипятком, пододвигает одну в мою сторону и любезно говорит:

– Пейте, очень ароматный кофе...

По комнате разносится приятный запах. Мое отношение к кофе весьма сдержанное. Но такого аромата я никогда раньше не ощущал. «Какой-то особенный, импортный, наверное», – думаю я.

Приятно чувствовать, что собеседник не жалеет потраченного на тебя времени. Чувство неудобства вскоре покидает меня, мы подходим к картине художника, которую он только начал писать.

Кстати! Текстовые наброски картин Акмаля Нура...

Если бы он не был художником, то, наверное, быть может, стал бы поэтом или прозаиком. И наверняка его слава как писателя была бы ничуть не меньше...

Меня посетила мысль, что хорошо бы собрать его записи и издать сборник «Текстовые зарисовки картин художника Акмаля Нура», думается, он был бы очень востребован и ценен и с художественной, и с методической точек зрения.

* * *

По дороге домой я размышлял о притягательной силе, особом звучании картин Акмаля Нура.

Честно говоря, именно тогда я почувствовал, что моя образованность в области живописи оставляет желать лучшего. Правда, такое ощущение иногда появлялось у меня и раньше, во время просмотра картин таких известных художников, как Самиг Абдуллаев, Тура Курезов, Обиджон Бакиров. Но, Бог свидетель, не в такой мере!

Бурю чувств, социально-политическую философию, цепь событий, вложенных в маленькую картину, иногда понять и прочувствовать очень сложно. Не хватает знаний.

Может быть, произведения вышеупомянутых художников легче воспринимается, в силу того что они созданы по канонам с детства знакомого нам соцреализма, т. е. потому что они более традиционны? Именно на них формировались наши знания и представления о живописи.

Невольно начинаешь завидовать молодежи. Молодые легче и лучше воспринимают современные произведения, емкие по смыслу и содержанию понятия «реализм», «сюрреализм», «ирреализм», «модернизм», «постмодернизм»... Они разговаривают на языке каких-то не очень понятных нам «измов» и течений. А люди нашего поколения... Зачастую мы оказываемся в затруднительном положении, не сразу понимая, о чем идет речь.

* * *

В полотнах Акмаля Нура можно наблюдать процесс развития «измов» с момента возникновения.

В такие моменты я сравниваю творческий портрет Акмаля Нура с легендарной птицей Хумо, исполненной своими тонкими внутренними переживаниями, гордо и радостно парящей над миром, не обращая внимания на тревожные веяния времени. А то, что эта птица Хумо не раскрывает перед каждым встречным свою душу, еще больше удивляет и пленит.

Это ощущение не покидает человека во время созерцания его картин, когда душа невольно теряет равновесие, когда своим внутренним «Я» начинаешь понимать и ощущать близость отраженных в облике героев художника дум, то печальных, то полных уныния, то радостных, но неизменно искренних, чистых.

* * *

Мастерская художника...

Это место мне хочется назвать аллеей чувств. В таких местах сосредотачиваются нюансы эмоций, сокровенные думы художника. Творения художника синтезируют их, являя собой полные трепета и тревог запечатленные чувства, дарованные ему богом и вырвавшиеся наружу, в мир.

В это место, как говорил знаменитый поэт Омон Матчан, «каждый приходит со своими весами». Если вынесенные из творческой мастерской Акмаля Нура впечатления не равнозначны чувственному миру художника, не обесцудьте, дорогие.

* * *

У Акмаля Нура почти нет картин, вызывающих чувство неловкости, стыда. Его обращение к обнаженной натуре отличается сдержанностью, чистотой, окутано тонкими чувствами, завуалировано иносказаниями. Например, его «Венера», которую нельзя воспринять как изображение нагого тела, это воплощение чистой, непорочной красоты.

Всегда изумляет высокая духовность картин художника, вызывающая ответные высокие и чистые эмоции, требующие поэтического воплощения. Непроизвольно возникают стихи, рожденные вдохновением художника, чувствуешь сопричастность к его миру прекрасного.

* * *

Когда мы недавно созвонились с художником, он вдруг сказал:

– Зайдите как-нибудь! Мой альбом вышел. Для вас тоже приберег экземпляр.

Я видел много прекрасных издательских работ, так как занимаюсь издательским делом. Среди них – и со спичечный коробок, и огромные, как сундук. И альбомы я повидал разные. Но этот новый альбом Акмаля Нура, изданный в Стамбуле («Zamon press-info nasriyot uyi» – 2019 г.) прекрасен во всех отношениях. В нем отражены самые характерные черты творчества художника (да и вес солидный, наверное, килограммов на десять потянет!). Предисловие написал азербайджанский искусствовед академик Эртегин Саламзода. «Акмаль Нур умеет быть разным, всегда при этом оставаясь самим собой», – справедливо отмечает он в альбоме.

Насколько точная и удивительная оценка! Анализируя творчество Акмаля Нура, невозможно не удивиться научной проницательности и глубине суждений академика.

* * *

Думается, художник, изображая эпизоды, связанные с народными ценностями, национальными традициями, переживает самые счастливые моменты жизни. Именно это чувствуешь, рассматривая такие его картины, как «Рассвет. Двор», «Свадебный кортеж», «Невеста из Шахрисязба», «Белое сюзане», «Невеста», «Сюзане», «Старая мельница», «Жертвоприношение».

Детство... Отдельное чистое прибежище в жизни человека. У каждого из нас есть детские воспоминания, свои, ни на чьи не похожие. Рассматривая картины Акмаля Нура, возвращающие в детство («Вечера моего детства», «Певчие перепелки», «Братья», «Мама, я и наша собака», «Моя мама», «Наследник», «Гранаты моего деда»), особенно рассказывающие о юношеских годах («Диалог», «Встреча», «Горячие лепешки», «Песня», «Гранат, сорванный в саду любимой», «Взгляд», «Мелодия» и др.), удивляешься яркости его неувядаемых детских воспоминаний и впечатлений.

Следует заметить, что хлеб, яблоко, птицы, плоды гранатов, кони в творчестве Акмаля Нура встречаются часто и являют собой некие символы, глубокие и личностные.

* * *

И, наконец, о картине «Манкурт», заслуживающей особого внимания.

Грызущее сердце с самого начала моей работы над статьей страшное зрелище!.. Царство тьмы. Растущее из головы бревно – крест! Что-то существующее в этом мире, но не существующее вне его... Совершенно голая Голова! Не прибитые к кресту и даже не привязанные, но – еще страшнее – скрюченные руки. Не то живые, не то мертвые! Волосы – растрепанные нити разбросанных, бессмысленных помыслов. Нет, скорее, колючая проволока! А на самом верху деревянного креста... узбекская национальная тубетейка!

Знаете, мне кажется, что это трагедия сегодняшнего дня. К сожалению, частички этой трагедии в той или иной степени живут внутри каждого из нас. Не только живут, но, боюсь, растут и крепнут!

* * *

В альбоме много портретов выдающихся личностей, трагедий и истин прошлого. Среди них есть и величественный образ нашего предка, правителя и поэта Захириддина Мухаммада Бабура. К сожалению, на всех трех картинах он изображен в чалме шиитов. Так написан он индийским художником. Может быть, этот портрет исторически правдив. Но Бабур такую чалму надевал лишь во время проповеди по требованию правителя Ирана...

По-моему, следует сказать, что пришло время отвлечься от постоянного обращения к единственной ошибке Бабурашаха и создать его портрет, показать его миру в облике, свойственном его истинной вере, то есть в чалме, которую носили сподвижники «ахли сунна вал жамаа». Было бы прекрасно, если б такой портрет Бабура создал его соотечественник, знаменитый художник Акмаль Нур.

Акмаль Нур хорошо знает прошлое своего народа, его историю, гордится обычаями, традициями и с воодушевлением рассказывает о них в своих полотнах.

По его картине «Фергана до рассвета» была создана песня, рассказывающая о трагической ночи, когда приговоренные к высылке люди покинули Фергану до рассвета.

Думаю, эта картина ни одного человека не оставляет равнодушным.

* * *

Русский поэт Евгений Евтушенко в одной из своих статей писал, что был впечатлен словами, произнесенными одним из героев писателя А. Платонова: «Без меня – народ не полный».

Размышляя о художнике Акмале Нуре, его великолепных картинах, я невольно вспоминаю эти слова и прихожу к мысли, что без картин художника Акмяля Нура узбекское изобразительное искусство, безусловно, «не будет полным».

Да, без феномена художника Акмяля Нура и его произведений сегодняшнее узбекское изобразительное искусство выглядело бы бледно. Ведь его картины уже давно стали не национальным, а всемирным достоянием. Это очевидно всякому образованному человеку, обладающему хоть некоторыми знаниями о мировом изобразительном искусстве.

ЕГО ВОСТОК

РАСУЛ БАБАЕВ

Каждый раз, когда я в очередной раз обращаюсь к произведениям Пушкина, Лермонтова, Грибоедова или других классиков с трагической судьбой, я начинаю размышлять об их относительно короткой, несправедливо прерванной кем-то (обществом, ситуацией или обстоятельствами времени) жизни. А ведь именно они могли бы подарить нам еще много прекрасных произведений... Судьба обошлась с ними сурово и несправедливо...

Совсем недавно я случайно открыл для себя еще одного поэта, переводчика и ученого-востоковеда Григория Викторовича Птицына, к сожалению, тоже рано ушедшего из жизни, мало известного и недостаточно изученного.

Родился он в 1911 году в г. Костроме в семье сельского учителя. После школы поступил на восточное отделение Ленинградского университета и окончил его в 1937 г., продолжив учебу в аспирантуре при Эрмитаже.

С давних пор люди спорят о судьбе человека, о ее предопределенности, о роке... Видимо, споры не будут иметь конца... Молодому Григорию Викторовичу очень повезло: судьба сложилась так, что он учился в то время, когда в университете трудился выдающийся востоковед Е. Э. Бертельс. Не исключено, что именно этот ученый зажег в душе Птицына огонек любви к восточной литературе.

Доктор филологических наук, профессор А.Н. Болдырев писал о личности Птицына, что это был высокий, красивый, стройный, всегда приветливый и серьезный человек с быстрой походкой, умеющий легко и непринужденно выполнять одновременно множество разных дел...

Г. Птицын прожил короткую (всего тридцать лет), но плодотворную жизнь, успев сделать очень многое: написал ряд рассказов («Люстик», «Обыкновенный Ваня») и стихотворений (сборник «Бессмертие»), перевел несколько произведений персидских классиков и современников на русский язык. Наиболее значительные из них – «Ода о старости» А. Рудаки, главы из поэмы «Хосров и Ширин» Низами, стихи М. Амин-заде, А. Дехоти, М. Рахими,

Расул БАБАЕВ. Родился в 1967 г. в Ферганской области. Окончил Таджикский государственный институт мировых языков. Работал преподавателем. Публиковался в периодической печати Узбекистана.

Дж. Сухайли и другие. Ему принадлежат такие научные труды, как «Гератский бейаз XVI века», «К вопросу о географии "Шахнаме"», «Поэтические произведения Сайидо как исторический источник», хранящиеся в Отделе истории культуры и искусства Востока в Эрмитаже (Санкт-Петербург).

Г. Птицын погиб в блокадном Ленинграде в феврале 1942 года – в расцвете сил и творческих возможностей. Сердце, остро воспринимающее внешние события, не выдержало ужасов сороковых годов...

Одно из главных его произведений – трагедия «Хосров и Ширин», написанная в 1941 году по мотивам одноименной поэмы Низами Гянджеви. Однако трагедию Птицына можно считать оригинальным произведением. Она родилась в результате креативного авторского подхода, особого взгляда молодого поэта на известное сказание о Хосрове и Ширин, изложенное в поэме.

Сопоставительный анализ этих двух произведений показывает, что трагедия Птицына, состоящая из четырех действий, значительно уступает по объему поэме Низами, заключающей в себе более шести тысяч бейтов. Поэту удалось, исходя из требований, предъявляемых к жанру, внести ряд изменений и значительных сокращений в сюжетную линию поэмы.

В поэме Низами у иранского царя Хормуза рождается сын – Хосров. Наставник Бузург-Умид обучает его всем премудростям, необходимым для царевича. Друг Хосрова Шапур рассказывает о царице Мехин Бану и ее племяннице по имени Ширин. Услышав о ее красоте и уме, Хосров лишается покоя и посылает Шапура за ней. Шапур рассказывает Ширин о Хосрове, пылающем страстью к ней, и Ширин решает ехать в Медаин.

У Хосрова возникают некоторые проблемы с отцом, и он на время отправляется в Армянское царство.

В это время его отец умирает, и Хосров восходит на трон. Поначалу он зарекомендовал себя справедливым защитником угнетенных, поборником правосудия, но постепенно отходит от государственных дел. Бахрам Чубин свергает его и он бежит в Муганскую степь, где и встречается с Ширин. Ширин призывает его вернуть себе царство. Хосров, подстрекаемый Ширин, с помощью румского кесаря возвращает свой трон. Пользуясь случаем, кесарь выдаёт за него свою дочь Марьям. В это время умирает Мехин Бану, и Ширин становится царицей своей страны.

В жизни Ширин появляется зодчий Фархад, влюбленный в нее. Узнав об этом, Хосров сильно ревнует и дает трудное задание Фархаду – прорубить в скалах русло реки. Фархада навешает Ширин, что сильно огорчает Хосрова, и он коварно обманывает Фархада, отправляя к нему гонца с вестью о смерти Ширин. Услышав об этом, Фархад жертвует собой, умирает и Марьям.

А Хосров, узнав о красоте Шакар, отправляется в Исфахан, женится на ней, но вскоре разочаровывается.

Наконец Хосров привозит Ширин в Медаин и женится на ней. Хосров и Ширин счастливы, но огорчает сын от Мариам – Шируйе. Когда Хосров уединяется в храме огня, Шируйе захватывает трон, никого не допуская к отцу, кроме Ширин. Шируйе смертельно ранит отца, Хосров, истекая кровью, умирает, не решаясь смутить сон Ширин, спящей рядом. Отецубийца сватается к Ширин, но, похоронив Хосрова, она поражает себя кинжалом у гробницы

супруга. У Г. Птицына Ширин тоже погибает со словами:

*Я вновь с тобой, Хосров, любимый мой,
С тобой навеки обрету покой.*

Г. Птицын опустил факт царствования Хормоза, убрал из поэмы образы зодчих Фархада и Шаккар исфаханской, развил, разработал и обогатил образ Шируйе. Птицын не стал, как Низами, подробно повествовать о жизни Хосрова – в его произведении подробно дается лишь переломный, трагический эпизод жизни главного героя.

Описывая события или образы, где-то преуменьшая их значение, где-то акцентируя внимание на трагичности сюжета, Г. Птицын главное внимание сосредоточил на обличении вероломства, духовного уродства, на отсутствии чести, сыновьего чувства, на неуважительном отношении к женщине. В произведении действие развивается стремительно, кульминационная точка – чистая любовь Хосрова и Ширин, противопоставленная чувствам Шируйе и Мариам. Хосров легко уходит от Мариам. Но Шируйе, коварно используя обман, убивает его в надежде, что Ширин достанется ему, однако Ширин кончает жизнь самоубийством у тела Хосрова. Чистая любовь Хосрова и Ширин побеждает обман и коварство Шируйе, оказывается выше его брака по расчету с Мариам.

Низами, согласно своему мировоззрению, не мог придать недовольству Бахрама политический характер. Поэтому в его произведении Бахрам выступает против Хосрова, как несовершенного человека и правителя. Низами верил в идею мудрого и справедливого правителя. Потому Хосров показан в развитии и эволюции.

В трагедии, исходя из требований своего времени, Птицын придал действиям Бахрама политическую окраску. В ней присутствуют голоса людей, в их недовольстве корень будущих бед.

Благодаря Г. Птицыну поэма «Хосров и Ширин» Низами получила новую жизнь, стала известна на многих языках мира, заняла важное место в восточной литературе, сближая народы.

Профессор А. Н. Болдырев отмечает, что текст трагедии – это близкий парафраз персидского оригинала с великолепным сохранением образов оригинала, с тонкой передачей средствами русского языка изысканного восточного своеобразия.

Мудрец

Гнездо аиста

27999 деп

Влюбленный дервиш

**Дорогие читатели и авторы!
Подписаться на литературно-художественные
журналы «Звезда Востока»
и «Шарқ юлдузи» на 2020 год**

можно в любом почтовом отделении или
в офисе редакции по адресу:
100066. Ташкент, пр. Бунёдкор, Адилбар хиёбони,
здание Союза писателей Узбекистана.

Подписной индекс «Звезды Востока» – 831.

Подписной индекс «Шарқ юлдузи» – 911.

Редакция «Звезды Востока» приглашает авторов к сотрудничеству
по всем утвержденным рубрикам журнала.

**Журнал распространяется по подписке.
В розницу можно приобрести в редакции.**